

смена

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1978

ПЯТИЛЕТКА,
ГОД ТРЕТИЙ:

**ВОСТОЧНАЯ
СИБИРЬ**

**СОВСЕМ НЕДАВНО, ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ ПО УРАЛУ, СИБИРИ И
ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ, Я С ОГРОМНЫМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ МОГ ЕЩЕ
РАЗ ВООЧИЮ УБЕДИТЬСЯ, КАКИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ТРУДЯТСЯ
В ЭТИХ БОГАТЕЙШИХ, НО ВО МНОГОМ ЕЩЕ СУРОВЫХ КРАЯХ, КАКАЯ
ТАМ ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МОЛОДЕЖЬ.**

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи на XVIII съезде ВЛКСМ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ "СМЕНЫ"!

долгие годы занимаюсь я историей Сибири. История, по некоторым утверждениям — наука о прошлом. Но историк видит взаимосвязь прошлого с настоящим и настоящего с будущим.

"Как богата Сибирь природными дарами... Ей предстоит сыграть важную роль в летописях мира", — писал в конце XIX века ссылочный А.Н. Радищев. Нынешняя Сибирь чем больше раскрывается миру, тем больше привлекает и волнует современное человечество, — как наших друзей, так и противников.

Многие поколения российских землепроходцев подвижнически осваивали суровые эти края. Со славой и честью земли Сибирской связаны навечно имена русских путешественников, имена декабристов и народовольцев. Здесь Владимир Ильич Ленин активно продолжал революционную и политическую деятельность, собирая материал для своего труда о развитии капитализма в России. Эта ленинская работа по сути дела стала фундаментом борьбы за будущее страны. И может быть, лучший памятник Ильичу, воздвигнутый в местах его ссылки, — это величественная плотина Саяно-Шушенской ГЭС.

Раньше Сибирью пугали, а сейчас — очаровывают.

Сибиряки всегда отличались мужеством, твердостью, смекалкой. Нынешние жители Сибири, кроме этих достойных качеств, обладают еще образованностью, технической грамотностью, деловитостью, любовью к своему краю.

В восточной Сибири на строительстве БАМа и на плотине Усть-Илимской ГЭС, на приисках Якутии и на заводах Красноярска я встречал сибиряков, родившихся в Грузии и на Украине, в Ленинграде и в Ташкенте... Сейчас в наших краях живут и работают люди почти восьмидесяти национальностей, и все они считают себя настоящими сибиряками. И не случайно, у каждого из них — сибирский характер, который уже давно перестал быть этнографическим понятием. Сибирский или еще лучше, советский характер — это духовный сплав многих человеческих качеств, которыми в полной мере обладают молодые преобразователи огромной части нашей страны.

**60-ЛЕТИЮ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Алексей Окладников
АКАДЕМИК

Восточная Сибирь: трасса века

ШТРИХИ К БАМОВСКОМУ ХАРАКТЕРУ

Анатолий БАРАНОВ,
Генрих ГУРКОВ,
Валерий ЕВСЕЕВ.
Специальные
корреспонденты
«Смены».

Не однажды мы бывали на БАМе. В разное время и в разных местах. И не одна строка написана каждым из нас о «стройке века». Но сейчас, склонившись втроем над чистым листом бумаги, объединенные редакционным заданием написать «про весь БАМ», мы спорим друг с другом, что же считать главным на БАМе, и о чем нельзя не сказать сегодня, и какой тон разговора выбрать, чтобы найти общий язык как с самими строителями трассы, так и с теми, кто ни разу не бывал в этих прекрасных по своему величию местах.

Мы понимаем, что нельзя объять необъятное и в одном материале рассказать обо всем, что произошло за последние четыре года на 3145-километровом расстоянии от Байкала до Амура. Мы признаем и то, что не можем претендовать на роль первоописателей трассы, хотя нам и доводилось быть среди головных групп строителей.

Но вот один из нас вспоминает случай, произошедший в памятном 1974 году, когда только что вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». Тогда он, ведомый желанием быть первым, не теряя как будто ни часа, с невероятными трудностями добрался в, казалось бы, самый труднодоступный пункт будущей трассы, где тогда хозяйствами лишь изыскатели. С вполне понятной гордостью отрекомендовался он начальнику партии,

который, ничуть не удивившись, достал свой потрепанный блокнот, переспросил фамилию и записал ее под номером 21 в списке с лаконичным

заголовком «Корреспонденты».

Да, пожалуй, нет ни одного километра будущей магистрали, который бы не описали уже в своих изданиях сотни наших коллег. Поэтому мы решили построить свой материал в жанре, если так можно сказать, ретроспективной мозаики. Выдержки из документов и записи из старых блокнотов, цитаты из газет и некоторые размышления помогут, как нам кажется, в какой-то мере воссоздать картину строительства железнодорожной магистрали, строительства, которое стало одним из главнейших дел комсомолии 70-х годов.

**КТО СКАЗАЛ, ЧТО МЫ РОДИТЬСЯ ОПОЗДАЛИ,
ЧТО ДОСТАЛАСЬ ВСЯ ГЕРОИКА НЕ НАМ?
ЧТО НА БАЙКАЛЬСКОЙ МАГИСТРАЛИ
БЫЛ НАС НОВЫЙ ПОДВИГ—ЖИЛ НАС БАМ.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 17 (1231) СЕНТЯБРЬ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЯТИЛЕТКА, ГОД ТРЕТИЙ: ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ. СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР.

1 «ШТРИХИ К БАМОВСКОМУ ХАРАКТЕРУ». Специальные корреспонденты Анатолий БАРАНОВ, Генрих ГУРКОВ, Валерий ЕВСЕЕВ.

6 КОМСОМОЛ СЕГОДНЯ. Беседа секретаря Иркутского обкома комсомола, делегата XVIII съезда ВЛКСМ Виктора ВОРОНОВА и токаря Иркутского завода тяжелого машиностроения имени В. В. Куйбышева, делегата XVIII съезда ВЛКСМ Александра ЯРОСЛАВА «СИБИРСКАЯ ПРОПИСКА».

8 ЭКОНОМИКА. КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ. Беседа с учеными Сибирского отделения АН СССР. «ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА».

12 ИСТОРИЯ. «ЗВЕЗДА ПЛЕНІТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ». Письма, документы, свидетельства.

15 ПОЭЗИЯ. «ЕДИНЫ В БРАТСТВЕ». Подборка стихов.

16-19 ПАНОРАМА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

20 МОЛОДАЯ ПРОЗА. Рассказ Георгия КОПЫТИНА «АЛЕУРСКАЯ ПОЕЗДКА».

22 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

24 ОБРАЗОВАНИЕ. Елена ГУСЕВА, Раиса КОРОБЦОВА, корреспонденты газеты «Молодежь Якутии». «ПРОСТИЕ ИСТИНЫ».

25 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Георгий КУБЛИЦКИЙ, Франц ТАУРИН, Вячеслав ШУГАЕВ. «ТРИ ЧУДА СВЕТА».

30 ЭКСПЕРИМЕНТ. Лев ЮДАСИН. «РУДНИК В ОКЕАНЕ».

32 КУЛЬТУРА. ДОНДУК ДОЙБУ-ХАА. «ВОЗРАСТ ПРЕКРАСНОГО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрушов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1978 г.

АНКЕТА МАГИСТРАЛИ...

На БАМе предстоит построить и возвести:

3145 километров новых железнодорожных путей,
около 200 станций и разъездов,
3200 искусственных сооружений,
в том числе 142 моста с пролетами не менее 100 метров,
4 тоннеля общей протяженностью 25,3 километра.

Запись в блокноте.

Виктор Лакомов, прославленный строитель, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, человек на БАМе легендарный, сказал о Славе Аксенове, герое и авторе «Смены», лауреате премии Ленинского комсомола, тогдашнем комсорге своей бригады:

— Человечный он человек.

Встретились мы в первый раз с Аксеновым в Ульяновске, на 209-м километре Западного участка БАМа. Поговорить не удалось: бригада работала. Путекладчик с надписью «БАМ — магистраль века!» опускал на полотно рельсы. Их четко, прицельно «призмелили», стремительно скрепляли одно звено с другим, точными снайперскими ударами кувалд подгоняли, вытягивая в две безупречно прямые стальные параллельные нити. На наших глазах Байкало-Амурская магистраль стала длиннее на сто метров...

И в Магистральном, дома у Славы, времени для разговора тоже оказалось немного: он торопился в соседний район Казачинское, в роддом, повидать жену и — как-то еще непривычно звучало — дочку. Ей тогда исполнилось два дня...

Беседы на трассе оказались гораздо лаконичнее, чем хотелось. Но оставался внушительный резерв: несколько дней проведем вместе в Иркутске, куда на областную комсомольскую конференцию вылетают и Лакомов и Аксенов — делегаты.

По дороге в аэропорт — это тоже в Казачинском — все вместе заехали на вестить Анию Аксенову с дочерью.

Сквозь окошко, покрытое густой изморозью, выглянула сначала сестра — строгие очки над марлевой повязкой. Потом Аня. Голубые глаза, хорошая, добная улыбка.

— Бледная еще очень, — сказал Слава.

Лакомов крикнул:

— Позвони, Саша с Тоней заедут... Кто-то из бригады тискал за плечи Аксенова:

— Ты же сестру напугал, чудак. Она, наверное, думает, новый муж пришел. Тот, вчерашний, с бородой был...

А Слава улыбался и все глядел в окошко. Бороду свою, точнее, бороденку, жидкокватую, не очень-то внушительную, предмет традиционных острот в бригаде, он вчера сбрил. Сам к ней относится с юмором. Носит ее только на просеке. Как куда ехать — долой бороду...

Прилетели в Иркутск. Сидим в номере гостиницы «Ангара». Слышишь, как внизу громыхает ресторанный оркестр:

Начни сначала,
Все начни с нуля...

Начни сначала... Слава был среди бойцов отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, которые «начинали сначала» в забайкальской тайге. Километры и километры просек, километры и километры стального пути. Дни и ночи труда, который сродни подвигу. К 60-летию ВЛКСМ магистраль с большим опережением графика работ придет к западному порталу Байкальского тоннеля.

— БАМ необходим стране, дорог каждый выигранный день. Всегда помним об этом, — говорил Слава тогда, в Иркутске.

Из Москвы, с XVIII съезда ВЛКСМ, делегат съезда Вячеслав Аксенов не вернулся в Магистральный. Он возглавил Всесоюзный ударный отряд, высадившийся на Бурятском участке БАМа. Снова глухая тайга, снова палатка, снова бесконечная лента просеки.

Сегодня отряд имени «XVIII съезда комсомола, подготавливающий многие километры просеки под трассу, под линию электропередач, свою программу-минимум формулирует так: план нынешнего года завершить к юбилею ВЛКСМ. К этому же времени строители Западного участка магистрали, единодушно поддержав инициативу бригады Лакомова, решили на два месяца раньше привести рельсы на границу Иркутской области и Бурятии. Здесь будет воздвигнут обелиск дружбы строителей Прибайкалья и Забайкалья. С этого момента эстафету товарищев понесут по бурятской земле члены отряда, возглавляемого Вячеславом Аксеновым.

Дорога продолжается.

«ЗАКАЗЧИК У НАС ОДИН — ПЯТИЛЕТКА».

Из доклада начальника управления «Ангарстрой» В. С. Бондарева на партийно-хозяйственном активе.

К определяющим приметам бамовца сегодняшнего дня относятся, вне всяких сомнений, деловитость, критичность, глубоко уважительное отношение к продуманной, грамотной организации труда, требовательность к себе и другим, неприятие разгильдяйства.

Судя по проекту, участок Байкало-Амурской магистрали на территории Бурятской АССР — самый сложный. На пятикилометровом отрезке пути — воловая тайга, бурные реки, горные вершины, вечная мерзлота и болота. Именно на этом участке предстоит пройти два самых больших тоннеля страны: почти семикилометровый — Байкальский и вдвое длиннее — Северо-Муйский. В тоннельных отрядах работают опытные люди. Многие из них сооружали метро в Москве и Ленинграде, Баку и Харькове, участвовали в строительстве дорог Абакан — Тайшет и Тюмень — Сургут.

Над самым сложным участком БАМа шефствуют ленинградцы. Прежде чем послать своих представителей на строительство грандиозной магистрали, ленинградский комсомол тщательно отобрал добровольцев. Проверка на звание «бамовец» была строгой, каждому бойцу отряда предстояло пройти «экзамен на зрелость» в условиях, «приближенных к реальным». Вначале были созданы три отряда из кандидатов в строители магистрали. Эти отряды работали в Кингисеппе на объектах «Главзапстроя». Отряд «Дзержинец» возводил складские помещения, «Атлант» был занят на городском строительстве, а «Монолит» выполнял нулевой цикл работ. За два месяца бойцы объединенного отряда «Ленинградец» прошли своеобразную практику Всесоюзной ударной стройки. Ребята узнали друг друга, познакомились в трудных условиях, в работе. Вот почему в отряде не оказалось случайных, непроверенных людей. И никто из них не испугался трудностей, никто не запросился назад.

В Нижнеангарске, на таежном «Невском проспекте», мы встретили одного из ленинградцев, проходчика Анатолия Заболотного.

— Наша бригада уже установила рекорд проходки, — сказал Толя, — а если

есть рекорды, значит, из-за нас трасса не задержится.

Летом здесь под ногами красно от брусники — даже жалко ступать. Сочная, налитая, готовая лопнуть ягода так и просится в рот. И зимою брусника всюду — в бамовских столовых, в гостях. Хочешь — посыпь сахаром, хочешь — так ешь...

А вот загадочная строчка в блокноте: «Единственный строитель БАМа с коровой». Рядом записана фамилия. Фамилии называть не будем, а историю все-таки расскажем.

Приехал на БАМ парень из одной, так и хочется сказать, отдаленной деревушки. Хотя, собственно, к европейским центрам страны эта деревушка была гораздо ближе, чем новое место его работы. Но так или иначе, а на большую стройку парень попал впервые. Освоил профессию экскаваторщика, стал бригадиром, женился, родились дети... А с молоком тогда на БАМе трудновато было. Ну, и завел парень собственную корову. Молока она давала немало, но еще больше — поводов для улыбок и шуток. Пришлось-таки расстаться парню с деревенской привязанностью. И так уж совпало, что в это же время вручили возглавляемой им бригаде именной экскаватор. «Вот это понашему,—смеялись ребята,—а то корова...» Конечно, именные экскаваторы вручает самим лучшим. И поэтому комитет комсомола послал матери парня специально выпущенную листовку о его трудовых делах. Вернувшись из отпуска, парень рассказал, что мать повесила ее дома вместо иконы.

Разговор в Магистральном:

— Ночью холодно было, больше сорока. Зато к вечеру потеплело — не больше тридцати...

«...Мы в Сибири не гости, а хозяева, и работать хотим именно по-хозяйски, думая не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Поэтому соревнование наше идет под девизом: «Я — хозяин стройки».

Окидывая хозяйственным взглядом нашу стройку, я и мои товарищи видим проблемы, требующие своего решения. Звездный, Магистральный, Могот. Эти названия уже появились на карте Родины и стали привычными для советских людей. Мы многое делаем, чтобы наши поселки были благоустроеными, стали образцовыми. У них большое будущее. И мы хотим, чтобы новые города и поселки на БАМе строились комплексно, по генеральным планам, строились добротно, на века».

Из речи бригадира комсомольско-молодежной бригады монтажников-бетонщиков СМП № 266 Леонида Казакова на ХХV съезде КПСС.

Московский шофер Александр Шатунов приехал на БАМ с отрядом имени XVII съезда ВЛКСМ. Но попал он не на саму трассу, о которой мечтал, а в небольшой амурский город Шимановск, где решено было создать огромный комплекс стройиндустрии. В комплекс входят заводы железобетонных конструкций, крупнопанельного домостроения, щебеночного, гранитных облицовочных плит, сантехнических и электротехнических заготовок и другие. Первых строителей в Шимановске ожидали благоустроенные общежития, клуб, бани, магазины, столовая. И даже тротуары.

— А где же палатки? — недовольно протянул кто-то из «голубых романтиков».

Но разочарованными поначалу чувствовали себя и те, кто посмеивался над «любителями палаточного житья», — большинство из них надеялось непосредственно строить железнодорожную дорогу, прокладывать магистраль, ставшую знаменитой задолго до своего рождения. Они помнили о символическом ключе от БАМа, который подарили отряду в Тайшете. Половинки ключа разделяли сейчас тысячи километров, и ребята мечтали быть среди тех, кто соединит и ключ и всю магистраль. Но еще не многие понимали, что настоящий ключ от магистрали века находится здесь, в маленьком городе на большой транссибирской магистрали. И ключ этот никто не подарит, его нужно выковать самим — построить комплекс, создать плацдарм для мощного наступления по всей трассе.

У Саши Шатунова были не только водительские права, но и опыт строительства мостов на трассе Тюмень — Тобольск — Сургут. Его избрали бригадиром, поручили бетонировать пропарочные камеры — самую, наверное, сложную работу в главном корпусе завода железобетонных конструкций.

«Не пишать! — сказал Шатунов на первом бригадном собрании. И эти слова стали лозунгом бетонщиков. Они не отказывались ни от какой работы, необходимой на стройке: надо — становились и каменщиками, и кровельщиками, и плотниками...

Недавно мы встретили Сашу Шатунова в Москве. Сразу и узнать его трудно. Бороду сбрил, и бледные щеки еще более оттеняли почтенневшие от солнца и ветра скулы, нос и лоб.

Саша приехал в отпуск домой и несколько дней провел на... стройке.

— Еду в автобусе к своей «Каширке», — рассказывает он, — и все по сторонам оглядываюсь: прикидываю, как тут без меня Москва меняется. И замечаю вдруг — укладывают строители бетон, а опалубки не видно. Еще остановки три проехал и все думаю: как это они умудрились? Не выдержал, вернулся. Все просто оказалось — вместо деревянной опалубки натягивается металлическая мелкочечистая сетка. Она и бетон отлично держит и любую конфигурацию стены или фундамента позволяет легко создать, а главное — скорость, производительность. Нам бы такую опалубку, когда мы камеры бетонировали! Но ничего, еще пригодится московский опыт.

И Шатунов не стал ожидать конца отпуска, чтобы удивить своих друзей новинкой, привезенной у московских коллег. Сразу же написал подробное письмо, похожее на инструкцию: как применять сетчатую опалубку и где эту сетку можно достать. Потому что и в отпуске он помнит о самом главном в своей жизни — о работе. Кстати, Саша расписал свою жизнь на целую пятилетку вперед, и все его планы на пятилетие связаны с великой стройкой.

— А может быть, и на всю жизнь, — тихо добавляет он.

«Конечной целью патриотического движения комсомольцев и молодежи «Я — хозяин стройки» является досрочное завершение строительства БАМа с высоким качеством, создание населенных пунктов образцового порядка и быта — зародышей высококультурных центров Восточной Сибири и Дальнего Востока, сохранение в зоне строительства магистрали природы, флоры и фауны и воспитание на примере работы комсомольских организаций, участвующих в сооружении ударной комсомольской

стройки — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, нового поколения молодых патриотов, готовых к выполнению заданий Коммунистической партии и Родины на любом участке коммунистического строительства».

Из «Положения о движении молодых строителей БАМа «Я — хозяин стройки».

В речи на XVIII съезде ВЛКСМ Леонид Ильич Брежнев, вспоминая о своей недавней поездке по районам Сибири и Дальнего Востока, сказал, что ему особенно запомнились встречи с группой молодых строителей Байкало-Амурской магистрали.

На встречу с Леонидом Ильичом Брежневым приехали лучшие строители центрального участка БАМа. Комиссар Всесоюзного ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ Владимир Мучицкий рассказал Леониду Ильичу о том, что уже сделано на строительстве железнодорожной трассы. Построено за четыре года действительно немало. Но ведь поднимаются не только дома и мосты, поднимаются и люди.

В бригаде Владимира Мучицкого 18 человек. Половина из них до приезда в Тынду не имела строительных специальностей. И Володя, накупив учебников и разных справочников, открыл в своем общежитии вечерние курсы мастерства. Знание теории ежедневно закреплялось практикой. Так день за днем ребята постигали секреты каменной кладки, бетонных и плотницких работ, изучали технологию и экономику строительства. Больше года готовились они к переходу на работу по методу бригадного подряда.

Еще работая на стройках в Горьком, Мучицкий дважды приезжал в Зеленоград изучать опыт работы Николая Анатольевича Злобина, поэтому и встретились они на БАМе как старые знакомые. Злобин молодого бригадира похвалил именно за то, что тот не сразу за подряд взялся. Мучицкого же торопили, а он с цифрами в руках доказывал: рано. Еще не были готовы сами строители, еще заметны были перебои в снабжении стройматериалами, еще само руководство СМП не имело возможности заключить с бригадой полноценный договор, а делать что-то ради «галочки» бригадир не мог и не хотел.

— Искать легкую дорогу в жизни — значит обворовывать себя, — считает комиссар. — Тот, кто ищет легкий путь, вынужден делать вещи второсортные.

Работу бригады Мучицкого почти неизменно принимают с отличной оценкой.

В программе Центрального телевидения рассказывали о городах. Волею режиссера в одной передаче были объединены Ереван, Тольятти и Тында.

Фонтан в 2750 струй со всей убедительностью свидетельствовал о возврате столицы Армении. Памятники старинны, украшенные каменной резьбой, чередовались на экране с сегодняшними, превратившими в себя вековые традиции свершениями ереванских зодчих.

Построенный десять лет назад Тольятти поражал взгляд прямолинейностью модерновых кварталов и давал возможность ведущему говорить о лучевой режиссуре света и продуманности пешеходных зон...

И с нетерпением хотелось увидеть, как же после таких триумфов градостроительства покажут только становящуюся на ноги Тынду... Чем привлекут зрителя после архитектурной феерии Еревана и Тольятти несколько типовых девятиэтажек, построенных в Тынде москвичами?

...Нет, оператор не прошел мимо этих пока самых достопримечательных сооружений, пожалуй, одного из самых юных городов страны. Показал он и доставшиеся Тынде в наследство деревянные домики старого поселка, хаотично раскинувшиеся у подножия сопок. Но дальше всего объектив показывал стройку, в грохоте которой должен родиться город, не уступающий своим именитым собратьям.

А из динамика лилась мелодия песни про то, что «в тайге горизонты синие». Хорошая песня. Правда, в Доме культуры «Юность» в Тынде ансамбль «Серебряное звено» поет другую:

Расступайся, тайга,
Не горюйте, сосны,
На круглых берегах
Будет город создан.

Дороги в Сибири — законодатели жизни. Долгое время основными дорогами были реки. Поэтому и возникли по берегам маленьких рек маленькие поселки, больших — большие... Строительство автодорог вызывало к жизни новые города. Железные дороги рождали индустриальные центры. И уж всегда привлекали внимание градостроителей перекрестья дорог.

На одном из таких перекрестков — Большого и Малого БАМа и Амуро-Якутской автомагистрали — выросла столица БАМа Тында.

Всего же на магистрали будет построено 6 крупных городов.

Цвет бамовских поселков — солнечно-золотой, желтизна свежих бревен и досок.

И дымят котельные. Грязная туча висит в ослепительном небе. Обязательно? Не убеждены. Есть ведь варианты. Но этот, с котельными на низкосортном угле, самый простой (так ли?) и, как утверждают, самый дешевый. Впрочем, по какому счету? Есть ведь арифметика и арифметика. И, право же, бурый снег в тайге — это уже не просто категория антиэстетики, это нечто худшее. Хозяин не станет мусорить в своем доме. И, чтобы всюду, везде утверждало себя на бамовской трассе подлинно хозяйственное отношение к местам, которые для иных надолго, а для кого-то навсегда станут домом, обо всех мелочах нужно думать. Если вообще есть мелочи в важнейшем государственном деле обживания этого края несметных богатств.

...Эта история стала уже почти легендой. Будем рады, если строители магистрали сочтут ее символичной лишь для первых дней стройки, когда она в действительности произошла.

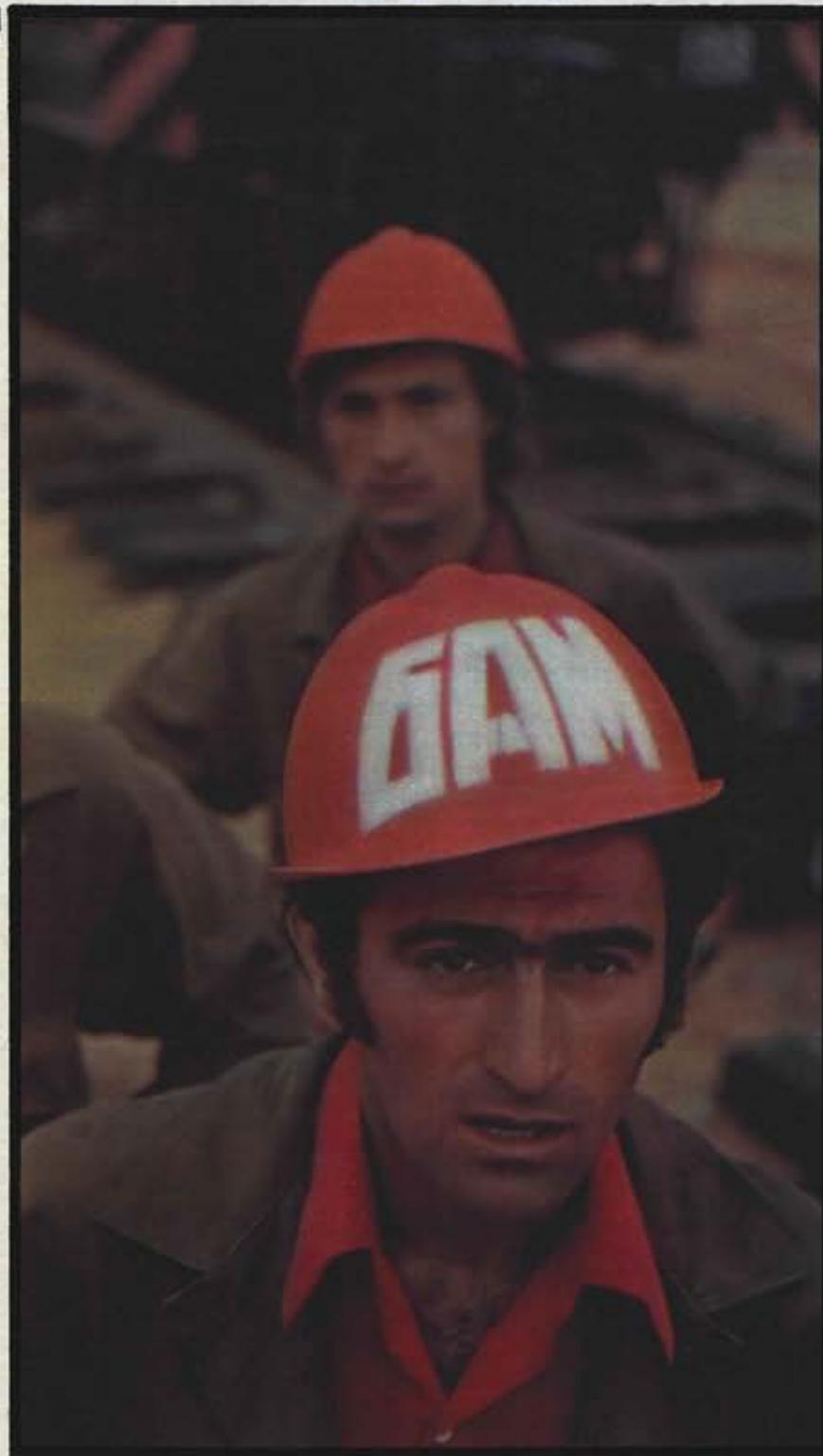
В один из магистральных поселков прилетела с концертной бригадой известная певица.

И накануне ее приезда серьезные люди долго решали проблему, как же для этого выступления доставить в таежный поселок рояль. Вариант с применением авиации и трелевочного трактора был уже разработан, когда кто-то назвал сумму, в которую выльется эта необычная музыкальная эстафета.

Но не деньги остановили участников эксперимента...

Спустя некоторое время нам об этом рассказывали те же серьезные люди, несколько поостыявшие от минутного азарта. И шутливое название операции — «Рояль в воздухе» звучало в их устах как интерпретация известной пословицы о журавле в небе.

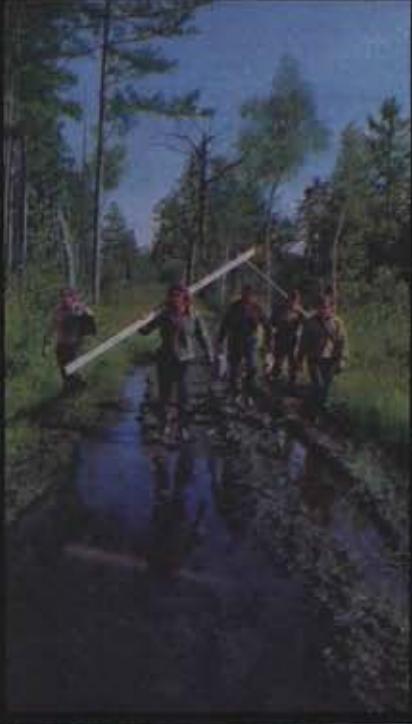
Выступление певицы на трассе прошло с большим успехом и в сопровождении барабанщика. Не знаем, возможно, под привычные звуки фортепиано она пела бы и еще лучше. Но не стал ли бы

горьким для слушателей заключительный аккорд такого концерта — гул вертолета, уносящего рояль обратно на «большую» землю.

А оставить инструмент в поселке было нельзя хотя бы по той причине, что в то время его там было просто негде сохранить. То, что называлось в поселке клубом, было на скорую руку сколоченным деревянным сооружением, способным разве что спрятать своих посетителей от дождя. И то не от сильного.

Но эта история не только о клубной крыше над головой. Она еще и о культурном шефстве над строителями БАМа. Очевидно, что забота о бамовцах не должна сводиться к «подкидыванию» им проблем переброски рояля по воздуху. Пора уже всерьез подумать и о том, как помочь культработникам стройки, которые зачастую заполняют «паузы» между концертами столичных знаменитостей весьма устаревшими «затейническими» способами. Творческие, длительные (на два-три месяца) командировки лучших культработников страны в клубные учреждения стройки для

оказания всесторонней помощи своим коллегам, для обмена опытом работы — все это должно войти в планы работы ведущих дворцов и домов культуры страны, и прежде всего городов Сибири и Дальнего Востока, к городской черте которых сегодня чуть ли не буквально подошла крупнейшая стройка века.

У палатки выложены из разноцветных камней три буквы — ДГТ.

— Расшифровываются они двойко, — улыбается начальник партии Ана-

...Летят искры, ярко горит костер. Давно закончилось собрание, уже далеко за полночь, но молодые изыскатели не расходятся, спорят о жизни, о работе и о любви. А рано утром снова выходят на трассу. А она у хребтов Дуссе-Алинь очень сложная, изыскателям пришлось немало помучиться над проблемой устойчивости полотна. На здешних косогорах — вечная мерзлота. Оттает она — и пойдет по трассе оползни. А оползень — это катастрофа. Вот и ищут изыскатели вариант трассы, где риск был бы не только минимальным, но и вообще был исключен. Они часто риску-

толий Савченко. — И как название нашего института — «Дальгипротранс» и как: «Догадайся, где трасса?»

В общем, правильно расшифровываются эти буквы, только намечают трассу изыскатели не с помощью догадок, а опираются на современные знания, на трезвый расчет.

Вечером на перевале Дуссе-Алинь у большого костра сошлись инженеры, техники, рабочие. Первое комсомольское собрание поручили открыть самому «старому» — Толя Савченко только что вышел из комсомольского возраста. Темновато писать. «Подбросьте хворост», — просит повар Татьяна Синюк, она ведет протокол собрания.

— Кого же изберем комсоргом?

— Юру Кузнецова. Парень он хороший.

— Хороший парень — это еще не профессия, — подает кто-то реплику из темноты.

— Предлагаю Нину Зудину.

— А у нее какие заслуги?

— Как у всех пока — никаких. А человек она серьезный, внимательный.

ют сами, чтобы будущие пассажиры мчались по новой магистрали без риска.

...Мы листаем блокноты, которые привезли с БАМом... Усть-Кут и Магистральный, Улькан и Тында... Снова встают перед глазами люди, с которыми довелось встретиться в пути, снова слышим их голоса. Какие они разные, эти первопроходцы! Задумчивые и насмешливые, сосредоточенные и озорные, рассудительные и взволнованные, терпеливые и неуступчивые. Разные характеры, внешности, манеры. Но в чем-то очень важном похожие. Как определить это «что-то»?

Антуан де Сент-Экзюпери, летчику, писателю, мечтателю, аристократу по рождению и труженику по всему своему естеству, одному из самых ярких умов и самых благородных сердец XX столетия, принадлежат такие строки: «Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих че-

ловека с человеком. Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. И запираемся в одиночестве, и все наши богатства—прах и пепел, они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить».

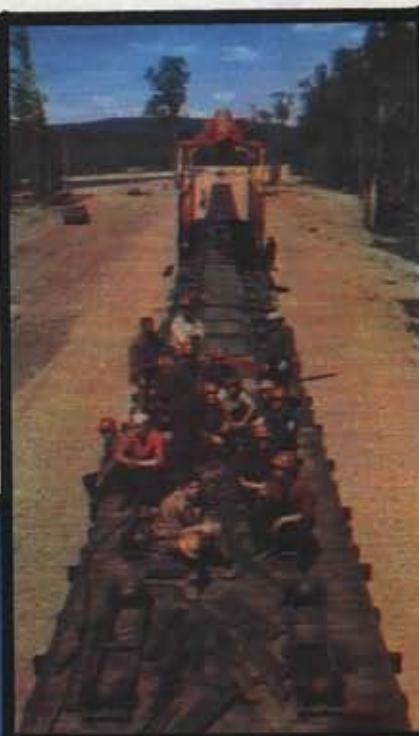
Ради чего стоит жить...

Было бы крайностью утверждать, что молодой человек нашего времени неизменно должен пройти школу Всесоюзной стройки—дел, как известно, хватает всюду, и хороших учителей можно найти рядом. Но все же особая воспитательная роль «микроклимата» ударной комсомольской, да еще такой, как БАМ,

поколения, будто идет по вехам мужества.

Через широчайшую реку медленно ползет железнодорожный паром. В 1975 году два экипажа железнодорожных паромов отметили тридцатилетний юбилей работы на великой дальневосточной реке. Три десятилетия они изо дня в день пересекали голубой Амур с вагонами на борту, доставляя с одного берега на другой многочисленные составы. А зимой поезда шли по реке своим ходом, по рельсам, уложенным прямо на льду.

Последние рейсы паромов. У их экипажей юбилеев больше не предвидится,

дет здесь, в Комсомольске. Удивительно, потому что именно отсюда и начинался БАМ.

В 1932 году в село Пермское на берегу Амура приехали первые строители Комсомольска, вторым рейсом знаменитый пароход «Колумб» привез сюда партию изыскателей, среди которых был и комсомолец Дмитрий Краюшкин. Эта экспедиция и вела первые изыскания на трассе БАМа. Они прозвучали одновременно, эти звонкие имена—Комсомольск и БАМ. БАМ продолжает славу и традиции Комсомольска, славу и традиции всей советской молодежи.

По Сибирской земле от Байкала к Амуру мы идем сквозь тайгу вековой целиной. И о завтра мечтает у костров дымокуров наш десантный отряд магистрали стальной.

отнюдь не изобретение досужих социологов. Это очевидная реальность, оказывающая самое позитивное воздействие на все сферы нашей жизни, идет ли речь об экономике, политике, нравственных ценностях.

Путевка на БАМ—мандат отличия и доверия—вручается далеко не каждому: великой стройке требуются стойкие, упорные, надежные люди, на которых можно положиться в любой ситуации.

Штурмуют райкомы комсомола новые и новые тысячи добровольцев. Лучших из них ждет дорога. Туда, на трудные километры магистрали, где по-особому отчетливо ощущаешь ритм Века, дыхание Эпохи.

— Если бы вы только знали, как мы рвались сюда,—рассказывает первооткрыватель Комсомольска-на-Амуре Михаил Николаевич Ополев.—Когда на работу здесь приняли, меня такая радость охватила, словно я орден получил.

Мы стоим на берегу Амура, и Михаил Николаевич вспоминает далекие годы, словно перебирает биографию своего

и речники только радуются этому, поглядывая в сторону полуторакилометрового ажурного моста, опирающегося на каменные плечи.

— Таких мостов в нашей стране еще не строили,—радостно сообщает Михаил Николаевич Ополев.—Правда, красавец?

Специалисты подсчитали общую протяженность бамовских мостов. Она составляет один процент длины всей трассы. Разные мосты будут строиться на магистрали, но все они одинаково важны, и все строятся в одинаковых условиях—в трудных. И каждый мост—это подвиг. Не случайно же мостостроители шутят: «Байкало-Амурская магистраль—это мосты, соединенные рельсами». В этой шутке есть немалая доля правды.

В Комсомольске-на-Амуре будет последний, 3145-й километр Байкало-Амурской магистрали.

— Просто удивительно,—говорит главный инженер института «Мосгипротранс» Дмитрий Георгиевич Краюшкин,—что заключительный участок бу-

Виктор ВОРОНОВ,
секретарь Иркутского обкома комсомола,
делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

СИБИРСКАЯ

В. ВОРОНОВ. Мы с тобой, Саша, оба родились в Забайкалье, так что можем считать себя коренными сибиряками...

А. ЯРОСЛАВ. Да и деды наши — Георгий Воронов и Андрей Ярослав — были исконными сибиряками, больше того — вместе сражались за Советскую власть в отряде легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо. Дед не раз рассказывал мне о том, как они освобождали Сибирь от белогвардейцев. Однажды мне попалась интересная книга, где приведен отрывок из заседания Чрезвычайного революционного трибунала от 24 мая 1920 года; вот что говорил на этом процессе один из членов Ревтрибунала: «За это время я здесь очень часто слышал слова вроде «родина», «отчество» и т. д. Но в то же время оглашенные документы показывают, что с Родины вывозилось золото десятками вагонов, что Национальный центр и другие организации десятками делали взрывы... разрушения были огромные, столько Родине нанесли ущерба, что же подсудимые понимают под словами «родина», «отчество»?

В. ВОРОНОВ. Они думали не о Родине, а о том, чтобы стать хозяевами богатств, которые по праву принадлежали народу. Но повернуть историю вспять им не удалось...

А. ЯРОСЛАВ. Да, Сибирь была спасена отварварского разграбления, и сегодня мы живем счастливой и свободной жизнью в богатейшем крае нашей страны. И все-таки, мне кажется, в то время люди еще не до конца представляли, какой это будет могущественный экономический край — нынешняя Сибири!

В. ВОРОНОВ. Как сказать... Вот что писал, к примеру, Герцен в «Былом и думах»: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только, как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь... вперед...

А. ЯРОСЛАВ. Этот жизненный толчок «сообщила» нашему краю Великая Октябрьская социалистическая революция. С нее-то Сибирь и начала приобретать ту будущность, о которой мечтал Герцен.

В. ВОРОНОВ. Весной, как ты помнишь, в Иркутске побывал Леонид Ильич Брежnev. Когда он говорил об экономических достижениях нашего края, мы с особой силой почувствовали разительный контраст между Сибирью прошлой и Сибирью настоящей. Ведь за сравнительно короткое время в нашей области возникли такие города, как Ангарск, Байкальск, Братск, Шелехов, Усть-Илимск, Железногорск и другие, построены крупнейшие в стране Братская и Иркутская ГЭС, завершается строительство Усть-Илимской ГЭС, введены в строй Иркутский и Братский алюминиевые заводы, Братский лесопромышленный комплекс, Байкальский целлюлозный комбинат, мощные нефтехимические, горно-обогатительные комбинаты. С 1974 года на территории Иркутской области идет строительство западного участка БАМа...

А. ЯРОСЛАВ. Мне в беседе Леонида Ильича Брежнева с трудящимися города особенно запомнилась мысль о том, что «нашему рабочему классу присущи хозяйственное отношение к делам своего предприятия, творческая инициатива, желание приумножить всенародное добро». Мы, рабочие завода тяжелого машиностроения имени Куйбышева,

прекрасно понимаем, что общий экономический потенциал страны зависит от работы каждого предприятия; работать надо не только добросовестно, но умело, результативно, качественно, красиво, чтобы тебя уважали за труд, чтобы ты имел право чувствовать себя подлинным хозяином своего государства.

В. ВОРОНОВ. Искренний разговор Леонида Ильиша Брежнева с трудящимися Иркутска глубоко запал в сердца рабочих, недаром многие из них приняли повышенные обязательства и трудятся теперь с большим подъемом. Кстати, а как обстоят дела в вашей бригаде?

А. ЯРОСЛАВ. План мы выполняем ежемесячно на 108—110 процентов. В нашей бригаде 27 человек, из них 19 — ударники коммунистического труда, а 15 рабочих имеют право сдавать продукцию с личным клеймом качества. Только получаем заказ — сразу берем над ним комсомольское шефство: такому-то заказу — «зеленую улицу»! Каждую неделю специальная комиссия из 3—4 комсомольцев подводит итоги выполнения заказа; если где-то обнаруживается прорыв, сразу продерживаем виновных в листке «Комсомольского прожектора». Если сырьё произошло по вине поставщика, комитет комсомола завода связывается с комсомольской организацией этого предприятия, просит помочь — мы же друзья с ними, — вот такой у нас стиль работы...

В. ВОРОНОВ. Вот ты, Саша, заговорил о стиле работы... А как ты думаешь, есть у сибиряков в этом смысле что-то свое, особенное? И вообще что такое сибирский характер сегодня?

А. ЯРОСЛАВ. Это, конечно, вопрос непростой... Я уверен, что у сибиряков характер недюжинный, проявляется он прежде всего в отношении к труду, к дружбе, к житейским проблемам, к трудностям быта. Хотя... тут одной уверенности мало, чтобы она стала доказательством. Как бы это не вышло похожим на известную поговорку: «Каждый кулик свое болото хвалит...»

В. ВОРОНОВ. И все-таки, как ты думаешь, сибирский характер — это что-то врожденное, данное людям от природы или же в наше время произошло обогащение и расширение этого понятия? Не стали ли эти слова в какой-то мере синонимом тех качеств, что проявляются в поступках и делах людей, не только исконно живущих в Сибири, но и приехавших сюда возводить то настоящее и будущее, которые уже сейчас называют историческими?

А. ЯРОСЛАВ. В общем, верно, так оно и есть: понятие «сибирский характер» — понятие в первую очередь качественное, а уж только потом этнографическое. Но, с другой стороны, здесь нередко бывает вот какой перекос: приехал ты, к примеру, строить Братск или БАМ (а это, конечно, великие стройки) — хвала тебе и честь, о тебе сразу все заговорили, и в общем справедливо. Но не остается ли при этом в тени тот, кто живет здесь постоянно, кто незаметно, не так громко, может быть, но честно трудится на каком-то пусть не столь звучном, но тоже нужном стране заводе или предприятии?

В. ВОРОНОВ. Я понимаю, в тебе говорит сейчас не «ревность», а чувство справедливости. И это правильно, мы должны чувствовать ответственность за все, что у нас делается — и большое и малое, потому что в конечном итоге рождаются не просто стройки, заводы, железные дороги, рождаются новые люди, новые отношения между ними. Люди стремятся жить друг для друга и друг с другом по-новому, по высшему нравственному кодексу.

А. ЯРОСЛАВ. Конечно, не буду лукавить: меня тоже манила к себе молодежная стойка — хотелось своими руками построить что-нибудь с нуля. Но в то же время, когда я работаю на станке, слышу его приятно-монотонное гудение, чувствую в своих руках пульс его жизни, вижу, как рождается сложнейшая деталь, поблескивающая матовостальными гранями, я счастливо сознаю: нет, моя жизнь в этом станке, вот в этой фигурной детали, которую, как мне порой кажется, никто, кроме меня, лучше не сделает. Завод воспитал меня, помог мне ощутить свое назначение в жизни, и за это теперь я ему лучший друг и помощник. Отсюда меня никакими коврижками никуда не переманиши.

В. ВОРОНОВ. Вот это и есть главное в вопросе закрепления кадров: человек должен чувствовать себя нужным там, где он работает.

А. ЯРОСЛАВ. Нужным — это правильно, но он еще должен почувствовать, как пробуждаются в нем скрытые до поры до времени возможности для творческого труда, должен почувствовать, что к нему относятся как к личности. Мы осваиваем огромные пространства, вершим великие дела, и поэтому для нас очень важно знать: что может сделать личность для Сибири и что может дать Сибирь личности?

В. ВОРОНОВ. Видишь, от вопроса «Что есть сегодня «сибирский характер»? мы как-то естественно перешли к более широкой проблеме: а что такое вообще освоение и развитие Сибири? У многих выработался стереотип мышления, будто освоение богатств Сибири — это непременно массовое паломничество людей в необжитые края, это борьба, штурм, напор, обязательно какая-нибудь десант для покорения сибирских просторов. Но есть ведь и другая Сибирь — покоренная, освоенная, промышленная, есть Сибирь — давняя кузница высококвалифицированных кадров, а кадры, как мы знаем, основа основ в любой работе, в том числе и в дальнейшем развитии районов Сибири. Значит, главное, что мы должны делать, особенно в работе с комсомольцами и молодежью, — это воспитывать не просто романтиков и мечтателей, а сознательных творцов, созидающих. Освоение Сибири, на мой взгляд, — это все более глубокое нравственное и социальное постижение человека, его возможностей и способностей.

А. ЯРОСЛАВ. И я был в юности романтиком... Ехать? Пожалуйста, куда угодно! Не было еще ни твердых убеждений, ни знания своих возможностей. До армии я учился в Чите в профтехучилище, получил специальность слесаря-ремонтника промышленного оборудования. В армии служил в инженерных войсках, приходилось и слесарить и токарить, и ведь нравилась, слов нет, как мне нравилась токарная работа, а вот не понимал еще, что это и есть мое призвание. Окончилась служба, и мы, несколько демобилизованных солдат, поехали на стройку, где нужны были молодые рабочие руки, — в небольшом городке Черемхово начиналось строительство завода огнеупоров...

В. ВОРОНОВ. Между прочим, один интересный штрих, раз уж ты упомянул Черемхово. В начале разговора мы вспоминали, как белогвардейцы хотели ограбить Сибирь... Так вот, именно в Черемхово дружина шахтеров и красных партизан фактически арестовала Колчака, за поездом которого следовал «золотой эшелон» — золотой за час России: в 29 вагонах было 1678 мешков и 5143 ящика с золотыми слитками, монетами, в 7 других вагонах лежали тюки с платиной, серебром и драгоценностями. Кто знает, за какие моря океаны упустили бы эти богатства, если бы не своевременный арест Колчака. Народные деньги пошли не в карман толстосумов, а на строитель-

Александр ЯРОСЛАВ,
токарь Иркутского завода тяжелого машиностроения
имени В. В. Куйбышева, делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

ПРОТИСКА

ство социализма. Вот видишь, в каком историческом месте начиналась твоя рабочая биография,—на стройке, призванной еще больше приумножить богатства Сибири и всей нашей страны.

А. ЯРОСЛАВ. Мы, конечно, работали там хорошо, от всей души, но вскоре почувствовали с моим другом Витей Лазовским, что тянет нас, как и в армии, к токарному станку. Поехали в Иркутск, зашли к одному армейскому товарищу, а отец его и говорит нам: «Слушайте, ребята, рядом с нами машиностроительный завод—уникальный в своем роде, вот туда и идите токарить». Таких заводов на весь Союз всего два—у нас да в Красноярске: что ни заказ, то сказка или фантазия, честное слово. Вы только представьте себе: на этом заводе была сконструирована самая большая драга в мире—600-литровая! Тут заказы и для крупнейших в стране домов и для разливочных машин, в общем, самые уникальные заказы для черной, цветной и других отраслей промышленности...

В. ВОРОНОВ. А вспомни, с чего начинался этот уникум тяжелого машиностроения? С допотопных обозных мастерских, которые открылись в Иркутске в 1907 году для изготовления конных повозок. А теперь это крупнейший в Сибири завод тяжелого машиностроения.

А. ЯРОСЛАВ. Поначалу завод подавил меня своей мощью, а потом ничего, привык к нему, покорился. Ну, а настоящая работа началась, когда мне доверили крупный токарный станок: детали громоздкие, а точность микронная, так что приходилось поворачиваться. Были и трудные минуты, но тут мне, думается, помог исконно «сибирский характер», который достался от деда: если трудно—я молчу, не своего добьюсь, хоть кровь из носу. Мне запомнилось, как в одной любопытной книге о Сибири автор описывает характеры людей: старые сибиряки не суеверы, но привыкли к движению, к практическому действию, к артельным усилиям; нынешние сибиряки, пишет автор, унаследовали их товарищескую спайку—общительны, выдержаны, в них живет дух первопроходцев; они чутки к новому, уважают предпримчивых людей и берутся за фантастические проекты; не боятся ошибок, редко скажут: «Так делали вчера, так будем делать и сегодня»,—а чаще радуются свежей идеи: «Это интересно, даже смело—давайте рискнем!» Сколько таких людей я узнал на родном заводе!

В. ВОРОНОВ. Да, это в самом деле очень тонко подмеченные черточки характера сибиряков. Особенно верно про товарищескую спайку, «артельность», предпримчивость, любовь к практическому делу, взаимовыручку.

А. ЯРОСЛАВ. Без этого у нас не обойдешься ни в тайге, ни в городе—Сибирь везд тебя достанет. У нас на заводе производство, сам знаешь, единичное. Что это значит? А то, что сложнейшие детали часто приходится выполнять одному рабочему. Как тут обойдешься без совета, без помощи, без поддержки? Не удивительно, что на нашем заводе такое большое развитие получило движение наставничества.

В. ВОРОНОВ. Особенno оно начало развиваться после XVII съезда комсомола...

А. ЯРОСЛАВ. Да, тогда съезд специально остановился на этом вопросе. Сегодня уже это движение стало нормой производственных отношений... Как, например, складываются у меня отношения с моими учениками? Пришел, скажем, ко мне учеником Валера Кокурин из Бурятии. Поставил я его на станок—ничего у него не получается: месяц прошел, два, три—у него все брак. Меня, конечно, заедает, а он рукой машет: плевать, мол, не буду я

работать на этом станке, и все! Я ему и говорю: «Слушай, чего ты сразу руки опустил? Сибиряк ты или кисейная барышня?» Так ты что думаешь? Он так и взвился: его, сибиряка, кисейной барышней назвали?! И пошло-поехало... Теперь спроси его, как он стал отличным токарем, он и не вспомнит эту историю. Вся штука, оказывается, вон в чем была—в самолюбии. Должен это учитывать наставник? Все должен учитывать в характере ученика, если хочет, чтобы из него толк получился.

В. ВОРОНОВ. Вообще это очень правильная позиция—нужно бороться за каждого молодого рабочего, который приходит на предприятие. Решение проблемы получения квалификации и снижения текучести кадров—одно из главных направлений в работе комсомольской организации на каждом предприятии. Закрепление молодежи на местах—государственная задача. Поэтому нам необходимо усилить влияние комсомола непосредственно в производственных коллективах.

А. ЯРОСЛАВ. В этом смысле немаловажно и то, как молодежь живет и отдыхает, а не только как она работает. Возьмем, к примеру, проблему жилья. Не скажу, что на нашем заводе она решается очень уж легко, но решается. Завод сейчас интенсивно расширяется, реконструируется, и в этом году мы ожидаем большой приток новой рабочей силы—более 600 человек. Что предприняли администрация завода и комсомол для их встречи? Решили срочно строить четыре молодежных общежития для малосемейных и молодоженов. А освободившиеся три других общежития полностью предоставить холостякам. Таким образом, думаю, в течение ближайшего времени проблема жилищного устройства молодежи на нашем заводе будет решена.

В. ВОРОНОВ. А как ты думаешь, Саша, какое значение будет иметь для вашего завода Байкало-Амурская магистраль? Поможет ли она вам разрешить какие-то жизненные и производственные проблемы?

А. ЯРОСЛАВ. Наш завод прочными нитями связан с десятками других заводов и предприятий, его уникальная продукция экспортируется почти в двадцать стран мира. Поэтому для нас огромное значение имеет наличие четко отложенной службы железнодорожных поставок и отправки готовой продукции. Чуть только залихорадило железнодорожную дорогу—сразу залихорадило многие участки завода, возникает угроза срыва плана. Байкало-Амурская магистраль разгрузит многие наши вспомогательные службы, завод, можно сказать, сбросит со своих плеч множество проблем, которые возникают у нас ежедневно.

В. ВОРОНОВ. Да, БАМ будет оказывать комплексное влияние на развитие не только отдельных предприятий, но и на развитие всего экономического потенциала огромного края. Он откроет доступ к новым подземным кладовым Сибири, оживит многие отдаленные районы страны. Но есть еще одна задача у БАМа—она воспитывает десятки тысяч комсомольцев и молодежи, помогает им найти самих себя, обрести уверенность в своих силах, найти свое гражданское лицо. Давно ли XVII съезд комсомола проводил на БАМ своих первых посланцев (это было в 1974 году), а сегодня мы уже знаем о том, что к 60-летию ВЛКСМ строители БАМа обязались доставить ветку до перевала Даван, и, таким образом, Западный участок БАМа на территории Иркутской области длиной в 291 километр будет завершен раньше намеченного срока более чем на год!

А. ЯРОСЛАВ. Мы только что говорили, что сибиряк, «сибирский характер»—это не столько

этнографическое, сколько качественное понятие. Судьба Вячеслава Аксенова лишний раз подтверждает это. Он не коренной сибиряк, приехал на БАМ в составе отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, стал комсоргом в бригаде Лакомова, сам, можно сказать, воспитывал в себе черты настоящего сибиряка, женился здесь, пустил корни, его отличная работа была отмечена премией Ленинского комсомола. На XVIII съезде ему поручили возглавить новый Всесоюзный комсомольский отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ, и он отправился бригадировать на новый участок БАМа, в Бурятию.

В. ВОРОНОВ. Конечно, не только на БАМе, заикается и мужает «сибирский характер», не только там находят комсомольцы место для трудового подвига. Вспомним комсомольско-молодежную бригаду Станислава Бордюга из мехколонны № 163: задание четырех лет пятилетки она выполнила к съезду комсомола, а к 60-летию ВЛКСМ обязалась выполнить весь пятилетний план. Удивительно, по-сибирски работают комсомольско-молодежные бригады автоматчиков иркутского завода «Радиоприемник», проводников вагонного депо Иркутск-пассажирская. Покоммунистически трудится молодежь на всех пяти Всесоюзных ударных комсомольских стройках, которые находятся на территории Иркутской области. И это не удивительно: каждый год по комсомольским путевкам на эти стройки прибывают более трех тысяч лучших из лучших юношей и девушек. Здесь они проходят нелегкую, но настоящую, подлинную школу жизни.

А. ЯРОСЛАВ. Но вот что обидно: дела молодежь в Сибири творит поистине героические, а художественных произведений, воспевающих ее труд, пока мало. А ведь литература—это большая воспитательная сила. Кому, как не художественной литературе, осмысливать те глубокие процессы—и социальные, и производственные, и нравственные,—которые сейчас происходят на необъятных сибирских просторах?

В. ВОРОНОВ. Я думаю, за последнее время как раз появились повести и романы, которые осмысливают эти процессы. Возьмите хотя бы цикл произведений Виля Липатова, его колоритного и масштабного героя Прончатова с несгибаемым сибирским характером, государственным мышлением и хозяйственным подходом ко всему, что должно приумножать наши богатства. А вспомни талантливый роман Олега Кувакова «Территория»: пожалуй, ни в одном произведении последнего времени не было столько ярких, принципиальных, правдиво описанных героев-производственников. И разве его персонажи не воспитывают, не притягивают молодежь к нашему краю, к освоению его богатств?

А. ЯРОСЛАВ. Конечно, литература о Сибири есть, я просто хочу сказать, что она, на мой взгляд, должна нести в себе большую воспитательную силу, чтобы у молодежи вырабатывалось рациональное отношение к тем богатствам, которые накоплены нашей страной за 60 лет своего существования. Со временем на плечи молодежи ложится вся полнота ответственности за судьбу Родины, а для этого прежде всего надо быть Гражданином, Созидающим.

В. ВОРОНОВ. Я верю: все лучшее, что есть в нашей советской молодежи, в Сибири приобретает еще большую закалку, зрелость и силу. Вот почему у меня особое отношение к сибирякам и к тем людям, которые связали свою судьбу с Сибирью. Преодолевая трудности, невзгоды, собственные слабости, мы строим не только настоящие, но и будущее нашей страны.

А. ЯРОСЛАВ. В этом я полностью разделяю твои взгляды.

ЗОЛОТО

ЛЕС

ХЛЕБ

АЛМАЗЫ

УГОЛЬ

МЕДЬ

«КОММУНИЗМ—ЭТО ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ...»

В. И. ЛЕНИН

ПРОГНОЗ

Kомсомол всегда был шефом великих советских строек,—сказал в своей речи на XVIII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.—Эта прекрасная традиция сохранилась. Но сами наши стройки во многом стали иными. Сегодня это уже не только отдельные стройки-гиганты, но и целые громадные географические районы».

Одним из таких районов и является Восточная Сибирь. Это огромная территория, растянувшаяся к востоку от Енисея и включающая Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области, Якутскую, Бурятскую и Тувинскую АССР.

Осваивать этот громадный район необходимо комплексно. Ученые Сибирского отделения АН СССР разработали 24 программы, которые охватывают узловые проблемы использования минерально-сырьевых, земельных, лесных и водных ресурсов, долгосрочные аспекты развития территориально-производственных комплексов (ТПК), вопросы охраны природы и экономические проблемы, возникающие в районах нового освоения. Все они объединяются в единую программу—«Комплексное освоение природных ресурсов Сибири», или просто «Сибирь».

В ее осуществлении примут участие около 40 институтов Сибирского отделения АН СССР, институты Сибирского отделения ВАСХНИЛ и Сибирского филиала Академии медицинских наук, многие вузы Сибири, десятки организаций различных министерств и ведомств. Об особенностях этой программы, о комплексном освоении районов Восточной Сибири мы попросили рассказать известных советских ученых. И в Новосибирске за своеобразным «Круглым столом» «Смены» встретились:

вице-президент Академии наук СССР, председатель СО АН СССР, академик Гурий Иванович МАРЧУК;

директор Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, академик Абел Гезевич АГАНБЕГЯН;

директор Института цитологии и генетики СО АН СССР, академик Дмитрий Константинович БЕЛЯЕВ;

директор Института катализа СО АН СССР, академик Георгий Константинович БОРЕСКОВ;

директор Института ядерной энергии СО АН СССР, академик Александр Николаевич СКРИНСКИЙ;

директор Института геологии и геофизики СО АН СССР, академик Андрей Алексеевич ТРОФИМУК;

заместитель председателя Президиума Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, член-корреспондент ВАСХНИЛ Василий Романович БОЕВ.

Предлагаем вниманию наших читателей запись этой беседы, сделанную нашим специальным корреспондентом Леонидом ПЛЕШАКОВЫМ.

**Академик Г. И. МАРЧУК,
вице-президент
Академии наук СССР,
председатель СО АН СССР.**

Главные черты Восточной Сибири—географические контрасты и богатейшие природные ресурсы. Размахнувшись на несколько тысяч километров с запада на восток и с севера на юг, она занимает площадь более семи миллионов квадратных километров—треть часть Советского Союза. Климатические и природные условия ее столь разнообразны, что неправомерно говорить о каком-то единстве этого огромного региона. Это сказывается, в частности, и на характере хозяйственного освоения этого края, методах эксплуатации его природных ресурсов.

Когда говорят о Восточной Сибири, чаще других употребляют эпитет «исключительный». Тут все необычно. И самая долгая и холодная в стране зима. И наиболее низкие температуры в нашем полушарии—«полюс холода» находится в Якутии—и амплитуда абсолютных температур—самых низких и самых высоких—достигает ста градусов. Тут есть зоны, где выпадает всего 150—200 миллиметров осадков в год, зато на хребте Хамар-Дабан в Забайкалье их бывает 1300 миллиметров.

На юге Восточной Сибири в открытом грунте вызревают арбузы и помидоры. И в то же время на нескольких миллионах квадратных километров раскинулась зона вечной мерзлоты. В некоторых районах толщина мерзлого грунта достигает 200—500 и даже 1500 метров.

В Восточной Сибири две самые полноводные реки нашей страны: Енисей и Лена, с годовым стоком соответственно 624 и 540 кубических километров. Здесь же—«славное море, священный Байкал», уникальнейшее хранилище кристально чистой пресной воды, вместившее пятую часть ее мировых запасов.

Исключительны и лесные богатства. Только в Красноярском крае сосредоточено около одной пятой лесных ресурсов Советского Союза.

Долгое время Восточная Сибирь оставалась малоизученной и неосвоенной. Научно-технический прогресс, рост советской экономики позволили начать не только всестороннее исследование этого обширного края, но и приступить к эксплуатации его богатств.

Нынешний этап развития народного хозяйства страны характерен всевозрастающей ролью науки. Теперь, как никогда ранее, исключительное значение приобретают фундаментальные исследования, оказывающие активное воздействие на технику, технологию, экономику. Крупные результаты, достигнутые в области фундаментальных наук, как правило, стимулируют разработку программ прикладного характера, непосредственно направленных на использование в больших народнохозяйственных проектах, при проектировании новых образцов техники и технологий, изменяющих характер производства в целых отраслях народного хозяйства.

В свое время Карл Маркс заметил, что в комплексности заложена дополнительная производительная сила. Это высказывание одинаково верно не только относительно экономики, но и науки. Взаимное проникновение различных отраслей знаний, взаимное обогащение их в результате достижений в смежных областях науки обычно приводят к эффективным результатам.

В этом отношении комплексное науч-

ное исследование проблем Восточной Сибири и выработка на их основе рекомендаций по наиболее рациональному освоению и использованию ее ресурсов могут дать народному хозяйству страны дополнительные выгоды.

**Академик А. А. ТРОФИМУК,
директор Института геологии
и геофизики СО АН СССР.**

Известно, что темпы научно-технического прогресса в большой степени зависят от энергии, потребляемой народным хозяйством. Между энергетическими ресурсами в расчете на одного человека и стоимостью валового дохода национального продукта на человека существует прямо пропорциональная зависимость. Поэтому опережающее развитие топливно-энергетических отраслей—одна из основных хозяйственных задач страны. Решать ее придется также и за счет ресурсов Восточной Сибири.

В десятой пятилетке весь прирост добычи нефти в стране, 90 процентов прироста газа и 80 процентов прироста угля будут получены за счет Сибири.

Западная Сибирь стала главным нефтегазодобывающим регионом Советского Союза. Но как бы ни велики были здешние запасы, рост добычи нефти в этих районах имеет свой предел. И мы должны позаботиться о подготовке плацдарма на будущее.

Таким плацдармом может стать Восточная Сибирь. Ее фундамент—архейские породы с возрастом 2—3 миллиарда лет. Они прикрыты сверху мощными чехлами осадочных пород: протерозоем, палеозоем, мезозоем. По нынешним научным представлениям, именно осадочные отложения рождают углеводороды. Их толщи представляют собой как бы естественные реакторы, где природа сама позаботилась о создании необходимых для этого условий: под огромными слоями осадков захоронены колоссальные количества органических веществ, которые находятся в окружении пород, являющихся хорошим катализатором, ускоряющим реакцию образования углеводородов.

По мощности и набору этих пород, глубине их залегания геологи судят, насколько продуктивен этот природный реактор. Оценивая с этих позиций осадочные породы Восточной Сибири, нетрудно убедиться, что они достаточно перспективны для поисков нефтегазоносных месторождений. Прямые геологические исследования уже подтверждают такой теоретический вывод. В Енисейско-Хатангском прогибе открыто несколько газовых месторождений, некоторые из них уже работают, дают горючие Норильску. Найден газ в триасовых отложениях Вилюйской впадины. В районе реки Оленек открыты мощные песчаники пермского возраста, пропитанные жидкими и твердыми битумами.

Особенно высокие геологические воз-

можности выявления нефтеносных структур имеются в так называемом Непско-Ботубинском своде.

Если же сравнивать прогнозы относительно перспектив разведки нефти и газа в Западной и Восточной Сибири, то пальму первенства следует отдать последней. Перспективная на нефть и газ площадь в Западной Сибири равна примерно 1,7 миллиона квадратных километров, в Восточной—3,2 миллиона. Здесь вдвое больше по объему и нефтеносные «этажи» осадочных пород.

Восточная Сибирь располагает уникальными запасами углей, которые отличаются большим разнообразием состава и свойств. Крупнейший из бассейнов—Тунгусский, равного которому нет во всем мире—2100 миллиардов тонн. 1600 миллиардов тонн бурых углей в Ленском бассейне. Богаты твердым топливом Зырянский и Таймырский бассейны. Но это кладовые, так сказать, третьего тысячелетия. Интенсивная эксплуатация их начнется не скоро.

Но есть в Восточной Сибири бассейны, которые уже работают на народное хозяйство страны или вот-вот развернутся на всю свою мощь. Таков один из крупнейших в мире, Канско-Ачинский бассейн бурых энергетических углей с запасами в 600 миллиардов тонн, из которых четвертая часть пригодна для разработки открытым способом. Уже сейчас себестоимость этих углей самая низкая в стране. Здесь проектируется заложить высокомеханизированные карьеры по 50—60 миллионов тонн добычи в год и брать с нескольких карьеров одного бассейна столько угля, сколько добывается сейчас в целом по стране. КАТЭК станет одной из крупнейших топливно-энергетических баз страны. Трасса БАМа пролегла рядом с Южно-Якутским угольным бассейном, который располагает большими запасами высококачественных коксующихся углей, что, несомненно, будет способствовать созданию черной металлургии в этом молодом крае.

Восточная Сибирь—суровая, но щедро одаренная земля. Для освоения ее богатств человеку нужно будет затратить немало сил.

**Академик А. Г. АГАНБЕГЯН,
директор Института экономики
и организации промышленного производства
СО АН СССР.**

Товарищ Л. И. Брежнев неоднократно подчеркивал важность комплексного подхода к экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока, ту огромную роль, которую сыграет в их преобразовании формирование и дальнейшее развитие территориально-промышленных комплексов.

Опыт предыдущих лет показал, что ТПК—высокоэффективная форма освоения природных ресурсов, и прежде всего в новых, малообжитых районах.

Первое: мы выигрываем от более полного использования сырья, потому что многие виды его могут идти на разные цели. Скажем, черная металлургия—это и руда, и уголь, и кокс, и химия. А можно было бы делать только кокс, а химию не развивать. Но это было недостаточно эффективно.

Второе: создание на одной территории площадке нескольких взаимосвязанных предприятий позволяет получить экономию примерно в 15—20 процентов от общей суммы капитальных вложений. Совмещение транспортных путей, единная производственная и социальная инфраструктура, единные инженерные коммуникации, общая котельная и другие вспомогательные объекты—вот источники экономии.

Третий эффект—социальный. При одном предприятии может вырасти лишь небольшой городок или поселок. Это означает недостаточно полную занятость населения, отсутствие развитой сферы обслуживания, не говоря уже о

НА ЗАВТРА

театре, Дворце спорта и так далее. Другое дело — крупный город, где обеспечивается более полная занятость населения благодаря разнородности отраслей, когда работу могут получить и «вторые члены семьи». Открытия геологов меняют карту размещения промышленности и других отраслей хозяйства нашей страны. Представьте, не бы ли открыты газовые месторождения на севере Тюменской области — там бы не возник крупнейший газодобывающий комплекс, не строилась бы железная дорога Сургут — Уренгой, не возникли бы новые города Надым, Уренгой и так далее. Сейчас мы видимо, стоим на пороге открытия месторождений нефти и газа в Восточной Сибири. И это приведет к созданию не только предприятий по их добыче, но и новых нефтехимических комплексов. Подача газа на промышленные объекты и в города повысит эффективность химии, металлургии, других отраслей, преобразует быт. Будут созданы новые дороги, стройбазы, новые города, поселки и многое, многое другое.

Такую же роль могут сыграть и новостройки инфраструктурного плана типа БАМа. Магистраль в сочетании с богатыми природными ресурсами этой зоны вызывает к жизни целую цепочку территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, таких, как Верхне-Ленский, Северо-Байкальский, Удоканский, Южно-Якутский.

Мы готовим материалы по научным основам комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМа. Она рассчитана до 2000 года. Кроме нашего института, в ее разработке принимали участие десятки научно-исследовательских учреждений Дальневосточного научного центра, Сибири и Москвы, а возглавлял всю деятельность научный совет АН СССР по проблемам БАМа. Сейчас осуществляются три крупные региональные программы: освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири, создание энергопромышленных комплексов Ангаро-Енисейского региона, хозяйственное освоение зоны БАМа. Каждая из этих программ должна быть продумана как целостная задача.

Простой пример. Чтобы справиться с передачей всевозрастающего потока добываемого газа, нужно увеличить пропускную способность трубопроводов. Для этого уже в ближайшей перспективе необходим переход на новые многослойные трубы института имени Е. Патона, пропускная способность которых вдвое выше. Но, чтобы на них перейти, нужны другие сварочные аппараты, необходимы более мощные компрессоры, более мощная запорная аппаратура, так как давление будет не 75, как сейчас, а выше ста атмосфер. А раз выше ста — газ будет разогреваться, нужны холодильные установки... То есть возникает комплекс задач, которые можно решить только на межотраслевом уровне. И, конечно, программа должна всегда иметь конечную цель, показывающую, ради чего все это мы будем делать.

Переход к комплексному территориальному планированию ставит вопрос о создании мощных плановых органов на местах, которые, занимаясь увязкой планов всех организаций, независимо от ведомственной подчиненности, в своем районе опирались бы на специальные зональные проектные и научно-исследовательские институты. Эти институты должны выступать генеральными проектировщиками при решении комплексных территориальных проблем. Создается, допустим, новый ТПК — вначале должен быть генеральный проект всего комплекса. А не ведомственный: когда «Гидропроект» разрабатывает свое хозяйство, «Гипролеспром» — свое, «Гипроцветмет» — свое, и неизвестно, кто все это увязнет в единый город. Для этого должен быть ген-

подрядчик, а субподрядчиками могут выступить ведомственные институты.

Исключительно важное дело — вопросы хозяйственного механизма и планирования в строительстве, давно известные и широко обсуждаемые в печати. Нужно поставить строителей в зависимость не от объема строительно-монтажных работ, а от готовности объекта, нацелить их на конечный результат, и тогда им будет просто экономически невыгодно долго строить. Ну, а самое главное — человек-строитель. Его надо поставить в преимущественное положение по заработной плате, по условиям жизни, надо больше заботиться об условиях его труда.

В среднем мы строим довольно долго. Но там, где концентрируются силы и средства, строители справляются с задачей очень быстро. Американцы, например, три года тянули трансаляцкийский газопровод, вдвое перерасходовав при этом первоначальную смету. Мы примерно в таких же условиях строим газопроводы такой же протяженности за год.

Нам необходимо понять одно: нельзя приостановить развитие промышленности, невозможно прекратить освоение новых районов, мы все больше и больше будем брать у природы — все это закономерно. Но с осуществлением наших грандиозных хозяйственных планов мы должны всерьез решать проблемы взаимоотношений человеческой деятельности и окружающей среды. Это насущная задача не только будущего, а уже настоящего. И решать ее необходимо комплексно.

Академик А. Н. СКРИНСКИЙ, директор Института ядерной энергии.

Основные усилия нашего института сосредоточены на фундаментальных исследованиях по физике элементарных частиц и управляемому термоядерному синтезу. Разумеется, оба эти направления не носят регионального характера. Наши прикладные работы, пытающиеся в основном идеями и методами физики элементарных частиц — называемой еще физикой высоких энергий и связанный с ускорением заряженных частиц — также направлены на удовлетворение нужд всего народного хозяйства в целом.

Тем не менее разработанные у нас мощные электронные ускорители и основанные на их использовании разнообразные радиационные технологии могут оказаться чрезвычайно эффективными именно в Восточной Сибири. Пример тому — радиационная модификация полимерных материалов. Этот способ позволяет получить термо- и химически стойкие дешевые полимерные трубы для горячего водоснабжения и химического производства, создавать трубы и фасонные элементы для электрического и любого другого монтажа, которые при последующей термической обработке дают определенную усадку, что обеспечивает простоту и дешевизну производства. Эта же радиационная обработка позволяет производить прочную пленку для долговечной изоляции нефтяных и газовых трубопроводов. Радиационная технология может быть использована и в строительной индустрии. Например, для ускорения и упрочнения производства форм, необходимых при изготовлении железобетонных изделий.

Весьма надежным и высокоэффективным оказалось применение радиационных излучений для обеззараживания сточных вод — как химических предприятий, так и крупных животноводческих комплексов, которые со временем должны вырасти в Восточной Сибири. Опыты показали, что этот метод позволяет расщеплять, обезвреживать в про-

мышленных стоках даже такие ядовитые соединения, которые не поддавались никакому ранее известному методу обработки в традиционных очистных сооружениях.

В нашем институте разработан весьма эффективный метод экспресс-анализа с помощью мощного рентгеновского излучения, который может быть использован при разведке и освоении месторождений металлов, особенно тяжелых элементов. Вместо обычных недель, которые уходят на доставку проб из геологических партий в стационарные лаборатории, при нашей методике результат можно получать на месте в течение нескольких минут. Для Восточной Сибири, где геологические работы ведутся на огромных пространствах, часто в условиях полного бездорожья и удаленности от лабораторий, использование экспресс-анализа на основе мощного рентгеновского излучения позволит значительно сэкономить время и средства.

Думаю, что со временем мощные электронные ускорители можно будет применять для проходки туннелей в крепких горных породах, что особенно актуально для гористой Восточной Сибири.

Академик Д. К. БЕЛЯЕВ, директор Института цитологии и генетики.

Генетика, как наука экспериментальная и теоретическая, региональной специфики не имеет. Ее законы одинаковы как для Восточной Сибири, так и для Западной и для любой части страны. А вот биология в прикладных своих аспектах региональна. То же можно сказать и о прикладной части генетики — о селекции.

Восточная Сибирь выдвигает перед селекцией свои специфические задачи. Прежде всего это создание необходимых сортов растений и пород животных, которые соответствовали бы местным условиям. Для этого могут быть использованы как традиционные методы — отбор и гибридизация, — так и новые, разработанные генетикой, — радиационный и химический мутагенезы.

Специальные работы, проведенные сибирскими учеными по программе ДИАС, позволили получить около пятнадцати гибридных форм зерновых, которые значительно превышают стандартные по продуктивности.

Гораздо сложнее задачи в животноводстве. Понятно, что наиболее перспективное направление в птицеводстве и молочном животноводстве — создание крупных комплексов. В то же время это порождает немало проблем. Высокомеханизированные молочные комплексы предполагают не только безвыпасное, но и безвыгульное содержание скота. Это совершенно иные условия, к которым приспособливались животные за долгие тысячелетия одомашнивания. Отсюда и новые требования к животным. Во-первых, они должны быть высокопродуктивными, иначе комплексы окажутся незэффективными. Вместе с тем животные должны обладать и рядом свойств, специфических для этих новых условий.

Что касается животных мясного направления, мне кажется, что для Восточной Сибири нужно выводить породы, адаптированные к условиям экстременного животноводства, не требующие дорогостоящих капитальных ферм.

Можно ли вывести таких животных? Опыт показывает: на путях создания межпородных гибридов эту проблему можно решить более удовлетворительно, чем она решается при чистопородном разведении. Ведь генетика как раз предсказывает, что формы, далеко разошедшиеся в каком-то генетическом отношении, адаптированные к разным

условиям, к разным формам продуктивности, при скрещивании могут давать определенный «всплеск» и в том числе как по продуктивности, так и по устойчивости к новым условиям жизни.

Многообещающей, по нашему мнению, может оказаться и акклиматизация в суровых условиях Восточной Сибири животных других районов страны. Например, опыты с яками Горного Алтая показали, что они отлично приживаются в Якутии и могут стать высокопродуктивной породой рогатого скота.

Бурное развитие Восточной Сибири в предстоящие годы и связанный с ним рост ее населения потребуют значительного увеличения производства сельскохозяйственной продукции в этом регионе. Что, в свою очередь, выдвигает перед наукой ряд серьезных задач. Главная из них: на основании фундаментальных исследований и проведенных экспериментов выработать рекомендации, которые могут быть с большим эффектом использованы в сельскохозяйственной практике.

Академик Г. К. БОРЕСКОВ, директор Института катализа.

Колоссальные масштабы уже созданного и того, что здесь предстоит построить, добыть и пустить в дело, порождают ряд проблем, которые предстоит решать совместными усилиями различных отраслей науки и техники. В это важное дело могут внести свою лепту и методы химического катализа.

Например, при переработке полиметаллических руд Норильска очень важно осуществлять не только более полное извлечение ценных металлов, но и утилизировать образующиеся при этом газовые выбросы, содержащие большое количество двуокиси серы, которая пагубно влияет на окружающую природу. Вместе с тем двуокись серы может быть использована как химическое сырье. Из нее можно вырабатывать серную кислоту. Однако огромные расстояния, отделяющие Норильск от потребителя, делают это производство нерентабельным. Катализитические методы позволяют получать из бросовых газов серу, очень ценное химическое сырье, которое к тому же легко транспортируется и занимает меньший по сравнению с кислотой объем.

Утилизация и обезвреживание сернистых выбросов — только одно из направлений применения катализа.

Очень перспективным окажется применение его методов в лесохимической промышленности — для полной и глубокой переработки древесины, и в нефтехимии, которая в перспективе должна получить здесь большое развитие.

Громадное значение для хозяйства страны имеет использование дешевых канко-ачинских углей для выработки электроэнергии. Уголь вообще и КАУ, в частности, должен помочь нам сэкономить ценную нефть там, где она все еще идет в качестве котельного топлива.

Однако использование канко-ачинских углей связано с рядом проблем. Их нерентабельно транспортировать на запад страны, где испытывается наибольшая потребность в энергии, так как КАУ содержит большое количество воды. Сжигать на месте и передавать электроэнергию — тоже не самый лучший вариант, порождающий сразу несколько сложных задач. Куда, например, девать золу, которой при запланированных масштабах выработки электроэнергии будет образовываться колоссальное количество?

К тому же в топках здешних гигантских ГРЭС должно сжигаться такое количество углей, что это заметно скажется на содержании кислорода и углекислоты в окружающем воздушном бассейне.

Решить проблему можно при безотходной энергохимической переработке канко-ачинских углей. Исследования в этом направлении уже ведутся.

В чем суть этой идеи?

С помощью каталитических методов уголь превращается в полукокс и становится транспортабельным. Полученные смолы пиролиза используются для выработки ценных химических продуктов. На продуктах газификации угля и полукокса будут работать МГД электростанции.

Путем химической переработки углей можно получать жидкие углеводороды и метanol, которые опять-таки можно легко транспортировать для дальнейшего использования.

Кстати, задача получения из углей продуктов, близких по своим качествам к нефти, остро стоит сейчас во всем мире. Энергетический кризис и резкий скачок цен на нефть заставили вести интенсивные поиски в этом направлении. Получены и первые результаты. По подсчетам американцев, переработка углей на газ с последующим синтезом из него жидких углеводородов дает горючее пока что более дорогое, чем полученное из нефти. Однако стоит мировым ценам на нефть вырасти еще немного — а это ожидается — как производство жидких углеводородов из углей станет рентабельным.

**Член-корреспондент
ВАСХНИЛ
В. Р. БОЕВ,**
заместитель председателя
Президиума Сибирского
отделения Всесоюзной
академии
сельскохозяйственных наук
имени В. И. Ленина.

Перед сельским хозяйством Сибири поставлена непростая задача: устроить производство продуктов питания в ближайшие 25 лет. Как она решается?

В наше время говорить о грандиозности территории и масштабов освоения Сибири, видимо, уже банально. Достаточно сказать, что у нашего отделения, созданного решением партии и правительства семь лет назад, «экспериментальное поле» достигает 10 миллионов квадратных километров. При сегодняшнем населении в 25 миллионов человек Сибирь и Дальний Восток дают 22 процента зерна, 20 процентов молока и мяса.

Казалось бы, цифры впечатляющие. Но социологи считают, что к началу ХХI века на вновь освоенных территориях будет жить примерно 100 миллионов человек. Понятно, почему было принято решение о создании в Сибири отделения сельскохозяйственной академии.

Земли Сибири и Дальнего Востока находятся в разных климатических условиях. Одни районы периодически страдают от засухи, а другие — от избытка влаги. Земельные ресурсы здесь исключительно богаты. Ученые должны дать их всестороннюю характеристику, от южной зоны, где сельское хозяйство ведется интенсивно, до арктической, где его можно вести только в закрытом грунте. Интенсивное развитие животноводства и полная электрификация сельского хозяйства, новые специально приспособленные к природно-климатическим условиям Сибири сельскохозяйственные машины — вот круг задач, которые должны решить специалисты центра.

В Отделении создано 8 научно-исследовательских институтов: экономики, растениеводства и селекции, коров, животноводства, ветеринарии, химизации, механизации и электрификации сельского хозяйства. И еще научно-исследовательский институт союз. Создаются четыре селекционных центра,

научно-исследовательская станция Крайнего Севера в Норильске. Во всех наших научных учреждениях сейчас работает около 13 тысяч человек, из них около 500 докторов и кандидатов наук, восемь академиков и членов-корреспондентов.

Главная наша задача — создание комплексного плана развития и размещения, специализации сельского хозяйства по природно-экономическим зонам, повышение его эффективности на основе достижений научно-технического прогресса. Увеличение сбоя зерна и повышение его качества, разработка экономически эффективных технологий, создание продовольственной базы в районах промышленного освоения Сибири и Дальнего Востока, в том числе в зоне БАМа — все это реализуется в сотрудничестве с Сибирским отделением Академии наук СССР, Сибирским филиалом Академии медицинских наук, Министерством сельского хозяйства.

Сегодня еще рано говорить о решении поставленной перед Отделением суперзадачи. Однако кое-какие результаты уже достигнуты. В частности, подготовлены предложения по размещению и специализации сельскохозяйственного производства Сибири. Их реализация не только удовлетворит местные потребности, но значительно повысит роль Сибири как поставщика зерна, картофеля, продуктов животноводства в общий фонд страны.

Закончена разработка системы удобрений зерновых культур для лесостепных зон Сибири. Это повышает урожайность пшеницы на 6—12 центнеров с гектара при четырехкратной оккупаемости затрат на удобрения. В Якутии открыто крупнейшее в стране месторождение апатитов, а мы внесли предложения по развитию в восточных районах страны туковой промышленности. Новые предложения внесены также по переводу животноводства на промышленную основу, в результате чего значительно снижаются затраты труда, а внедрение систем сельскохозяйственных машин, их безразборной диагностики намного улучшит использование машино-тракторного парка.

«Наш хлеб», — говорил в докладе на июльском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — это результат объединенного труда крестьянина, рабочего и интеллигента. Дальнейший подъем сельского хозяйства — неотъемлемая часть всестороннего экономического прогресса всей страны».

Экономисты ставят рядом со словом «Сибирь» цифры только многозначные: уголь, нефть, руда, лес...

Уверен, что Сибирь покажет себя и как житница страны, что темпы сельскохозяйственного освоения здешних земель будут соответствовать темпам освоения природных ресурсов Сибири.

Академик Г. И. МАРЧУК

Теперь, когда рассказано, что может дать стране Восточная Сибирь и каким образом, следует остановиться на некоторых общих проблемах, которые ставят Сибирь перед представителями всех наук.

Огромные, в полном смысле слова, необозримые территории, сложность геологического строения, разнообразие природных условий — все это требует разработки более эффективных современных методов изучения ресурсов Восточной Сибири. И здесь незаменимыми становятся новые способы сбора и обработки гигантских массивов разнообразной информации, математические методы моделирования происходящих процессов.

Например, поиск нефти и газа в Восточной Сибири сопряжен с большими трудностями, месторождения здесь ино-

го типа, чем в Западной Сибири, и этот тип изучен пока очень слабо. Поэтому наши усилия сосредоточены на выработке продуманной стратегии поисков, на использовании здесь всего арсенала современных методов геологии, геохимии, геофизики. На геофизику мы возлагаем особые надежды. Она может дать разведчикам недр принципиально новые методы.

Исследователи вплотную подошли к тому, чтобы выполнять численное «фотографирование» глубинного геологического объекта в сейсмических лучах и восстанавливать с помощью ЭВМ голограмму или фотографию этого объекта. Сейсмофотографии имеют пока довольно низкое качество, но важен сам факт получения геологической информации в зрительной форме. Актуальная задача науки — организовать работы в этой области на том же техническом уровне, который достигнут в астрономии, радиофизике, в изучении Земли из космоса.

Советские космические программы в последние годы дают все больше возможностей для дистанционного исследования природных ресурсов Земли. Наша задача — активно использовать эти возможности для решения проблем Сибири. Ученые Сибирского отделения АН СССР вместе с московскими коллегами работают над использованием аэрокосмических средств информации для оценки природных явлений и ресурсов. Высокая эффективность процессов получения аэрокосмических изображений пока что сильно опережает производительность их обработки. Поэтому одна из наших первоочередных задач — создание типового автоматизированного комплекса обработки снимков с помощью ЭВМ.

Одновременно нужно создавать современные методы использования полученной аэрокосмической информации для извлечения из нее данных по геологии, по оценке состояния лесных и других растительных ресурсов, по состоянию окружающей среды.

Теория математического моделирования станет, по-видимому, одним из основных средств подготовки и принятия решений по крупным индустриальным проектам, в том числе с учетом их воздействия на окружающую среду.

Пример такого крупного индустриального проекта — строительство БАМа. Учеными уже сейчас составлен сетевой график строительства для расчетов на ЭВМ всевозможных вариантов, — какую выбрать последовательность и время завершения отдельных участков дороги и каковы будут соответствующие затраты.

Очень интересный научный факт обнаружен недавно с помощью математического моделирования в области физики атмосферы. Оказывается, теплый воздух над городом, поднимаясь вверх, замещается воздухом более холодным и тяжелым, поступающим в город с его периферии. Вместе с этим воздухом в город устремляются и загрязнения от газовых выбросов предприятий, которые обычно находятся на окраинах города. Эта новая серьезная проблема только сейчас осознана и требует глубоких проработок и технологических решений. Теоретические исследования должны помочь четко выделить области и районы, где возможно строительство новых предприятий с наименьшим ущербом для окружающей среды.

Ускоренное развитие и растущее практическое использование математического моделирования требуют более эффективного действия парка ЭВМ. Сибирские ученые работают в связи с этим над созданием научных основ вычислительных центров коллективного пользования.

Мы с большим энтузиазмом работаем над всеми проблемами, решение которых должно содействовать развитию производительных сил Сибири на базе достижений науки и техники.

В прошлом году в Москве проходил Всероссийский семинар молодых литераторов народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Семинар, организованный Союзом писателей РСФСР и ЦК ВЛКСМ, стал значительной творческой встречей, еще раз подтвердившей своеобразность и программную важность Постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

Представляем вниманию читателей участников семинара. Эвенк Дмитрий Апросимов был охотником, затем преподавал рисование и черчение в школе родного поселка Эланцы. Сейчас же заведует библиотекой Юкагир Николай Курилов — поэт из кольмского поселка Черский. Художник-оформитель по профессии.

Дмитрий АПРОСИМОВ

С эвенкийского

Моя поэзия

В полночь,

во сне

или наяву,

Когда все — тишина и только,
В сердце моем бурлят и живут,
Вливаясь в него,

три потока.

В первом:

на лыжах, подбитых кожей,
Бегу по хребтам
веков и могил.

Вижу:

нужда сородичей гложет.

Слышу:

克莱нут они солнечный мир.
Прошлое — первый поток.

Он суров.

В нем закаляю я лезвия слов.

Второй поток —

любви твоей сила.
Радость, скорбь одинаково встретим.

Замкнутость ясновиденьем смыла.

Имя твое

да прославят дети!

Третий поток —

благодарность моя
За то, что я, родившийся в сене,
Страну повидал.

Ей обязан я

Всем вдохновением, стихами всеми.
Люди труда скромны,

не тая

Приветливых чувств безбрежных...

К теплу их сердец

три потока я

Направлю как долг и надежду.

Перевел Владимир АЛЕКСАНДРОВ

Николай КУРИЛОВ

с юкагирского

Тяжелые подтаявшие льды
в озерах растворились,
и от сердца заботы отлегли.

Мне в ухо дышит ветер молодой
и говорит доверчиво и тихо,
что солнце

с озером играет в муняхит.*
серебряным арканом ловит волны.

А значит, скоро в озере моем
и кринки превратятся в шустрых рыбок,
и вырастут в огромных рыб,

и станут,

выпрыгивая из воды студеной,

боками яркими дразнить всех рыбаков.

О радость — небо надо мной

и жаворонка трепет нежный.

О свежесть зелени земной!

Багульника рассвет безбрежный!

Уткнулся лицом в цветы, в траву,

как в материнские колени.

Земля! Я все еще живу!

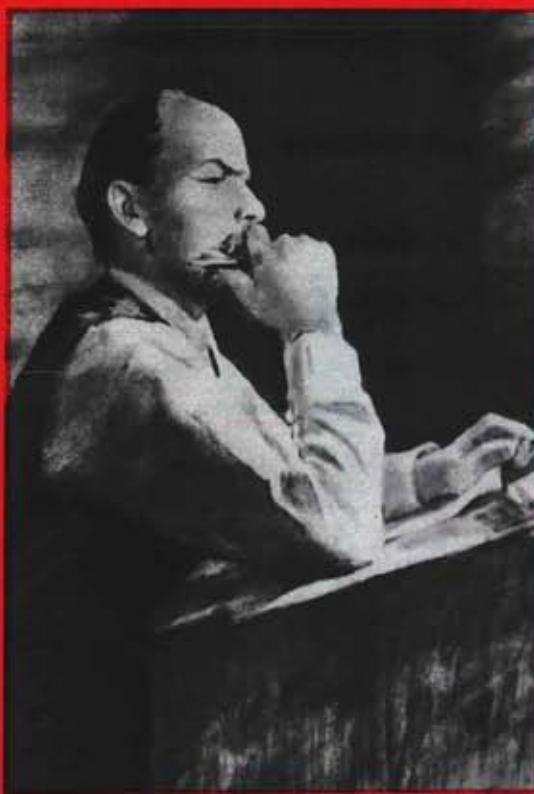
Душа в безудержном цветеньи.

О радость — небо надо мной!

О свежесть зелени земной!

Перевел Василий КОЗЛОВ.

*Муняхит (юкагирское) — национальная игра.

В. И. ЛЕНИН В ШУШЕНСКОМ.
Рисунок художника Бориса ЛЕБЕДЕВА.

Писатель Афанасий Коновалов — автор известных книг о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из романа «Возгорится пламя», рассказывающий о приезде к Ленину его друга и соратника Глеба Кржижановского. Тогда Владимир Ильич поделился с ним планом создания боевого органа Российской социал-демократической партии — газеты «Искра».

На первую прогулку они отправились до рассвета.

Во всех домах мерцающие светились заледневшие окна: бойко пылали дрова в больших русских печах. От овинов, где сушились пшеничные снопы, густо пахло горьковатым дымом. Там, на гумнах, обивенных дощатыми стенами и накрытых тканью же крышами, гулко ударяли березовые кругляши молотил по сухим стеблям и тяжелым колосьям, раскинутым по мерзлой земле.

Они разговаривали о своих товарищах. Старое оберегает Тоню в ожидании первенца. Лепешинский тоже счастлив. Его деятельная жена наладила столовую для десяти ссыльных села Казачинского. Они в складчину купили корову, весной собираются посадить общественный огород. Только на беднягу Ванеева навалилось несчастье: все еще не может вызволить из тюрьмы свою Доминику. Пишет: камера прескверная, сырья, холодная, и Доминика расхворалась...

— Жаль ее, но меня все больше тревожит судьба Федосеева, — сказал Кржижановский.

— Что с ним? Что? — Владимир Ильич круто повернулся.

ся к другу. — Мне он не отвечает. Я запрашивал Анюту, и ей тоже не пишет.

— И мне редко. Всего два письма, — ответил Глеб. — Но может он успокоиться после той ужасной клеветы. Видимо, не в силах забыть, что называли его чужаком в рабочем движении. Дескать, дворянин...

— Что ж такого? Вот и мой отец, ты знаешь, высушил личное дворянское звание. Дало не в этом. О человеке нужно судить по его делам. Да и кто называл Федосеева чужаком?

— Негодяй, заняха! А там ему, к сожалению, вторят какие-то полутрагоменные рабочие. Это и ранило Николая Евграфовича в самое сердце. Я подозреваю, у него развилась болезненная мнительность...

— Н-да, жаль. Такие люди революции необходимы, — задумчиво проговорил Владимир Ильич, но уже через секунду с прежней оживленностью попросил: — Пиши ему, Глебася, чаще. С каждой почтой. И надо бы, чтобы кто-то из рабочих написал. У вас там есть Екатеринославец Ефимов...

— Есть-то есть... Но я за него тоже серьезно опасаюсь: как бы не угодил в психиатрическую.

— Да? А что же вы не позаботитесь?

— Тоня прослушивала его. За легкие не опасается, но вот нервы...

— Он одинокий? Невесты у него нет?

— Принципиально не было. Он считал, что рабочему революционеру нельзя жениться.

— Считал? А теперь?

— Какое-то смятение в его душе.

— А ты без всякого опасения собираешься жениться!

— Не я первый, — Кржижановский хлопнул товарища по спине, — но я последний.

Владимир Ильич схватил его за охапку:

— Поборемся, что ли?.. Теплее будет.

Пощатнул в одну сторону, в другую, подцепил его ногу носком валенка и повалил в снег.

ЗВЕЗДА ПЛЕНЕНЫХ

«Восточная Сибирь с признательностью приняла бы топографов. Мы знаем очень подробно пучины морей, отдаленных от наших пределов... Но сколько предметов отечественных, сколько мест в Сибири, богатой, полезной Сибири, известны нам в идеальном отношении?» — спрашивал известный естествоиспытатель А. Мартос в своих «Письмах о Восточной Сибири», вышедших в Москве в 1827 году. Но Восточная Сибирь именно в ту пору приняла не топографов, а героев-декабристов. Один из них, М. С. Лунин, отметил: «Выдающиеся люди эпохи находятся в глубокой ссылке, в Сибири».

«Каторжная академия»

Это название принадлежит самим декабристам. М. С. Лунин писал:

«Настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили».

Автор приведенных строк отлично владел французским, английским языками, занимался проблемами древней истории и написал в ссылке «Письма из Сибири», которые стоили ему нового срока и отправки в места, еще более глухие. В одном из писем М. С. Лунин подчеркивал:

«Заключенный в казематах, десять лет не переставал я размышлять о выгодах родины. В ссылке, как скоро переменились обстоятельства, я опять начал действия наступательные. Последнее желание мое в пустынях сибирских, чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в делах соотечественников».

Декабристы братья Михаил и Николай Бестужевы были незаурядно талантливыми людьми. Николай был художником и естествоиспытателем. Михаил — хорошим механиком, членом Вольного экономического общества, автором трактата «О свободе торговли и вообще промышленности» (1831). По словам Николая Бестужева, он еще в 1818 году написал статью «Об электричестве, относительно к воздушным явлениям». 14 октября 1841 года в письме из Сибири Н. А. Бестужев отмечал:

«Тому прошло уже 25 лет, науки сделали быстрые успехи, особенно науки физические и, читая все, что относится до новых открытий по ученой части, с удовольствием видел, как многое или почти все из моих предложений, по очереди и опытами и наблюдениями не только

частных людей, но даже целыми учеными обществами — все это выдавалось за новость...»

Отправленный на поселение в Сибирь, Н. А. Бестужев занялся там изучением богатств местного края. В районе Гусиного озера он открыл месторождение, о котором писал, что там «бурый уголь тонкими и толстыми пластами залегает во многих местах».

Находясь в Сибири, М. А. Фонвизин написал работы «О социализме и коммунизме», «О значении указа об обязанных крестьянах и о мерах к его более широкому применению», «О крепостном состоянии владельцев в России». Перу Муханова принадлежит статья «О влиянии золотой промышленности на ценность хлеба в Восточной Сибири». Живя в Чите и Петровском заводе, А. П. Барятинский написал сочинение на французском языке, где доказывалась справедливость материалистической философии и отрицалось существование бога.

Можно было бы продолжить рассказ о научных трудах декабристов, созданных ими в Сибири, подчеркнем только, что все они, говоря словами их единомышленника А. О. Корниловича, утверждали: «Сибирь — золотое дно, но чтобы им пользоваться — надлежит его разработать».

Но все они понимали, и о том писал Н. В. Басаргин: «Много причин препятствуют Сибири в настоящее время стать на ту ступень значения, которую предназначает ей будущность: недостаток капиталов, недостаток промышленного образования в ееителях по этому пути, обширность расстояний и, что еще самое главное, затруднительность в путях сообщения как внутри самого края, так и в торговых сношениях ее с Россией».

Декабристы занимались разработкой смелых проектов. Г. С. Батеньков составил в 1857 году «Проект приведения в известность земель Сибири».

«Проложение через Сибирь железнодорожного путизначило бы присоединение огромной пустынной страны к образованному миру и довершение кругосветного пути. Такая мысль, хоть далекая от осуществления, не может не произвести восторженного чувства...»

Но при этом, оговаривал он, «прежде всего надо добывать достоверные и подробные сведения, касающиеся страны необыкновенно пустынной, какова есть Сибирь».

И эту блестящую идею-предвидение мы осуществляем в наши дни самими строительством БАМа!

В письме брату из Петровского завода 29 января 1837 года Н. А. Бестужев подчеркивал:

«Говоря о ходе просвещения, нельзя также не упомянуть тебе с некоторою гордостью, что по части физических применений мы, русские, во многих случаях опережали других европейцев: чугунные дороги не новы, они существуют на многих железных заводах для перевозки

ДЕКАБРИСТ М. С. ЛУНИН. Акварель Н. А. БЕСТУЖЕВА. 1834 г.

ДЕКАБРИСТ А. Ф. ФРОЛОВ. Акварель Н. А. БЕСТУЖЕВА. 1836 г.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ И ЕГО ЖЕНА З. П. НЕВЗОРОВА-КРЖИЖАНОВСКАЯ. 1900 г. Ст. Тайга.

— Слабо защищешься — Подхватил Глеба под руку, помог подняться. Еще раз! Больше задору! Больше веры!

Но и второй раз свалил друга.

— Подожди! — шутливо погрозил Кржижановский кулаком. — Я наловчусь, пока гошу у тебя.

— На сегодня хватит... — Ульянов варежкой смыв снег со спины Глеба.

Пошли дальше. То и дело им приходилось уступать дорогу обозам, возвращавшимся в село. Мимо проплывали, поскрипывая полозьями саней, лохматые возища сена, целые склады пшеничных снопов. Путников на какую-то секунду приятно обдавало ароматом лугов и полей стадной поры.

Пропустив очередной обоз, Владимир Ильич с веселой лукавинкой в глазах переспросил друга.

— Значит, ты не согласен с антисемейными взглядами Ефимова?

— Ты же знаешь мою Зину. Разве она может сама... И мне будет помогать.

— Вот это верно! Так и Ефимову скажи... А наш общий долг... — Владимир Ильин опять на секунду приостановился, — сберечь всех товарищей, весь «Союз борьбы». Для революции сберечь, для партии.

— Когда-то она еще будет у нас...

— Партия? Скоро. Вот вернемся... А может, и до нашего возвращения... Ведь социал-демократов становится все больше и больше. Несмотря ни на какие репрессии. Травят сажают — оттуда отрастает.

— Так-то оно так...

— Согласен с тобой: дело за организационными оформлениями. И что для этого нужно? Я здесь много думал... И ты, инженер, лучше меня знаешь: когда каменщики возводят здание, они первым делом заботятся о лесах. Без этого нельзя построить дом.

— Верно! И у нас должны быть свои «леса».

— Своя газета! Боевая марксистская газета! От нее

будет зависеть все. Она станет не только агитатором, но и организатором.

Кржижановский задумался.

— А ты не переоцениваешь роль газеты?

— Ее нельзя переоценить. Невозможно. Да, да. Нам более всего необходим центральный печатный орган. Архимонологий. Без своей партийной газеты, дорогой Глебася, мы не сможем двинуться вперед.

— Так же, как без программы.

— Совершенно верно, — подхватил Владимир Ильин. — Создание программы — наша навязчивейшая и неотложная задача.

Они вспомнили программу, составленную группой «Освобождение труда» десять лет назад. Там были верные мысли, но авторы ее еще отдавали дань терроризму; говорили о беднейшей части крестьянства, но еще не видели нарождающегося сельского пролетариата. Кржижановский заговорил о том проекте программы, который был написан его собеседником в тюремной одиночке и тайно переслан на волю. Где он? Владимир Ильин вздохнул: едва ли удастся найти ту рукопись. Говорят, хранили ее верные люди; опасаясь арестов, передавали один другому. А у кого она сейчас — неизвестно.

— Так садись и пиши снова, — настойчиво сказал Глеб. — Это — твое дело.

— Ну что же, я напишу. Но с одним условием — набросок обсудим, посоветуемся с товарищами.

И Владимир Ильин с горячей увлеченностью начал перечислять основные части будущей программы. В ней следует указать и на характер экономического развития России, и наinevitable результат капитализма — рост нищеты и рост возмущения рабочих, и на классовую борьбу пролетариата как основу нашего движения.

— А ближайшая задача партии — завоевание политической свободы, политической власти, — сказал он под конец и повернулся к другу: — Так?

— Так! — подтвердил Глеб Максимилианович.

ЛЕНИНСКИЙ ДОМ-МУЗЕЙ
В ШУШЕНСКОМ.

АЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.
80-е годы.

ЧЛЕН ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»
В. В. СТАРКОВ. 1897 г.

ИЗЫСКАТЕЛЬ
А. М. КОШУРНИКОВ.

ЧЛЕН ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»
М. А. СИЛЬВИН. 1900 г.

руды бог знает с какой поры... Англия, Франция и Америка захлопотали недавно о подводных судах: у нас при Петре уже сделаны были опыты».

* * *

Сибирь. Восточная Сибирь. Она и в последующие годы видела на своих бескрайних просторах людей самоотверженных, преданных идеям освобождения своего народа от царской тирании, решивших посвятить себя служению народу.

Холодом и одиночеством, издевками жандармских надзирателей царизм хотел сломить дух великого революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Но он из-за стен Вилойского острога, из ледяного безмолвия пополнял сокровищницу отечественной науки новыми трудами по философии, экономике. Своей публицистикой он поднимал бодрость духа у тысяч людей, жаждо ловивших его пламенное слово. И оно доходило до них через все преграды! Какой бодростью, человеколюбием, гуманностью, высоким накалом чувств наполнены письма Николая Гавриловича! Вот что он писал своим сыновьям из Вилойска:

«...Отец — лишь приятель. Мать — совершенно иное. Собственно говоря, мать — существо священное. Это, с нравственной точки зрения, потому так, что чувство матери к детям — совсем иное, нежели чувство отца.

Кроме того, есть точка зрения материальных обязанностей. И с этой точки зрения, то же самое: мать — существо священное».

«...Милый мой Миша.

Я когда-то советовал тебе и твоему брату заботиться о том, чтобы приобрести привычку читать по-французски, по-английски, и по-немецки так же легко и с такою же приятностью, как по-русски».

«...Милый мой дружок Саша.

Хвалю тебя за твою решимость добывать себе кусок хлеба честным, скромным трудом. Это благороднее всего...

«...Милый мой дружок Саша.

Трудно тебе устраивать твою карьеру. Как быть! По-видимому, ты стал уж солидным молодым человеком. Радуюсь этому, друг мой.

Ты говоришь, что чувствуешь: надо тебе приобрести гораздо больше сведений, чем имел ты. Это надоально всегда, каждому из нас, молодых ли, не молодых ли, старых ли. О молодых, еще не забывших своего школьного времени, можно прибавить то, что, чем скорее забудут они думать о том, хороши ли, плохи ли школы, в которых учились они, тем лучше.

Школьные годы — траты времени; необходимая, нопустая траты. Знаем мы лишь то, что узнаем помимо школ, из жизни, из дружеских разговоров, из порядочных книг, в числе которых школьных книг нет.

Досуг ли тебе учиться? Или все твое время поглощается заботами о добывании себе куска хлеба? — Не знаю. Если и поглощается все, не жалей много о том. Лишь бы не был труд велик до чрезмерной утомительности. Учиться никогда не поздно. Обеспечиши себе пропитание, успеешь учиться, сколько душе угодно.

А если есть досуг у тебя и теперь, то: разумеется, я не против цеховых учебных предметов, насколько надобно заниматься ими для лучшего добывания куска хлеба; настолько, насколько это надобно, это хорошо.

Но наука не в цеховых отраслях знаний. В них — сапожное мастерство, парикмахерское мастерство, мастерство по словоговорению с какой-нибудь профессорской кафедры, балетмейстерское мастерство и так дальше. Все эти профессии достойны уважения. Но с наукой у всех у них одинаково много общего.

Читать плохие романы — едва ли не полезнее в научном отношении, чем трудиться над цеховыми ученоностями. А порядочные романы неизмеримо выше в научном отношении, чем цеховые квартанты.

Но не собственно о романах я попросил бы тебя написать мне, какие ты читаешь и какие особенно понравились тебе; желал бы я знать и это. Но главный предмет, о котором я желал бы узнать: привык ли ты читать по-французски, по-немецки, по-английски, как по-русски?

Впрочем, друг мой, это менее важно, чем кусок хлеба. Желаю тебе устроиться так, чтобы не нуждаться в нем. Будь здоров. Целую тебя. Жму твою руку.

Твой Н. Ч.».

«...Милый друг Миша...

...История литературы ли вообще, поэзии ли в частности, живописи ли, чего ли другого подобного объясняется только историей крупных национальных событий, дающих тон жизни. Потому я не разделяю пренебрежения к так называемой «внешней» историей, проповедуемого многими из ученых, занимающихся так называемой «историей культуры». А ты как думаешь об этом? Так же?»

Так писал человек, дух которого никому не удалось сломить.

А разве не подвигом была поездка А. П. Чехова через всю Сибирь и Дальний Восток на Сахалин! Его дневник, очерки, появившиеся в результате этой поездки, — обличительный приговор тем, кто всеми силами хотел задушить животворные силы народа. В них Антон Павлович верил и тогда, когда в

последние десятилетия прошлого века, побывав на берегах Енисея, предсказывал:

«Не в обиду будет сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея.

На Волге человек начал удалью, а кончил стоном, который зовется песней. На Енисее же жизнь началась стоном, а кончается удалью, какая нам во сне и не снилась... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега...»

Всемирную известность получили труды советского геолога В. А. Обручева. Совсем молодым он проехал сюда, в Восточную Сибирь, влюбился в Сибирь, верил в ее великое будущее и приближал его своими трудами.

В 1891 году в письме матери из Иркутска В. А. Обручев отмечал:

«...Сибирь — прекрасная и богатая страна. Ты видишь, я все возвращаюсь к этому. Неизмеримые природные богатства этой страны исследуют и оценивают только будущие поколения. Бесконечные девственные леса, необозримые степи, могучие реки и плодородные поля ждут только приложенных человеческих рук, чтобы сыпать нам на колени свои сокровища.

Какую массу рыбы, дичи, пушнины, мяса и зерна в состоянии давать Сибирь России, выясняется только тогда, когда будет построена железная дорога, наша страна обособится от печальной зависимости, от внешних рынков и сможет самостоятельно развивать свою экономику без чужой помощи.

Однако до этого еще далеко. Негодное ведение большого домашнего хозяйства не может быть изменено к лучшему до тех пор, пока это хозяйство не будет изучено до мельчайших деталей. Изменению совершенно ненормальной экономической политики в Сибири также должно предшествовать серьезное ознакомление с ее физическими, климатическими и социальными условиями. Пока же необыкновенная страна почти совсем не исследована, и я, единственный бедный геолог большого Иркутского округа, чувствую себя, как карлик на вершине высокой горы, которую он один должен нести».

Преемственность поколений, ее примеры нам преподносит сама История.

Из Петровского завода в январе 1837 года декабристу А. Ф. Фролову, отбывавшему ссылку в селе Шушенском. Енисейской губернии, сообщалось:

«Мы сильно и неосновательно предубеждены против всего возможного под широтой сибирской... Можно бы сделать не одну удачную попытку в разведении многоного, неизвестного у вас».

Знаменательно, что через 60 лет по этому же адресу, в селе Шушенское, пойдет письма на имя Владимира Ильича Ленина. Дело в том, что дом Петровой, вторая квартира В. И. Ленина, был построен еще в 1840 году по проекту декабриста Фаленберга.

Конечно же, в этих стенах тогда звучало знаменитое пушкинское «В Сибирь»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

И строки ответа А. С. Пушкину А. И. Одоевского:

Наш скорбный труд не пропадет:

Из искры возгорится пламя...

Последние строки станут эпиграфом ленинской «Искры». Она была задумана в Шушенском, во время встречи Владимира Ильича с друзьями-единомышленниками.

Идея создания партии и ее боевого органа была детально разработана здесь, в сибирском далеке, куда В. И. Ленин и его соратники выслали после ареста руководителей и активных деятелей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — прообраза большевистской партии.

Здесь во время товарищеских встреч мечтали о будущем и приближали его своей энергией, своим умом, знаниями и самоотверженностью.

Навстречу грядущим боям

Участник этих встреч П. Н. Лепешинский вспоминал в своей книге «На повороте»: «Большими праздниками были для нас съезды всех или большинства социал-демократов Минусинского уезда вместе с Владимиром Ильичем... Наибольший интерес для всех нас представляла личность Владимира Ильича. Около него чаще всего вертелись наши мысли и наши разговоры».

О том, что В. И. Ленин был центром притяжения и всеобщего внимания, и, благодаря ему, для многих «ссылка прошла без чувства одиночества, заброшенности», рассказывают письма соратников В. И. Ленина, написанные ими тогда же, в конце прошлого века, в городах и весях Минусинского округа. В них множество теплых, искренних, взволнованных строк о «Старике» — Владимире Ильиче.

«Из города [Минусинска] наши... думают навестить Старика. Хорошо, если бы тебе возможно было съездить к нему», — писала супругу 30 августа 1898 года А. М. Старкова. Писала так потому, что сам В. В. Старков всего за 10 дней до этого доверительно сообщал жене: «Да, проехал я только к обеду, так как помимо почек у Старика пришлось заночевать еще в одном месте. Дорога через Шушу оказалась длиннее, чем говорили в городе...

Это зело печально, так как, очевидно, не придется так часто заезжать к Старику, как я предполагал».

Осенью 1898 года ссылочный-народник Викторин Арефьев занялся сбором материалов о М. В. Буташевиче-Петрашевском (ранее отбывавшем ссылку в Шушенском); к Владимиру Ильичу последовала просьба:

«...собрать весь имеющийся в Шуше материал, касающийся Петрашевского, и переслать Арефьеву. Кроме того, не может ли тот же Ульянов указать, какую он встречал когда-либо литературу о Петрашевском?»

Владимир Ильич здесь, в Минусинском округе, встал во главе новой «каторжной Академии». Результаты ее деятельности оказались на дальнейшем развитии политических событий в стране уже в первые десятилетия нашего XX века. В. И. Ленин и его товарищи отдавали много времени идеиному воспитанию рабочих, находившихся вместе с ними в ссылке. Один из них, А. С. Шаповалов, отмечал:

«Владимир Ильич подолгу разговаривал с каждым рабочим и вообще с каждым новым товарищем, очевидно, изучая их удельный вес в будущей революционной деятельности. Любопытно, что у всех нас, особенно у меня, осталось с того времени большое доверие к нему, как к вождю партии».

Состав рабочих-ссыльных был интернационален: русские, украинцы, финны, поляки. Сохранилось письмо А. М. Старкова одному из них — поляку С. К. Кулику от 25 января 1899 года. Там, между прочим, сказано:

«Посылаю Вам при этом письме 3 книги «Нового слова», 2 номера «Neue Zeit», которые прислали для Вас Владимир Ильич Ульянов...» Друг Кулику, М. Л. Стояновский, побывав у Владимира Ильича в Шушенском, сообщил:

«Мы — Кржижановские, Старков, Чекальский, Ковалевский и я ездили в Шушу. Провели время очень весело: пели, играли в шахматы, читали...» В одном из писем В. В. Старкова 1899 года есть такие строчки: «Сейчас только получил письмо от В. И. Ульянова. Он пишет, что ему очень нужна статья Каутского (которая у вас), так как он собирается писать рецензию на книгу «Lüxemburg».

Еще один товарищ Ильича, М. А. Сильвин, в письме к невесте в апреле 1899 года писал о Владимира Ильиче как о человеке, которому он «много обязан в своем духовном развитии». То же самое могли сказать и многие другие его единомышленники.

За время пребывания в ссылке Владимир Ильич написал более 30 работ. Массу статей в сибирских газетах поместили его единомышленники и друзья. Здесь они читали III том «Капитала» Маркса, вели серьезную научную работу и давали отпор своим идеинным противникам — «экономистам». Заметный вклад внесли они и в исследование местного края. Владимир Ильич и его товарищи были тесно связаны с Минусинским музеем, основанным провизором Н. М. Мартыновым. Иркутское «Восточное обозрение» отмечало:

«В Европе нет ни одного ученого, ни одного учреждения, кому не был известен этот музей». Сохранился список читателей библиотеки музея. Там есть имена Владимира Ильича, Надежды Константиновны и их близких товарищих. В советское время в музее были найдены книги с пометками В. И. Ленина, А. А. Ванеева, Г. М. Кржижановского, В. В. Старкова и других. Соратники Ильича были корреспондентами и помощниками Н. М. Мартынова. Среди товарищих Владимира Ильича, отбывавших вместе с ним ссылку, большинство были инженеры-технологи. И не случайно их привлекали к работам, связанным с их специальностями. «Еду на завод, осматриваю новые печи по просьбе одного купца», — сообщает В. В. Старков жене 6 ноября 1897 года. Он вместе с Г. М. Кржижановским входил в комиссию по ограждению города Минусинска от разливов реки Минусинки. Реконструкцией сахарного завода занимался В. К. Курнатовский. К научным изысканиям привлекались и рабочие-ссыльные.

После окончания ссылки Г. М. Кржижановский, В. В. Старков и другие служили на Сибирской железной дороге.

Лучшие умы России мечтали о Сибирской железной дороге, как о необходимой мере дальнейшего развития всей страны. И когда оно началось, то не осталось незамеченным ни русской, ни иностранной общественностью. Знаменитый французский писатель-фантаст Жюль Верн с восторгом отметил:

«Часто говорят о той быстроте, с которой американцы проложили железнодорожный путь через равнины Дальнего Запада. Но да будет известно, что русские в этом отношении им ничуть не уступают, если даже не превосходят как быстротой строительства, так и смелостью индустриальных замыслов».

Край большого будущего

Среди тех, кто разрабатывал планы развития Красноярского края, был родственник В. И. Ленина Борис Борисович Горизонтов, ныне доктор экономических наук. В работе, изданной им в 1961 году, сказано:

«...Помимо Транссибирской магистрали, важное значение для экономики земли красноярской имеет построенная в 1927 году железная дорога Ачинск — Абакан. Она соединяет южные районы края с Сибирской магистралью. По этой дороге осуществляются значительные перевозки различных грузов.

...Особенно большое значение имеет дорога Ачинск — Абакан в зимнее время, когда прекращается навигация на Енисее. В последнее время принимаются серьезные меры к увеличению здесь железнодорожной сети. Строится несколько железнодорожных линий, которые свяжут наиболее перспективные районы края между собой и с другими районами нашей страны».

В книге рассказывается о том, как в годы войны велись изыскания на трассе будущей магистрали Абакан — Тайшет.

В числе наиболее выдающихся трудовых подвигов в годы Великой Отечественной войны всегда будет занимать свое достойное место то, что совершили на берегах таежной реки зимой 1942 года Александр Кошурников и его товарищи.

...Их было трое: начальник экспедиции Кошурников и двое его помощников — Алексей Журавлев и Константин Столяров, — говорится в книге. Экспедиции Кошурникова была поставлена задача: уточнить трассу железной дороги Абакан — Тайшет.

Они вышли в октябре из поселка оленеводов Гутары. Несколько оленей помогали везти необходимое оборудование, приборы и скучные запасы продовольствия. Пробираясь сквозь тайгу и горы, они уточнили значительный участок будущей трассы.

О том, что случилось дальше, поведал дневник Александра Михайловича Кошурникова, найденный в его полевой сумке через год после трагической гибели мужественных изыскателей:

1942 год. «27 октября. Вторник. Утром перешли речку Воскресенку. Уложили одну тонкую пихту и по ней перешли.

Левый берег для трассирования лучше правого. Бачуринская шивера — легкий порог, проходимый в любую воду на плотах и в лодках. Идти нужно под правым берегом, там прямой слив, без камней.

28 октября. Среда.

Исклучительно тяжелый день. С 6 утра пошел снег и шел хлопьями весь день и сейчас идет (23 часа). Навалило сантиметров 15, а главное, снег повис на деревьях и падает при малейшем прикосновении. В результате к вечеру мы были мокрые до нитки. Журавлев шел без плаща и промок насквозь. Меня несколько спас плащ. За день прошли всего 10 километров (по трассе), это в натуре километров 12—15.

Завтра пройдем Базыбай, а там, если река не имеет тенденции замерзнуть, сделаем плот и поплыем.

Утром перешли речку Бачуринку по льду, днем прошли мимо р. Соболинки, впадающей с правого берега. Около устья Соболинки на правом берегу — зимовье. Р. Соболинка впадает в Казыр в одном уровне.

По левому берегу все время тянется широкая терраса. От пк 1660 до пк 1690 горизонтали изображены неверно, здесь ровная терраса, шириной 1—1,5 километра, а на карте указан довольно крутым подъем от реки. При трассировании не следует идти берегом, а излучину Казыра нужно срезать, что даст сокращение длины километра на 2,5 при минимальных работах.

Продовольствие осталось мало: хлеба на 2 дня — при экономическом расходовании, табаку на 1 день.

29 октября. Четверг.

Порог Базыбай. Пустой дом рыбака. За день пройдено по трассе 8 километров, что составляет километров 12 в натуре. Порог проходили уже в потемках, так что я видел его плохо. Река здесь собирается в слив, шириной не более 7—10 метров. Шум много. Собственно порог состоит из одного главного слива, совершенно непроходимого ни на плотах, ни на лодках. Мы буквально тянем за собой с Саян зиму. Снег нас просто преследует и не дает убежать. Однако, надеюсь, что в районе Курагино снега еще нет, и я застану осень, очень позднюю, но все-таки без снега.

До жилья осталось 58 километров, а может быть, и меньше, если встретим рыбаков, охотников или лесорубов. И то, и другое, и третье очень желательно, так как с продуктами дело обстоит очень плохо. Все мокрые до нитки. Снег не перестает, идет все время, однако тепло, летит мокрый, садится, на него падает новый, таким образом поддерживается ровный слой сантиметров 80 мокрого, тяжелого снега.

Продовольствие кончилось, остался маленький кусочек мяса, от которого понемногу отрезаем и варили два раза в день. Табаку нет, курим древесный мох.

Базыбай — большая река, впадающая в Казыр справа в одном уровне. Воды несет много.

3 ноября. Вторник.

Пиши, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера, 2 ноября, произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом.

Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу добиться я ему помог, на берег вытащить не смог, так он закоченел наполовину в воде.

Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и без пищи.

Вероятно, сегодня замерзну».

Подвиг во имя Родины, во имя народа! Им нет конца — они одно из ярких выражений преемственности, несгибаемости и величия духа лучших людей нашей Отчизны. Тому подтверждение те строки, которые вы только что прочитали...

Письма подготовил Григорий ХАЙТ

ЕДИНЫ В БРАТСТВЕ

Солбон АНГАБАЕВ
С бурятского

Размышления у Байкала

Мои места
Вдруг бамовскими стали,
Мы отдали жар сердца магистрали.
И с гор ручьи свой голос отдают
Вам, бамовцы...
И ныне неустанно
Пишу дневник стремительного БАМа.
БАМ—родина,
БАМ—жизни всей маршрут!

Мои места
Вдруг бамовскими стали—
Проложены здесь БАМа магистрали,
И проезжают бамовцы по ним,
По яростным снегам,
По звонкой стыни.
Поют они: «Эй, Баргузин...»—
За ними
Несется эхо сквозь таежный дым.
Мои места встречают не строптиво—
На БАМ плывут дома,
Плынут стропила,
Плынет рассвет, буранами продут.
Да, я родился в этой глухомани,
Где Кюхельбекер Пушкину посланья
Писал «во глубине сибирских руд»,
Где раньше рыскал баргузинский соболь,
Где падь темнела черною осокой,
Там расступилась, разомкнулась даль,
И горы, на которые молились
Мы снизу,
Пред дорогой расступились—
Соединила дали магистраль.
Мои места, где раньше, как в загоне,
Быки мычали,
Громко ржали кони,
Озвучил гулом беспокойный БАМ,
И удивленно здесь глядят медведи:
Пришли с весной вместе к ним соседи—
Путешественники—по лесам и по горам.

Мои места
Вдруг бамовскими стали,
Мы отдали жар сердца магистрали.
И с гор ручьи свой голос отдают
Вам, бамовцы...
И ныне неустанно
Пишу дневник стремительного БАМа.
БАМ—родина,
БАМ—жизни всей маршрут!

Каждый миг мой сейчас,
Каждый—это аэропорт,
Где по расписанию взлетают ввысь
самолеты,
Унося за собою с реактивной дымкою
гром.
Каждый миг мой сейчас,
Что исполнен всегдашней заботы,
Может вдруг оторвать от земли
Стиховую волну строка,
Но по расписанию взлетают с аэропорта

Маленькие самолеты
В облака,
В облака,
В облака...

Река Баргузин все неслась и неслась,
Свой бег убыстряя, туда, где Байкал.
Сидели с тобой мы,
И каждый из нас
Стук сердца с волной баргузинской

сливал.
Есенин ко мне, полный радостных сил,
Туманы раздвинув плечом, приходил.
Хочу я спросить у летящей струи:
— Скажи, Баргузин,
Где же песни твои?
Несется к Байкалу, несется река,
Как гения стих
Сквозь глухие века...
Ау, Баргузин!..

Оказывается, я такой уж большой,
С большим лицом,
С усталой душой,
Чуть-чуть оглушен от былого житья,
А обижуюсь,
Словно дитя,
Когда к большим,
В дружеский круг
Меня пригласить забывают вдруг...

Да здравствует цикличность всех годов,
Да будет непрерывность дел и слов,
Да будет так:
Ни молний, ни дождей—
Их слишком много, как ушедших дней.

Да здравствует цикличность слов и дел,
Цикличность чувств и дум—любви
предел.
Да будет непрерывность наших дат,
И обретений наших, и наград,
Огромностей, свершений наяву—
Все это непрерывностью зову...

Перевел
Владимир ЦЫБИН.

Семен ДАНИЛОВ
С якутского

На восходе солнца

Плеснула рыба. Час рассвета.
В росе трава блестит у ног.
Вот жаворонок в небе где-то
Включил серебряный звонок.

На ферме сътые коровы
Мычят и радуются дню.
Пирамидальный и багровый,
Цветет кипрей, под стать огню.

Якутской лилии—сараки—
Просвещивают лепестки.
Малина рдеет на полянке.
В селе, по избам, старики

Уже хозяйствничать пустились:
Калитки легкие скрипят.
Молодожены пробудились
И шепчутся. А дети спят.

Сиянье чистое рассвета.
Прохлада. Свежесть. Благодать.
И знаешь: можно вот за это
И в бой пойти и жизнь отдать.

Дума о природе

Земного человека никогда
Не отделяйте от земной природы:
Он—часть ее, как воздух и вода,
Как деревья и горные породы.

Да, он изведал мысли торжества,
Он сочинил симфонии и оды,
Он сам—творец, но творчество его
Есть продолжение творчества Природы.

Когда, творя по выкройкам Ума,
Стучит искусствой Мысли молоточек—
Природа здесь работает сама,
А человек при ней—как переводчик.

Планету обживаешь, словно дом,
Идешь по ней и мыслишь по-земному:

Там открываешь сложное в простом,
Там тонко сводишь сложное к простому.

Дерзай, работай, забывай покой,
Но помни в упоении законном:
Ты—мастер у Природы в мастерской,
Ты подчинен, как все, ее законам.

Так уважай в любые времена
Законы те и будь к себе постороже.
Работай для нее, тогда она
Работать для тебя согласна тоже.

Спасая, приручая и любя
Зверей и птиц, растения, земли, воды,
Не отлучай Природу от себя
И сам себя не мысли вне Природы!

Осенняя дорога

Передо мной осенняя дорога
Расцвечена, как ситец набивной.
Опавшие листья—их много-много—
Желтеют и горят передо мной.

При свете полдня и в лучах заката
Они лежат у мира на виду,
Столь хороши, столь красками богаты,
Что я, смущаясь, обочиной иду.
Нас ветер дальних странствий обжигает,
Зовет вперед крылатая мечта,
Нас впереди, конечно, ожидает
Еще и не такая красота!

...Живем под старость вдумчиво и строго,
Не торопя мгновений череду.
Лежит, пестра, осенняя дорога.
Друзья мои, не смейтесь, ради бога,
Что я, смущаясь, обочиной иду!

Вот что однажды почувствовал я:
Слава у каждого в мире своя.

Славится поле пшеницей густой,
Лебедь на воле—своей красотой.

Песенкой радостной славится клест,
Яркостью—радуга, солнечный мост.

Статью—скала, угощением—стол,
Мощью крыла и отвагой—орел.

Снег—белизной, ручеек—красотой,
Путь—прямизной, человек—прямотой,

Силой души ума своего
И человечностью прежде всего!

С волнением внезапным и тоской
Я перечел мой давний, слабый стих.
Он писан был неопытной рукой,
Но... что-то есть в созвучиях простых.

Он был на зелень первую похож—
Ту, что еще, по сути, не листы,
Но летом, хоть убейся, не найдешь
Той, чуть наивной, свежей чистоты.

О юность наша, ты была чиста,
Была наивна, может быть, порой,
Но светлая вела тебя звезда,
И в трудный час ты не сломала стой.

Моя подруга, как прекрасна ты
Была в незабвенные годы!
Звучат во мне, сердечны и чисты,
Слова, что ты сказала мне тогда.

Стою, гляжу в оконное стекло—
Я не усну, хоть за день и устал.
А что случилось? Только и всего:
Свой давний, слабый стих перечитал...

Перевел
Илья ФОНЯКОВ.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

ГОД 1978: ДЕНЬ

ФЛАГИ ДРУЖБЫ НАД ТАЙГОЙ

НА ЗЕМЛЕ ЧИТИНСКОЙ

Давным-давно затеяли сибиряки проложить новый тракт от Могочи до Удокана. Да не успели — помешала война. У северной кромки незаконченного тракта кто-то из строителей стесал листяньку и вывел на ровными буквами: «Тупик». Позднее в тупике тракта вырос поселок, он стал центром большого Тунгиро-Олекминского района. И название его — Тупик — прижилось, стало официальным. Хотя для шофёров, строителей и технологов Тупик теперь только начало дальнего пути к Чарской долине, к медным кладам Удокана. Именно отсюда тридцать лет назад выходила к снежным хребтам Кодара геологическая экспедиция во главе с Елизаветой Ивановой-Бурой.

Существует старинная легенда о том, как два сказочных богатыря — Кодар и Удокан — нашли клад. Заспорили, кому принадлежать он должен. Натянули разом луки, пустили друг в друга стрелы, и оба упали замертво. Поднялись на том месте высокие горы и закрыли дорогу к богатейшему кладу.

Легенда легендой, а природа действительно за семью замками спрятала свои сокровища, каких только проград не наставила! Здесь и высокая сейсмичность, и вечная мерзлота, и снежные лавины, и селевые потоки, и бездонные мари. Все эти препятствия встали на пути первопроходцев, которые настойчиво подбирали ключи к сокровищам.

За открытие Удоканского месторождения Елизавета Ивановна Бурова была удостоена Ленинской премии.

Это месторождение разбудило дремавшую доселе Чарскую долину, превратило ее в своеобразную геологическую Мекку. Эстафету Е. И. Бурой подхватили другие геологи, они оконтурили выходы медоносных пород, частой сетью разведочных камалов, штолен и буровых скважин покрыли спины горных хребтов. Полученные данные свидетельствуют об уникальном по масштабам и значению месторождении.

Принято решение о строительстве Удоканского горно-обогатительного комбината. А где комбинат, там конечно, и город. Исполком Читинского областного Совета народных депутатов утвердил разработанный ленинградскими архитекторами проект генерального плана города Удокана, в котором будет жить свыше семидесяти тысяч жителей — строители, горняки, железнодорожники.

Все планы здесь рассчитаны так, что основные строительные работы начнутся тогда, когда до Чары дотянутся стальные рельсы БАМа.

А в Тупике, Чаре и в других поселках, расположенных на севере Читинской области, давно уже готовятся к встрече с железнодорожниками и с будущими удоканцами. Наряду с традиционными оленеводством и охотой, здесь быстрыми темпами развивается животноводство и овощеводство.

Анатолий ПЕТРОВ

В Восточной Сибири растет новый город — Усть-Илимск, город трех Всесоюзных ударных комсомольских строек: Ленинский комсомол взял шефство над возведением мощной гидроэлектростанции на Ангаре, над сооружением гигантского лесопромышленного комплекса и над строительством самого города Усть-Илимска.

Но лесопромышленный комплекс — это еще и стройка СЭВ. В ней принимают участие болгарская, венгерская, польская, румынская молодежь, молодежь из ГДР. Усть-Илимск по праву называют городом интернациональным.

Первым в феврале 1976 года сюда прибыл болгарский молодежный отряд имени Георгия Димитрова.

В августе 1976 года приехал на стройку молодежный отряд имени Бела Куна из Венгрии. Основная часть отряда занята непосредственно на ЛПК, но, кроме того, венгерские рабочие участвуют в строительстве жилых домов, школ, детских садов, поликлиники. Треть венгерского отряда трудится в советских трудовых коллективах.

Широкое распространение на стройке получила новая форма работы: бригады-партнёры.

— Нас, наверное, можно назвать перво-

проходцами, — говорит первый секретарь Усть-Илимского горкома ВЛКСМ Леонид Шагин. — Ведь такого сотрудничества братских союзов молодежи еще не было...

Вот что рассказал Ласло Лазар, двадцативосьмилетний слесарь-сантехник из Будапешта:

— Я много читал об СССР, старался не пропустить ни одной передачи по телевизору, но, признаюсь, о том, чтобы поехать в Сибирь, — об этом я даже не мечтал, не смел мечтать! Казалось, это просто нереально. У меня много друзей среди советских ребят. Мы вместе и на работе и после смены. Что же касается бытовых условий, то они несколько разочаровали тех наших товарищей, которые надеялись жить в палаточном городке: у нас комфортабельное современное общежитие, есть библиотека, радиорубка, дискотека, работают различные кружки. Приобрести книги, газеты и журналы на родном языке для нас не проблема: они всегда есть в продаже в магазине «Современник», в киосках «Союзпечати». В клубе часто показывают кинофильмы на венгерском языке, четко работает почта, словом, мы не чувствуем себя в отрыве от родины.

— Быть первым всегда нелегко, — рассказывает болгарский инженер Виктор Простов. Он начальник автоколон-

ны. — Вполне понятно, что и у нас на первых порах были сложности. Пришлось многому учиться — привыкать к новой технике, осваивать незнакомые трассы. Большую помощь и поддержку нам оказывали советские специалисты, все советские ребята. И на деле и просто добрым словом, дружеской улыбкой. Конечно, и по родным скучали — не без этого. Но потом к нам стали приезжать жены, дети.

Прежде мне казалось невероятным — идти в поход на лыжах при таком морозе. А как-то раз наши советские друзья уговорили нас пойти с ними, и нам так понравилось, что теперь мы часто устраиваем коллективные походы на лыжах. Идем целыми семьями.

...Растет город на берегу Ангары. На сваях в зоне вечной мерзлоты поднимаются красивые современные дома. Потом, когда стройка закончится, молодые люди разъедутся, но какой прекрасный след оставят они на сибирской земле! В их честь будут названы улицы и проспекты в новом городе — Дружбы, Солидарности, Братства, Интернационализма.

Вячеслав ЛЕВКОВ,
ответственный организатор
ЦК ВЛКСМ

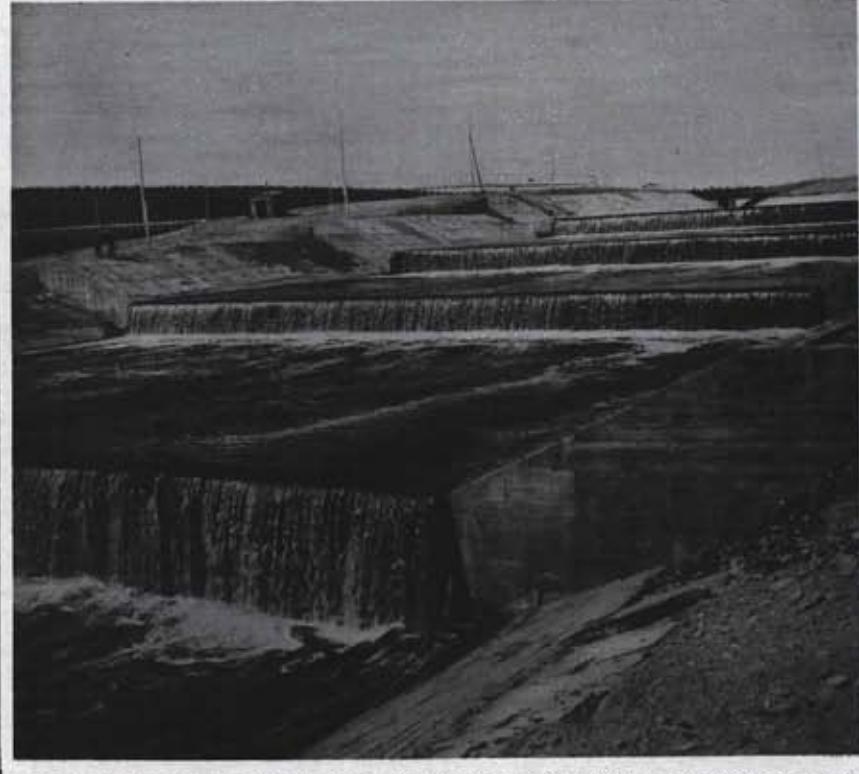
ЯКУТСКИЕ СТУПЕНИ

Вечную мерзлоту долгое время строители считали одним из самых неприятных препятствий в работе на Севере. Но теперь они научились не только преодолевать ее каверзы, а и использовать в качестве... строительного материала.

С помощью искусственно созданной «вечной» мерзлоты возведена плотина на реке Ирелях. Земляную насыпь пронизывает система труб, по которым зимой поступает холодный воздух, надежно промораживая ее. Летом вентиляционная система закрывается.

Водохранилище на реке Ирелях обеспечивает потребность алмазодобывающей промышленности города Мирного и его коммунально-бытовые нужды.

На снимке: водяные ступени на реке Ирелях.

МУЗЕЙ СЫНА РОССИИ

В Чите открылся первый на востоке нашей страны музей Николая Гавриловича Чернышевского.

С Забайкальем связаны трагические и в то же время героические годы жизни великого русского революционера и писателя. Здесь он отбывал семилетний срок каторжных работ. Здесь состоялась его последняя встреча с другом и соратником поэтом М. Михайловым. Здесь он написал несколько беллетристических произведений, в том числе роман «Пролог», который послужил материалом для многих высказываний В. И. Ленина о революционной позиции Чернышевского. Героическая жизнь и материалистическое мировоззрение Чернышевского были близки и дороги Ильичу и всем русским марксистам. И не случайно в центре экспозиции нового музея документы, раскрывающие отношение создателя Коммунистической партии к наследию вождя русской революционной демократии. Среди экспонатов — редкие фотографии, документы, книги, журналы, копии рукописей Чернышевского, произведения изобразительного искусства и другие материалы.

Все это музей создано руками студентов и преподавателей Читинского педагогического института, который носит имя великого мыслителя и революционера.

Александр ЩАВЛЕВ,
учитель

ЗА ДНЕМ

ИМИ ГОРДЯТСЯ

Живут в Иркутской области две Валентины. Строитель Валентина Серединова и трактористка Валентина Веденникова. Много добрых дел на их трудовом счету. Одна своим умением и красивой работой умножает славу рабочего человека, другая добивается рекордных урожаев. Именно за это обеим Валентинам оказано народом высокое доверие: представить область в высшем органе государственной власти республики — Верховном Совете РСФСР.

Депутаты Валентина Серединова и Валентина Веденникова принимают активное участие в обсуждении и решении важнейших государственных дел. Но вот закончилась сессия, и Валентины возвращаются в родные места. Одна снова садится за трактор, другая берет в руки мастерок, и обе они своим вдохновенным трудом превращают в жизнь принятые на сессии решения.

Анатолий СМИРНОВ

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА"

Новая серия Восточно-Сибирского книжного издательства

Выпущено немало книг, рассказывающих об истории декабристского движения и его наиболее ярких представителях. Среди декабристов были поэты, литераторы, философы. Кому сегодня не известен стихотворный ответ Александра Одоевского на знаменитое пушкинское послание в Сибирь? А строка «Из искры возгорится пламя» послужила эпиграфом к ленинской газете «Искра».

Декабристы оставили обширное мемуарное наследие. Их письма, документы и материалы современному читателю почти неизвестны. Вот почему Восточно-Сибирское издательство в будущем году начинает издание серии книг «Полярная звезда». Основное содержание серии составят мемуары, дневники со сланных в Сибирь декабристов, письма сибирского и постсибирского периода, воспоминания, научные и публицистические статьи, очерки, материалы следственных дел.

Часть наследия декабристов была в разное время опубликована, однако издания эти уже

давно стали библиографической редкостью. Многие документы впервые увидят свет в серии «Полярная звезда».

Открывает серию том произведений М. А. Фонвизина — члена Северного общества, видного деятеля Московской группы декабристов, отставного генерал-майора. В период сибирской ссылки он пристально изучал новые политические теории (социализм и коммунизм) и оставил ценные записи.

Восточно-Сибирское издательство приступает к столе ответственному делу во всеоружии. К работе над изданиями привлечены ведущие историки страны. Выпуск серии рассчитан на десять лет. Каждый том будет посвящен жизни и деятельности одного из декабристов.

Владимир КОЛОСОВ,
заместитель главного редактора
массово-политической литературы
Госкомиздата РСФСР

Профессия? Работ. Специальность? Бетонщик.

Впервые мы познакомились с ним на опытном полигоне управления строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Из-под навеса на открытую площадку выползло нечто среднее между трактором и небольшим экскаватором.

Прямо перед водителем на стальной раме были подвешены фантастические «гребли». Рядом них, собственно, создана машина. «Пакет» из четырех тяжелых вибраторов способен за один проход уплотнить слой жесткого гидротехнического бетона толщиной 75 сантиметров.

— Красив! — щутливо спрашивал начальник полигона и тут же переходит на серьезный тон. — Каждый такой манипулятор освобождает от нелегкого труда по десять бетонщиков.

Создали работ инженеры-конструкторы «Красноярскэнерго» Богдан Руль и Михаил Вишняков. Изготовили манипуляторы в управлении механизации.

Несколько штук уже работает в блоках строящейся плотины.

...Восхождение на блок начинается с широкой лестницы, сваренной из прутьев арматурной стали. Примерно на половине пути лестница превращается в систему круто поставленных трапов, а последние подъемы на высоте около полутора метров приходится преодолевать по стремянкам. На вершине пирамиды — просторный «ящик» зачищаемого бетоном блока.

Посреди бетонного болота стоит наш знакомец. Любой угол блока манипулятор достает, вытягивая вперед выдвижную стрелу. На конце ее — четыре вибратора. Но, кроме переброски вибраторов, машина служит еще достаточно сильным подъемным краном, если надо переставить металлические стойки или удержать во время монтажа щит опалубки. Крупные башенные краны при этом освобождаются от таких «мелочей».

Очередная порция бетона, высыпанная из

восьмикубовой бады, лежит островерхой горкой. Но вот тяжелую массу пронзили «вили» вибраторов, и жесткая, до предела насыщенная щебнем и галькой смесь растворяется, как жидкий кисель.

Мощные вибраторы, устанавливаемые на манипуляторах, — это не только экономия труда. Это еще и экономия... цемента. Жесткий бетон, недоступный для ручных вибраторов, требует (при сохранении той же прочности) на кубометр по 20—30 килограммов цемента меньше, чем обычный. Умопомощь это на восемь миллионов кубометров, которые еще предстоит уложить на Саяно-Шушенской. Получим около двухсот тысяч тонн цемента — более трех миллионов сбереженных рублей!

На снимке: работает робот.

Александр СЕРОВ
Foto автора.

КАК ПОЯВЛЯЮТСЯ СПУТНИКИ

Сосновоборск — город-спутник Красноярска — появляется вдруг за зеленой далью громадного поля, похожим на архитектурный макет. Это впечатление усиливается необычайным строительным порядком в его новых кварталах. Рядом с красавцами домами не высится Монбланы вывороченной экскаваторами земли, улицы не пересекают пропасти глубоких траншей.

Прадорителем Сосновоборска явился КЗАП — Красноярский завод автомобильных и тракторных прицепов, который здесь не без оснований называют «сибирским цехом» КамАЗа.

Что собой представляет этот «цех», видно по таким цифрам: заводские корпуса займут площадь около двухсот гектаров. С выходом на проектную мощность предприятие будет выпускать 100 тысяч прицепов и полуприцепов десяти моделей. Все это семейство предназначено для комплектования камазовских тягачей. В красноярских прицепах можно перевозить груз до 20 тонн.

Многие цеха и корпуса нового сибирского центра машиностроения пока строятся, но часть производств КЗАП уже в строю действующих: кузнецкий, сталелитейный, корпус вспомогательных цехов.

Самое примечательное — на заводе не стоят ждать, пока строители вручат эксплуатационникам ключи от всех объектов, а нацелились способ начать сборку 14-тонных полуприцепов на временных, приспособленных площадках экспериментального цеха с тем, чтобы к моменту пуска основных производств иметь отлаженную технологию, а у людей уже накопился бы необходимый опыт.

На действующих ныне заводах около 45 процентов трудовых затрат по изготовлению полуприцепов приходится на сварочные работы. Специалисты института сварки имени Патона планируют установить в прессово-сварочном корпусе (точнее в первой его очереди) 14 специализированных конвейерных сварочных линий. Каждая из них выывает по 80—90 сварщиков.

Уже в этом году КамАЗ должен получить десять тысяч полуприцепов с маркой сибирского предприятия.

Александр КОВРОВ

ДНЕПРОГЭС,
НАЙДЕННЫЙ В БРАТСКЕ

На раскрашенной фонариками сигнальных ламп мнемосхеме, занимающей всю широкую стему на главном пульте управления Братской ГЭС, тревожно замигала красная точка. Но дежурные операторы не проявили беспокойства. Через несколько минут в «вахтенном» журнале станции появилась запись: «16-й агрегат остановлен на реконструкцию».

«Шестнадцатый» завершит работу, которую инженеры и рабочие Братской ГЭС вели несколько последних лет. Результатом ее будет прибавка мощности ни много ни мало на 450 тысяч киловатт!

Каким же образом на действующей и весма «молодой» электростанции (Братская ГЭС принята Государственной комиссией в постоянную эксплуатацию в 1966 году) удалось найти «придачу» почти целиком ДнепроГЭС?

...В истории освоения сибирских богатств Братску выпала особая роль. Более двадцати лет назад здесь, на кругих берегах Ангары, развернулось небывалое по масштабам того времени строительство. Братск стал синонимом мужества первооткрывателей.

Все в этом городе так или иначе связано с гидроэлектростанцией. Она — гигантская энергетическая пружина промышленного узла. Многие годы ГЭС бесперебойно по-

сылает заводам и городам Сибири преобразованную в электрический ток силу Ангары.

Восемнадцать гидроагрегатов смонтированы на гидростанции — по 225 тысяч киловатт каждый. В первой половине шестидесятых годов это были самые крупные в мире гидротурбины. Но время быстро меняет технические эталоны, а энергетики Братска не из тех, кто безразличен к эталонам времени.

Эффективность изоляционных материалов, освоенных промышленностью, открыла перед инженерами возможность при тех же габаритах электрических машин получить заметную прибавку мощности. На каждом агрегате в Братске «привес» составил 25 тысяч киловатт.

Братская ГЭС — уникальное по эффективности предприятие. Вырабатывая самую дешевую в стране энергию (0,05 копейки за киловатт-час), она уже семь раз(!) покупала средства, затраченные на ее строительство. Обновление агрегатов даст станции дополнительно два миллиона рублей прибыли в год. Завершил реконструкцию последнего агрегата братские энергетики обязались к первой годовщине принятия Конституции СССР.

Николай ПОПОВ

Вторая жизнь легендарного ледокола

Заканчивается восстановление байкальского ледокола «Ангара», не так давно отметившего свой 75-летний юбилей. По предложению областного комитета ВЛКСМ судно будет превращено в исторический музей, отдельный раздел которого предполагается посвятить славной истории иркутского комсомола. Экспонаты и документы расскажут об организации первых комсомольских ячеек, борьбе отрядов ЧОНа с бандитизмом, об участии молодежи в организации колхозов, о воспитанниках иркутского комсомола, проявивших геройзм в годы Великой Отечественной войны, о тех, кто сегодня ударным трудом продолжает дело отцов.

«Ангара» не случайно даровано право на вторую, почетную жизнь, у ледокола легендарное прошлое. В первые годы своей службы «Ангара» перевозила грузы, обеспечивала переправу через озеро. Когда началась гражданская война, экипаж ледокола возглавил Красную байкальскую флотилию, сражавшуюся с белогвардейцами.

Проект восстановления ледокола разработала молодежь конструкторского бюро Восточно-Сибирского речного пароходства, в его осуществлении приняли активное участие комсомольцы.

Сергей СТРИЖНЕВ,
секретарь Куйбышевского райкома ВЛКСМ
г. Иркутска

ЗДЕСЬ БУДЕТ
ГОРОД ЗАЛОЖЕН

В Институте географии Сибири и Дальнего Востока подготовлена и выпущена в свет карта «Ландшафты Юго-Восточной Сибири». Эта работа имеет большую научную и практическую ценность. Она позволяет с большой точностью формировать территориально-производственные комплексы, рациональнее использовать природные ресурсы и сохранять окружающую среду. Первыми труд иркутских ученых оценили ленинградские градостроители, создающие генеральные проекты молодых городов Усть-Илимска и Саянска.

Эдуард БАБАЕВ,
инженер

«Красная тетрадь»
Забайкалья

Заботясь о сохранении природы Забайкалья, сотрудники областной станции юннатов составили свою «Красную тетрадь», где перечислены редкие и исчезающие представители флоры и фауны. «Красная тетрадь» — свой, местный вариант всемирной «Красной книги» — будет издана большим тиражом и распространена среди молодежи Забайкалья.

Каждый, кто по-настоящему любит природу, с несомненным интересом откроет эту своеобразную азбуку богатств края, в котором встречаются черные аисты и барсы, дрофы и реликтовые чайки.

Нелли ШМУЛЕВСКАЯ,
директор Читинской областной станции юннатов

К 250-летию Кяхты

...ИСТОРИЧЕСКИ
ДОСТОВЕРЕН!

Кяхта богата историческими и архитектурными памятниками. Многие из них имеют отношение не только к истории нашей страны, но и к международному революционному движению. На Горнозерентуйской улице расположены Дом-музей вохрая монгольского народа Д. Сухэ-Батора. Здесь он скрывался от преследований феодалов и белогвардейских ищек, встречался с революционно настроенным представителями аратского населения, готовил революцию. Сюда, к этим историческим местам, часто приезжают монгольские пионеры, революционеры, ветераны первых строек, передовики производства. Монгольские друзья выражают сердечную благодарность кяхтинцам, бережно сохранившим дорогие реликвии незабываемых дней, летопись дружбы двух народов — советского и монгольского.

За последние годы в Кяхте проделана большая работа по сохранению исторических памятников, по благоустройству прилегающих к ним территорий.

В начале этого года завершилась реконструкция Гостиных рядов. Это красивое здание 40-х годов прошлого столетия было возведено специально для магазинов и торговых складов. Реставрационный участок министерства культуры ведет кропотливую работу по восстановлению Успенского собора. В этом здании решили создать художественный музей.

Жители города делают все для того, чтобы облик Кяхты был исторически достоверным и впечатляющим.

Сергей КЛИМОВ,
член совета Бурятского отделения
Общества охраны памятников

Семен Григорьевич Горохов, один из старейших оленеводов якутского совхоза «Ленинский», подвел к Вере Поповой белого верхового оленя. Девушка взяла в руки разноцветный повод и расплакалась. Белый верховой олень — не просто награда лучшему оленеводу, это еще и символ мастерства, своеобразный маршальский жезл, признание.

А ведь всего два года назад сразу же после выпускного бала Вера вместе со своими подругами Соней Колесовой и Мотой Никифоровой приехала по комсомольской путевке на дальнее стойбище. Невелик ее трудовой стаж, но не первый год кочует она по тундре. Уже в пять лет она могла и в наряды оленя запрячь и лихо

промчаться на них, помахивая легким хореем.

В ее стаде свыше тысячи оленей, и, кажется, каждого Вера знает в лицо. Может быть, поэтому и показатели у нее лучшие в районе, рекордные.

Делегат XVIII съезда ВЛКСМ Вера Попова нет еще и двадцати, но даже старики почтительно останавливаются и провожают восторженными взглядами стремительный бег белоснежного оленя. Но восторг их адресован вовсе не оленю, а всаднице, мастеру, лучшему оленеводу.

Юрий ВЕДЕРНИКОВ,
киномеханик

Ваш билет, заяц!

Самолет вез на борту на сорок пассажиров больше обычного, однако перегрузки не ощущалось. «Лишними» были зайцы, и летели они, вопреки устоявшемуся мнению, с билетами. Длинноухих выловили в таежных угодьях республики охотники-звероловы Тувинского производственного участка Восточно-Сибирского зоокомбината и отправили их для расселения в разных областях Сибири.

Вслед за косыми сменили «прописку» 700 бурзундов —олосатых и симпатичных зверьков. Они временно поселились в зоомагазинах ГДР. Живые сувениры из центра Азии уже стали обитателями многих квартир в Берлине.

Владимир КОЛНОГОРОВ

ГОД 1971

И ВНОВЬ КОЛЕСО

Жители прибрежных поселков Лены, Вилюя и Киренги, каких только судов не перевидавшие на своих реках, были немало удивлены: через мели и перекаты, куда прежде не рисковали заходить маломощные крупные суда, двигалась высокий белоснежный красавец корабль. В нем потрясали не только размеры, судно напоминало виденные, наверное, каждым в старинных журналах или на старых полотнах колесные паровики. Впрочем, общего с ними было у корабля только колесо, то самое гребное колесо, которое приводило в движение еще прародителей ленского новоселла. Все остальные части судна были самых современных конструкций и линий.

С чего вдруг ленские корабельщики вспомнили о «колесниках»? В связи со строительством Байкало-Амурской магистрали, Южно-Якутского территориально-производственного комплекса резко увеличился грузооборот на малых реках Восточной Сибири. Оказалось, что ни один из существующих типов речных судов-буксировщиков не удовлетворяет возросшие потребности грузовых перевозок.

Большие винтовые и водометные суда садятся на мели, малые — не справляются с объемом работы. Вот тут-то главный инженер Ленского пароходства, ветеран речного флота Иван Александрович Дмитриев и вспомнил о колесных судах. Они, не отягощенные котлами и запасом топлива, гораздо легче своих винтовых собратьев, стало быть, имеют меньшую осадку (у первенца она не достигает метра) пройдут по любым рекам. А мощность также — 600 сил. Такой теплогоход способен буксировать трехтысячтонную баржу. Предложение Дмитриева поддержало Министерство речного флота РСФСР, а Жтайский судоремонтный завод воплотил его в жизнь.

Позади испытания. Первый колесный теплогоход продемонстрировал прекрасные ходовые качества, пройдя через труднейшие участки Вилюя и Киренги. Проект сдан в серию.

Александр БАСОВ,
инженер Ленского пароходства

Сибирский фитotron

В Иркутске создана единственная на востоке нашей страны станция искусственного климата — фитotron. Она является мощной экспериментальной базой для физиологических и селекционно-генетических работ Сибирского института физиологии и биохимии растений. Фитotron позволяет ученым вести непрерывные исследования. Здесь изучаются фундаментальные проблемы физиологии роста, развития растений, физиологии клетки, минерального питания растений. Уже разработана и внедряется в практику хозяйства Восточной Сибири особая система агротехники, обеспечивающая высокую продуктивность овощных культур в трудных сибирских природных условиях.

В фитотроне летом можно попасть в пурпур, а зимой, если необходимо, здесь во всю светят солнце, конечно, искусственное. Станция искусственного климата дает возможность ученым во много раз ускорить свои исследования.

Виталий КАСЬЯНОВ,
агроном

ИРКУТСКАЯ АКАДЕМИЯ

Так зачастую называют Иркутский научный комплекс, входящий в состав Сибирского отделения АН СССР. Он расположен в живописном месте на левом берегу Ангары.

Сегодня о достижениях иркутских ученых знает, пожалуй, весь мир. А начиналась «Иркутская академия» с небольшой Биологической станции АН СССР, организованной еще в 1919 году на берегу Байкала. В 1928 году там же открылась Байкальская лимнологическая станция, преобразованная позднее в институт.

Еще до войны остро встал вопрос о создании комплексных научных учреждений в Восточной Сибири. Это было вызвано проектированием Ангарского каскада ГЭС и другими важными народ-

нохозяйственными проблемами. Восточно-Сибирский филиал АН СССР был создан в Иркутске в первые послевоенные годы и сразу же начал вести серьезные исследования, направленные в первую очередь на выяснение закономерностей формирования и размещения месторождений полезных ископаемых в Восточной Сибири.

Сейчас в Иркутском научном центре восемь научно-исследовательских академических институтов, разрабатывающих самые различные народнохозяйственные проблемы и ведущие фундаментальные исследования.

Александр СТЕБЛЯНКО,
кандидат химических наук

МРАМОР: САЯНСКАЯ ПАЛИТРА

Выпуск первого миллиона квадратных метров облицовочных плит из сибирского мрамора и гранита завершают камнеобрабатчики комбината «Саянмрамор» — крупного молодого предприятия в Хакасии.

Молодые парни-сколопазы уговорили меня в воскресенье пойти в «цирк». Речь шла не о представлении со зверями и клоуном. Нам предстояло подняться на высокую полукруглую террасу, соединяющую две соседние вершины, вблизи Енисея.

На склоне каменной стены, судорожно цепляясь за спасительную веревку, я не раз пожалел, что согласился на такую экскурсию. Но открывшаяся сверху панorama искупила пережитые страхи. С полукилометровой высоты на дне реки отчетливо просматривались крупные камни. Сплошным серо-зеленым ковром устилали они енисейское дно от берега до берега. И прямо под нами реку пересекала широкая светлая полоса.

— Это мрамор, — объяснили мои проводники. — Здесь Енисей рассекает надвое гигантскую мраморную линзу, два километра которой лежат на левом, а шестнадцать — на правом берегу реки. Запасы этого замечательного материала исчисляются многими миллиардами кубометров.

Построенный неподалеку от месторождения комбинат «Саянмрамор» уже выпускает 300 тысяч квадратных метров облицовочного камня в год, снабжая своей продукцией более сотни городов. В ближайшие годы это предприятие станет самым мощным среди камнеобрабатывающих предприятий в стране.

Мраморный конвейер начинается в горах, на 800-метровой высоте. «Сахарную голову» скалы грызут камнерезные машины, буровые станки. Ни днем, ни ночью не смолкают пулевые дроби перфораторов, тяжелое соленое компрессоров. В левобережной части Кийик-Кордонского месторождения, которое сейчас разрабатывается, два громадных мраморных пласта: южный — толщиной 600 метров и северный — до 300—350 метров. Нигде в нашей стране больше нет ничего подобного. В южном массиве семь слоев, цветовая гамма которых насчитывает около двадцати

разновидностей окраски камня. Сейчас вскрыты пока два слоя: белый с различными оттенками и розовый, полосчатый. В «резерве» — серые и светло-серые мраморы, кремовые, бледно-розовые, с темными и зеленоватыми прожилками — в зависимости от сопутствующих минералов. Темные тона мрамору дает присутствие углерода, в розовые цвета камень окрашивает окись железа, зеленоватые оттенки придают хлориты.

Директор комбината «Саянмрамор» Николай Петрович Чванов раскладывает на столе мозаику из блестящих разноцветных плиток. Сибирский мрамор заслужил высокую оценку на всемирных выставках в Канаде и Японии.

— Многие годы, — говорит директор, — мрамор считался «излишеством», техника добычи и обработки не развивалась. И поэтому облицовочный материал из естественного камня был и пока еще остается весьма дорогим. При широком же использовании высокопроизводительных машин мрамор наверняка превратится в материал, успешно конкурирующий по стоимости с современными отделочными материалами, широко используемыми в индустриальном строительстве.

Комбинат «Саянмрамор» практикой работы подтверждает правоту этих слов. Вся обработка камня ведется здесь алмазным инструментом. На длинных стальных полотнах, которыми каменные глыбы разделяются на десятки «листов», напаны бронзовые бруски с крупными алмазными зернами (от 500 до 630 микрон). Мелкий алмазный порошок (28-40 микрон) применяется в шлифовальных кругах. И, наконец, мельчайшая алмазная «пыль» с частичками размером в 2—4 микрона помогает придать камню зеркальный блеск.

Через несколько лет рядом с действующим главным корпусом комбината появится еще один. Мощность предприятия удвоится.

Александр БЛОХНИН,
фото автора

8·ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Георгий КОПЫТИН
г. Чита

алеурская поездка

РАССКАЗ

Скоро моя свадьба. А до того времени мы с невестой мололи друг другу несусветную чепуху, развлекались, радовались всякой пустяковине и смеялись до упаду даже от самой глупой шутки.

Но однажды она присела на тахту и сказала:

— Я хочу, чтобы ты подарил мне в день свадьбы беличью шапку вот с такими длинными ушами.

И она показала, какие должны быть уши у этой шапки. Примерно до пояса. Чудовищные уши.

— Послушай, — подыграл я ей, — а разве я не подарок? — Глупо сказал. Но именно то, что думал.

— Ты — это само собой, — ответила она, — но я очень хочу иметь такую шапку.

— Хорошо, — согласился я, — завтра поеду к матери в Алеур. Там работает дядька охотведом, и он покажет мне места, где можно стрелять белку. И вообще у меня в этой деревне куча родни.

Я переломил ружье и заглянул в его ствол. Канал был безукоризненно чист. Потом я навел ствол за ограду материнского дома и увидел, как совсем рядом засигривала с разномастной кобелиной сворой рыжая сука Эльза. Пока она виляла хвостом под носом то у одного, то у другого пса, Тунгир яростно грыз землю, бряцал цепью, тужась порвать крепкие звенья или же выдернуть оскаленную морду из ошейника. Из тепляка вышла мать и освободила Тунгира.

— Мне не хочется портить породу, — сказала она. — С бестолковыми полукровками много вони.

Тунгир разогнал свору, а я спустился вниз, к дому дяди Михаила. Он жил вдвоем с моей бабкой. Бабке доходил девятый десяток. Иногда она изумляла родных своими речами. От старости, знать, заговаривалась.

— Вот, — обрадовался моему появлению Михаил, — сейчас Коля все подтвердит. Скажи, племянник, когда умер Вася?

Василий — самый старший сын моей бабушки. С той поры, как он умер, прошло много лет.

— Бабушка, — обратился я к ней как можно мягче, — дядя Вася умер давно. Об этом все знают, и только ты одна забыла.

— Неправда, — возразила она, и в ее возражении послышались иступленность и боль. — Он жив. И я видела, как Вася спустился вон с той сопки. Он походил возле дома, но так и не решился войти. Чего-то боялся.

— Так надо было у него и спросить: Вася, мол, ты или не Вася, — вышел из себя Михаил.

Он возбужденно прошелся по комнате, а потом остановился возле бабки. Я увидел, как они здорово похожи. Особенно замечательны были носы. Про такие еще говорят: на семерых рос, да одному достался.

Нос — это отличительная черта Бекетовых. Своего рода физиономический знак, все равно что пароль, по предъявлению которого можно безошибочно определить родню с пятого или шестого колена.

— Вы думаете, что я рехнулась, — с печалью сказала она, — так это неправда.

— Конечно же, нет, — обнял я ее за плечи. — Никто так не думает. Правильно я говорю, Михаил?

Он пожал плечами и неопределенно хмыкнул. Бабка вытерла слезы и посмотрела на сына.

— Это ты, Михаил, сошел с ума, а не я. И твой ум куда-то перекочевал вот отсюда. — Она показала рукой на голову.

— Вот-вот, — укоризненно произнес Михаил, — с большой-то головы да на здоровую.

Я знал причину бабкиного укора. Это все из-за жены Михаила. Она с ним пожила какую-то малость и укатила во Владивосток с одним ушлым инженером. Детей с Михаилом они не успели завести, но он аккуратно каждый месяц отправляет ей половину своей зарплаты. И это разбазаривание денег чрезвычайно бесило бабку.

Михаил молча и сосредоточенно собирался, его взгляд, смущенно обходя нас, метался по стенам дома. А бабушка, сидя в углу, сердито покашливала и, насупив брови, часто-часто моргала, словно на глазах у нее слезы скопились и она вот-вот заплачет.

Михаил снял с крючка мелкую шапку, сунул в карман пачку патрончиков, хлопнул дверью. Вышел и я следом.

Георгий Копытин родился в 1949 году. Детство и юность его прошли в Забайкалье. Несколько сезонов был маршрутным рабочим в геологических партиях. Служил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке. Работал в комсомольской печати. Сейчас он живет в Чите, учится заочно на 4-м курсе Литературного института имени А. М. Горького. Рассказы его публиковались в газетах, альманахах Сибири. И вот дебют перед всесоюзным читателем.

Рассказывая о Георгию Копытине, мне хочется вспомнить первое зональное совещание молодых писателей Восточной Сибири в Чите. Тогда мы услышали ставшие теперь звучными имена: Александр Вампилов, Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев... Не ошибусь, наверное, если скажу: и сейчас на сибирских просторах зреет не одно талантливое перо. Как же прекрасно, что созревание это происходит на почве, обильно содобренной участием и заботой краевых и областных организаций писателей Сибири и комсомола.

Союз писателей СССР и ЦК ВЛКСМ готовятся провести в 1979 году VII Всесоюзное совещание молодых писателей. Мне думается, что это будет не только смотр творческих успехов молодежи, но и проверка нашего — старшего поколения — мастерства наставников. А в Сибири, крае, где извечная молодость преобразований встречается с молодостью преобразователей, мастерство это должно быть отложенным, филигранным.

Проза Г. Копытина характерна тем, что искренняя влюбленность молодого писателя в родной ему материал никогда не переходит в любование, он чурается нарочитой и навязчивой экзотики. Его пейзаж всегда зрям и точен, образы героев цельны и правдивы, конфликты ненадуманны. И что очень важно: выразительность повествования достигается средствами предельно скрупульными.

В институтском творческом семинаре, который я веду, собирались даровитые молодые литераторы. Они весьма решительны в критических оценках, сдержанны в похвалах. Лишь один раз на моей памяти было сказано в адрес товарища: «Это талантливо». Мы обсуждали рассказ Георгия Копытина.

Александр РЕКЕМЧУК

Тунгир уже поджидал нас, околачиваясь возле «газика». Он запрыгнул на заднее сиденье, а я расположился рядом с Михаилом.

— В пади Хитрой, — говорит он, — есть добре зимовье. Там и переношуем. Да и дело у меня имеется.

— Какое?

— Одного охотника надо оттуда отправить.

Всматриваюсь в прозрачность наступившего дня. Высоко в горах выпал снег. Пики гольцов воссияли на юго-восток от хребта Черского радостным, гранатовым цветом. Редвеше солнце бессильно ворочалось на вершинах сосен. И было видно, как оно пытается подняться до середины небосклона. Но стоял ноябрь, и день, лишь только встряхнувшись с утра и сонно поглязев на отбеленные хребты, вскоре тихо и незаметно угасал.

— Михаил, — спрашиваю я по дороге, — как ты думаешь, двадцать беличьих шкурок хватят на шапку?

Путь ухабист. Дорога скользится разбросанными зубьями серого гранита, и Михаил включает передний мост.

— Должно быть, хватит, — отзывается он.

Быстрый взгляд сбоку, тонкая усмешка.

— Женщины любят три вещи: золото, меха и себя.

— Моя не такая.

— Ну дай-то бог...

— Мне кажется, что ты завистник.

— Заблуждаешься. Я не завистлив. Просто памятью обремененный.

Смеется.

— Ну, вспомни тогда что-нибудь.

— Хорошо, — согласился Михаил. — Сейчас я вспомнил розовую лысину того инженера, который увел у меня жену.

— Ну и гусь!

— Почему гусь? Скорей всего, поросенок. У него лысина, — похлопал Михаил по шапке, — похожа на свинячий пятак. В жизни такой плеши не видел. У всех мужиков лысины как лысины — загорелые, конец лета все-таки, а у него розовая. А жена, когда мне его показывала, говорила, что он из бункера все лето не вылезал. Испытания какие-то проводил.

Слушал я и неладно так думал, что горазд мой дядька дурака ломать, шутить, но заглянул в его глаза и понял, что ему вовсе не до шуток — так они были прозрачно сини. Эта тоска, растворившаяся в них, высветила синеву.

— Почему она все-таки уехала с ним?

— Скажу — смеяться будешь.

— Слово — олово, не буду.

— Короче, Алка так это объяснила на прощание: ты, говорит, слабый, Михаил, на характер. Инертный уж очень. Всем доволен. Забрался в медвежий угол, и хорошо тебе. А у инженера размах. Аспирантуру закончил. Блестящая жизнь впереди. Вот я и хочу, чтобы эти блестки ко мне пристали...

Я фыркнул, Михаил невесело вздохнул.

— Смеешься? Я тоже поначалу смеялся. Теперь не до смеху. И инженер ее бросил. Зову к себе — не едет. Может, стыдно. А может, еще что-нибудь.

— А деньги зачем шлешь? — Вопрос жесткий, колючий, похожий на острие шиповника.

— Да так, — укололась об него, морщится Михаил, — жалко ведь.

Теперь уже я вздыхаю.

Сложно все и непонятно. Отворачиваюсь к окну. С обеих сторон на нас надвигаются горы. Скалистые, угрюмые, обросшие бронзовствольными деревьями, они двигались бесконечной вереницей, и это колдовское движение завораживало, увлекало за собой не только взгляд, но и мысли. Заставляло пристально всмотреться и вслушаться в самого себя.

Горы и небо. Две громады. Две соприкасающиеся величины, по которым измеряется вечность на земле. Они внушают зыбкую мысль о бессмертии.

Я смотрел в окно и думал о том, что значит Михаил со своей бедовой Алкой среди огромной массы человечества. А бабка с ее чудовищными причудами? А я с этой беличьей шапкой? Глоток воздуха, капля росинки, вспыхнувшая и тут же угасшая на ветру искра, крохотный миг — жизнь человека. Никто ни в чем не повторяет друг друга. У каждого свое. Та же семья — у Михаила неудавшаяся, а у меня пока еще не созданная. Работа: моя — спокойная и размеренная за чертежной доской, и у него, в противоположность, далеко не кабинетная.

Но ведь между человеком с его бедами и огорчениями, большими и малыми радостями, с его безудержной фантазией и его непостоянством и целым человечеством—тысячи связей. Природа, как взыскательный художник, творит мудро и расчетливо: все в меру, ничего лишнего. Попробуй отбрось мельчайшую деталь—и целое распадется, разрушится.

— Не мечтай,—говорит Михаил,—а то лоб расшибешь.

Вовремя предупредил: машина легкая, она заюзила на повороте и тут же взревела подбитым зверем, упервшись в ствол кедрача. Михаил отработал задний ход, а дальше дорога пошла уже лучше, без колдобин, без острых каменных глыб, на которые еще двести метров назад сплошь и рядом натыкался «газик».

Темнота уже заполнила пустоты между горами и теперь прокрадывалась к самому верху, до голубеющих еще небес. Щелчок тумблера, сноп яркого света, определившего контуры дороги,—и мы стремительно слетаем с хребта. Внизу настороженно сверкает замерзший ручей. Михаил въезжает на лед, он трещит, крошится, и задние колеса оседают по самую ось.

На расстоянии очень близко явственно проступает сквозь деревья высвеченные фарами зимовье. Рядом лохматится костер. Его рвущееся пламя стреножил таган. На тагане большой котел. Из зимовья вышел человек. Свет фар укрупнил фигуру, и тень от нее ложится вровень с тенью деревьев.

— Это Чумкус,—говорил Михаил.

Фамилия звучит как удар бича—резко и не по-здесьнему звонко. Чумкус отвязывает коня от дерева, берет длинную толстую веревку и идет к нам.

Я толкаю сзади, Чумкус с конем тянут впереди, мотор в шестьдесят лошадиных сил трясеется посередине. Двигатель набрал бешеные обороты, и машина выскочила из ручья.

Подходим к костру. Чумкус действительно высок. На вид ему лет под шестьдесят. Подал ему руку, и моя ладонь потонула в его ладони.

Михаил достает папиросы, прикуривает долго, пряча в горсти слабое пламя, и не замечает протянутую руку Чумкуса. Некрасиво все-таки. Мне хочется толкнуть Михаила в бок: человек помог вытащить машину, а его не то что поблагодарить, заметить даже не желают. И уж вовсе не понятно звучат для меня слова, когда Чумкус, вроде не обидевшись, вскользь замечает:

— Ведь и худой человек в тайге может пригодиться.

Михаил затянулся сильно, в полный вздох, обжег пальцы и, ругнувшись, отбросил папиросу.

— Завтра с утра поедешь в госпромхоз.

— Поеду,—покорно соглашается Чумкус.

Михаил устал, лицо сумрачное, обостренное. Лихая дорога убавила силу, выкрутила руки. Он накрото хлебнул чаю и завалился на нары.

В зимовье душно, и мы с Чумкусом выходим к костру. Луна, набрав полную фазу, стала сырой, упитанно-круглой, звезды вокруг нее увили и подслеповато перемаргивались друг с другом. Дремучий лес дышал студеным воздухом, и, испугавшись стылого напора, с горькой встремленностью крикнула желна.

— Кричи не кричи,—говорит Чумкус,—а зима пришла.

— Чумкус,—спрашиваю я его,—что добыл?

— А ничего. Таланту не было ни вчера, ни позавчера и сегодня тоже.

— Талант—это что, удача, фарт, верно?

— Вроде так.

— Почему у тебя такая странная фамилия?

— Отец был латыш, мать бурятка,—пояснил Чумкус.

— Мне Михаил говорил,—осторожно закидываю я удочку,—что ты большой мастер истории рассказывать.

Чумкус хитро щурится.

Где правда, где вымысел—поди разгляди в его дерзких, полуприкрытых глазах.

— Ты рыбачил когда-нибудь на Чикое?

— Я согласно кивнул.

— Так вот,—официально заявил Чумкус,—я на этой реке на перемет медведя поймал.

Выждал немного, стрельнул взглядом, попытался согнать с губ лукавую усмешку.

— Не веришь?

— Верю всякому зверю, ежу, а тебе погожу.

— Иши ты,—хорохотнул он,—годится. Ну, а поймал я его таким, значит, манером,—поведал дальше Чумкус.—На перемет сначала таймень попался. Порядочный тайменшонок. Килограммов на тридцать тянулся. Булькался он там, бултыхался, а тут медведь проходил. За бечевку капроновую хвать—и накрутил ее вокруг лапы. Таймень к себе его в воду тащит, а этот на берег прет. Схлестнулись два зверя—один речной, а другой лесной, тут я их обоих и положил с ружьем. Ну как?—смотрит Чумкус выжидательно.

Чем черт не шутит! Слава о силе тайменя гремит от самых мощных порогов до широких, покойно-медлительных плесов. И все же я говорю:

— Это байка, а ты правдивую историю расскажи.

Чумкус концом палки пошевелил костер. Пламя заплясало и обозначило в темноте его резко очерченное, тяжеловатое лицо.

— В Алеуре один человек живет,—стал строже лицом Чумкус.—Он носит две отметины. Одна на правом плече красуется—след зубов немецкой овчарки. Это он получил, когда из плена бежал, а другая чуть выше локтя расположена. Ее он заработал недавно. Лет пять тому назад. Это его волк цапнул.

— Жуткое совпадение,—отозвался я,—немецкие овчарки и волки.

Стало вдруг пронзительно холодно. Гас костер, меркли угли. Я встал и пошел в зимовье. В спину мне печально мурлыкал Чумкус:

Ловко плутовка парнишку стубила...

Я лег на нары, и тело жадно вобрало в себя тепло, исходящее от небольшой каменки. Напротив похрапывал Михаил. Ветер снаружи волновал, трепал шумевший беспокойно лес, качал верхушки сосен, плотные, тяжелые шишки срывались с ветвей и звякали об оттаявшее оконное стекло.

Я вдруг вспомнил минувшее утро: дом, растерянного и даже чуть подавленного от слов бабки Михаила. И все это странным образом соединилось с дальней дорогой, с напряженным и несколько злым лицом моего дядьки и его колючей настороженностью при встрече с Чумкусом. Я увидел, как разительно меняется Михаил в тайге. «Интересно,—подумал я,—за что он недолюбливает Чумкуса. Надо сказать Михаилу завтра: будь добре. Мягким не надо быть. Упаси господь! Из мягкого такого Арлекина можно сработать—народ с хохоту повалится. А вот чуточку добре относиться к себе, к бабке, к Чумкусу тому же. Его жаль. У него «талант» не было все эти дни. Завтра обязательно скажу ему об этом»,—еще раз

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

подумал я и заснул. И приснилось мне расквашенное осенью поле и бегущий по нему человек в пижаме. Странно как-то.

Осень.

Поле.

Человек.

Пижама новая.

А вдали длинные, узкие бараки, обнесенные колючей проволокой. И я понял, что это была не пижама новая, роба заключенного то была, а барак—концлагерь.

Человек бежал, а за ним в грозной торопливости молчаливо стелилась овчарка. Собака догнала человека, и они иступленным клубком покатились по разиженней земле.

Ни стона, ни хрена.

Осень да грязь.

Издыхающая овчарка и уползающий прочь человек.

А потом мир, вдруг преобразившись, окрасился в три цвета: черный, белый и красный. Эти три краски мощно подавляли все остальные, приглушая их до оттенков. Черный и белый — изначальность и конечность. Знак вечной борьбы определен красным цветом.

Черное — это человек. Он спускается с хребта. В руках ружье. Изредка он его вскидывает и беззвучно стреляет. Волки, крадущиеся за ним следом, грунно оседают в глубоком снегу, окрашивая его в багровый цвет.

Человек этот спокоен. Спокойствие исходит от ружья. Вскоре волки перестали падать. Кончились заряды, и спокойствие тоже кончилось. Две серые тени опасно простили на белом фоне справа от человека. Необходимо предупредить его. Крикнуть хотя бы. Иначе все будет кончено. Станет пусто и темно. Совсем пусто и совсем темно. Как в могиле. Но я не знаю, как его звать. Надо заглянуть в лицо...

— Чумкус, — кричу я, — будь осторожен!

— О черт, — приподнимается Михаил, — ты чего это?

— Да так, кошмар, знаешь ли, приснился.

— Это ничего, ничего, — бормочет Михаил, поворачиваясь на бок, — бывает. Особенно с непривычки. Уханькался за дорогу-то.

Нестерпимо алое утро, навьюченная лошадь, Чумкус с напряженным лицом, надевающим на плечи рюкзак. В проеме зимовья стоит Михаил. В руках длинная берестяная труба — изюбринный манок Чумкуса.

— Возьми, — протягивает он, — забыл.

Чумкус уже в седле берет манок в руки. Рассматривает, будто впервые видит, а потом прикладывает мундштук ко рту и с силой втягивает в себя воздух. И словно что-то оборвалось внутри — так этот печальный вскрик ранил и тревожил. Он пронзил насквозь горы и заструился по увалам. Рожок одарил деревья своей песней, и они тоже запели высоко и стройно.

Чумкус уже скрылся за первым поворотом, когда вновь рожденный берестой звук засверкал неожиданными гранями. Оглядываешься в непонятном смятении и точно в первый раз видишь мир. Сжалась душа в трепетный комок и тут же расправилась: и больно ей и радостно — будто взял кто-то и развеял по белу свету твоё самое тайное и сокровенное.

А затем звуки затрепетали еще беспокойнее, как символы предостережения, и утихи вместе с исчезновением всадника.

По-детски искренний вздох, рука, намертво обхватившая сук сосны.

— Все как надо исполнил. Все три колена.

Это сказал Михаил.

— Он уехал, — произнес я, и в моем голосе, наверное, прозвучала потерянность.

— Да, — жестко подтвердил Михаил, — уехал и больше сюда не вернется. А эти угодья распишу на Старокожева или на Портнягина. Пока еще не решил.

— Сколько лет он тут промышлял?

— Шесть. Из них половину впустую.

Вопрос, ответ. Протокольный разговор. Но Чумкус нет, а мне хочется знать о нем все. Пожалуй, все — это слишком много. Достаточно малости.

— Почему ты говоришь «впустую»? Угодья бедные?

— Самые богатые в Алеурском охотничестве.

— Так в чем дело?

— А ты бы у него спросил.

— Все-таки?

— За полгода от него в госпромхоз пушину поступило на пятнадцать рублей. И это штатный охотник называется.

Слова Михаила обильно пропитались желчью. Раздражение ожесточило рот, напрягло голос.

— Брось, Михаил, — сказал я, — мне кажется, ты к нему несправедлив. Вот здесь, — неожиданно соврал я и показал на место чуть выше локтя, — я видел у Чумкуса шрам.

— Знаю, — ответил Михаил. — Этот шрам от волчьих зубов. Он тогда убил шесть волков, и я выдал ему большую премию. Что-то около шестисот рублей.

— Чумкус же мог погибнуть тогда.

— Когда Чумкус привез мне волчьи шкуры, он сказал: «Редкий талант выпал сегодня. Волчья стая сама напала на меня. Смотри, — еще сказал он, — ты укорял,

что я мало сдаю пушину. Выйди во двор, и ты увидишь там полвоза волчьих шкур. Они будут получше соболиных».

— Но у него есть еще вот здесь шрам! — вскричал я в надежде, что произойдет чудо и сон мой окажется вещим. И торопливо, словно боясь, что Михаил не заметит, тыкал пальцем ему в правое плечо.

— Вот тут, тут, — говорил возбужденно, — огромный шрам.

— Там у него ничего нет, — сказал Михаил. Совершенно спокойно и ясно сказал. И еще раз повторил раздельно: — Слышишь? Ни-че-го.

Я молчал. Михаил, усевшись на грубо обтесанный порог зимовья, перемотал портняжки, затем встал, притопнул несколько раз — ладно ли ногам в легких чигах, не обобются ли часом, и позвал.

— Пойдем, — предложил он, — и ты увидишь, чем владел Чумкус.

Мы отошли совсем немного от зимовья и наткнулись на озеро. Крохотное — десять шагов вдоль и столько же поперек, обрамленное по берегам сосновой и лиственницей. А чуть дальше сверкнуло еще одно, а следом другое. Сколько же их тут?

— Четыре, — растопырил ладонь Михаил.

А потом совсем неожиданно подал голос Тунгир. Гавкнул, как в бочку бездонную бухнул. И с секундой замер, прислушиваясь, насколько сильно звучит здесь его голос. А с соседней скалы, поднявшей высоко свою опущенную снегом грудь над аршаном, понеслось басовитое и восторженно-радостное эхо: ах, ах...

— Ты не спеши, — одергивал меня Михаил, — белка не птица поднебесная. Не улетит, не взмахнет крыльями.

Все верно. Не улетела. Не взмахнула крыльями. Падала после моего выстрела вниз, а если была ранена, цеплялась отчаянно за ствол дерева и норовила напоследок впиться в черный собачий нос. Тунгир не дурак. Он подставлял широкую, лобастую морду и подбрасывал раз-другой белку вверх, так вот играют пацаны в «жестку», но там потеха, а здесь работа. Собачья работа. И эту работу Тунгир проделывал профессионально.

— Аккуратный, дьявол, — заметил Михаил, рассматривая поданного Тунгира зверька. Но в голосе не прозвучала похвала, и потому Тунгир осторожно выдернул из его рук белку и подал мне.

— И хитрый к тому же, — снова сказал Михаил.

Я одобрительно потрепал лайку, очистил снегом кровяные пятна с беличьей шкурки и положил ее рядом с другими в рюкзак.

Михаил усился на пень и сказал, что он здесь будет сидеть, курить папиросы и ждать моего возвращения. Я согласился. Пусть он сидит здесь и поджидает нас. Нам хорошо с Тунгиром вдвоем. Третий тут лишний.

Собачий лай подстегивает меня, притягивает к себе, тащит через буреломные завалы (забыл к тому же заповедь Михаила: белка не птица поднебесная) и выталкивает к сосне либо пихте, где бенеется, заходясь в лае, Тунгир.

Белок тут тьма. Быстрые, прыгучие, цепкие, они воздушными акробатами перелетают с ветки на ветку. Когда белки сердятся, то они звонко щокают сверху. Глупые. Я их все равно достану. Даже не меняя положения.

Рюкзак за спиной отжалел. Тунгир окончательно охрип, голос его сел, и он, отыскав зверька, очумело трясет башкой, выдавливая из горла мучительный лай. Можно настrelять больше, но мне хватит и этого. Завтра же сниму шкурки и отнесу к Завьялову. Мать говорила, что он большой мастер по части выделки. И шапки шьет неплохо...

Михаил сидит по-прежнему на пне, а у его ног потрескивает небольшое огнище. Он растопырил руки над пламенем. Греется. Я снимаю рюкзак и разгребаю снег руками, отыскивая бруски. Брусличный лист плотный, хрумкий, еще зеленый, а перезрелая ягода, покрытая тонкой кожицей, кажется, вот-вот лопнет. Но это не так. Обман зрения. Ягода затвердела на морозе, я набираю ее полную горсть, и она постепенно оттаивает в ладони, становится прозрачнее, а у меня во рту делается кисло-сладко.

Я утоляю жажду, а потом вываливаю из рюкзака белок и протираю шкурки еще раз снегом.

— Михаил, — спрашиваю, — а много пушкина остается на руках у охотников?

— Остается, — уклончиво отвечает Михаил.

— Отчего так?

Он сжал плотно губы, и вокруг рта обрисовались жесткие складки. Свел брови вместе, прищурил глаза, зачерпнул горсть снега и обмакнул в эту горсть, как кот в сметану, рыжие свои усы. Провел ладонью по щекам, лбу и разглядил лицо.

Посвящается 60-летию ВЛКСМ

Конкурс
одного
стихотворения

Виктор СЕМЕНОВ,
бурильщик,
пос. Кулая, Якутская АССР

У ручья
Киэнг-Юрэх

Нам минус сорок не помеха,
Бывают стужи посильней.
Здесь, у ручья Киэнг-Юрэх,
Мороз испытывал людей.
Мы бурим тундру метр за метром.
Чернеет снег, гудят станки,
Звенят и громко спорят с ветром
Стальные пневмомолотки.
И не стареем мы душою
Под этот добрый перстук.
К нам солнце яркое, большое
Садится прямо на вертлюг¹.

¹ Вертлюг — деталь бурового станка высотою 100 метров.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Геннадий ЗАВАДСКИЙ,
режиссер народного театра,
пос. Большая Мурта,
Красноярский край

Плотник

Все было буднично и просто,
Без лишних красок, наяву.
Звенел топор, стругались доски,
Щепа летела на траву.
Бревно к бревну ложилось строго,
Изба росла — рядок, другой...
Хотелось ласково потрогать
Ее бревенчатость рукой.
А плотник, видно, был в ударе
Иль, может, сядьбу торопил...
Уже стропила ловко ладил,
Карниз умело выводил.
И не беда, что не стеклились
Пока что окна, суть не в том...
Ведь все равно изба светилась —
И каждым бревнышком притом.

Роман ГЕЧИС,

школьник,
Черногорск,
Красноярский край

Я хочу...

Я хочу, чтоб шумели березы,
Чтобы жил и прохожий и друг,
Чтобы кто-то девочонке розы
Положил на крылечко вдруг.

Чтоб трава умывалась росою,
Просыпаясь в зеленых лугах,
Чтоб, любуясь живой красотою,
Не держали винтовки в руках,

Чтоб в тумане с дрожащую речкой
Каждый мог завести разговор
О родном, о далеком крылечке...
О заре, наступающей с гор.

Владимир АРХИПОВ,
бригадир лесорубов,
с. Чара, Читинская обл.

Рельсы Беркакита

Моим друзьям — монтерам-путейцам
из отряда «Якутский комсомолец»

Блещет стужа далью открытая,
Тих густой предутренний лес,
Но рабочий гудок Беркакита
Расколол тишину окрест.
Наши лица куржак окутал.
В наших жилах — горячий гуд.
Не скрывай, открывай, Якутия,
Кладовую угли и руд.
...Ветер шалый. Шаги над бездной.
А под бездной — мерзлота.
Но ложилась дорога железная
На ладонь Станового хребта.
Позади — Золотинка, Нагорная,
Впереди — километры трубят.
Мы растили рельсы упорно —
Может быть, мы растили себя?
...Отдохнули.
Былое вспомнили.
Нам под силу упорный труд.
Самым первым бамовским поездом
Грудь Якутии
Распахнуть!

— Все зависит от внутреннего самоопределения: кто ты? Дичекрад, ищущий

корысть в таежном промысле, или же настоящий охотник с честью, с совестью.

Было тихо. Солнце утонуло за хребтом, а на его место поспешно вышла луна. Сумерки еще не стутились, и оттого она казалась прозрачной, и только нимб вокруг нее светился могуче-красным цветом — верный признак надвигающихся ходов.

Михаил поднялся, отряхнулся с полуушубка снега.

— Пойдем, — сказал он, — я покажу тебе солонец, а потом поедем домой. Посчастливится — увидишь зверя. Это очень редкий солонец. На все уроцище два таких насчитывается, от силы — три. Изюбры ходят туда круглый год, землю соленую ложут.

Мне захотелось было оказаться усталым — сесть и варить чай, но вместо этого я покорно пошел следом за ним.

— Вот тут, совсем рядом, — говорил Михаил, показывая рукой куда-то вперед. Мы подошли ближе, и я уловил смуглый запах мазута. Михаил опустился на колени и встревоженно припал лицом к темному пятну.

— Это солярка, — судорожно выпрямился он. — Чумкус солонцы портит.

Снег утратил свою белизну по краям этого пятна и стал неестественно желтого, трупного цвета. Пятно смерило, ветерносил в воздухе пары солярки, заглушав запах хвойного настоя.

Михаил, обвиснув плечами, что-то мычал, как от зубной боли, и теребил усы. Он хотел показать соль земли, но ничего не вышло. Зато была злобность людская, пропитавшая солонец.

По чьей вине я с самого начала брел от истины Михаила ко лжи Чумкуса? Купился за рассказ и кричал во сне: «Осторожней, Чумкус!»

Но где-то в голове сейчас засела одна мысль, даже не мысль, а так себе — мыслишка. Она скрипуче вещала: «Ведь там была борьба». Этот комариный писк про сон. Хотя вроде бы все верно. Борьба есть вера. Вера в человека.

Кажется, я пытаюсь оправдать себя. А это никуда не годится. Боюсь взглянуть на Михаила. Знаю, в его глазах опять прокралась тоска.

— Знаешь, — горько усмехнулся Михаил, — я себя чувствую так, будто меня обокрали. И стою я где-нибудь в незнакомом городе в лютый мороз на вокзале, а на мне пиджак лядящий. И ежусь и боюсь глаза на людей поднять. Ведь стыдно. Обокрали все же...

Потом он вдруг замахал руками, заругался, стал бегать вокруг солонца, собирая валежник и ломая сухостой. Мы разложили костер и стали походить от пламени, лелея надежду, что огонь уничтожит солярку. Пламя плавило снег, размягчало землю. А когда все спорело, Михаил пробил ножом лунку, сунул туда руку, повозил ладонью по стенкам, а затем прикоснулся к ней языком и совсем помрачнел. Солонец нельзя было спасти.

— Послушай, — вдруг сказал он, — в Алеуре об этом ни гу-гу. Иначе Чумкусу про такую пакость через день будут напоминать охотники.

— Как? — не понял я.

— Просто, — ответил Михаил, — кулаком по морде.

Мы сели в «газик», и деревья стали поспешно расступаться перед нами, тут же смыкаясь сзади, с надежной плотностью закрывая зимовье. Михаил молчал километров десять, а потом снова затянул разговор о Чумкусе, и я сердито подумал, что он просто хочет уколоть меня и показать, что я ни фига не смыслю в людях.

— Лет восемь тому назад Чумкуса судили за браконьерство, — сообщил Михаил.

Он круто выворачивает руль, и мы возносимся на голец. Если бы он остановил машину, я бы вылез и ушел пешком. Для чего Михаил мне это все рассказывает? Хватит одного солонца...

Собаки у него были тогда добрые. Зверя на отстой поставят — подходит, бей, бери, тащи. Все село незаконно мясом снабжал. А когда выяснилось, у кого народ мясо покупает, Чумкуса в суд потянули. На суде отпирался. Дескать, перекупал я мясо-то, а потом продавал. Испугался, что за браконьерство ему больший срок дадут, чем за спекуляцию.

Говорят, сам зверя не бью. Для такого дела надо собак зверовых иметь.

Ну кто-то из работников прокуратуры догадался, съездил в падь, где, по слухам, зимовье Чумкуса было, да и привез собак на суд. Они обступили Чумкуса, визжат от радости, а он ни в какую не признает их. Не мои, мол, псы, и

баста. А когда постановление о штрафе зачитывали, то Чумкус на радостях, что срок ему не отвалили, прикрикнул на одну из собак: цыть, говорит, Рябый. Этот штраф нам сущий пустяк...

Горбатятся в свете фар лесистые сопки, и мы летим все вверх, вверх, словно нас притягивают силы небесные, берем приступом последний хребет перед деревней. На моем плече покоятся тяжелая морда Тунгира. Спит. Умаяла его дорога. Я кошу глазом на Михаила и спрашиваю:

— А почему ты Чумкуса в штат принял?

Михаил пожал плечами — великолепный жест беспомощности. Но все же сказал:

— Упросил он меня. С той поры, как его судили, время породично прошло. И вел он себя вроде тихо. Мне, говорит, без тайги никак нельзя. Да и охотников не хватало. Вот и взял я его.

Сказал так, будто размыслил приглашал. А я-то думал, что вся эта история рассказана Михаилом для моего укора. Что же! Человек способен принять притворство за искренность. А отсюда — всепрощение, отпуск былых грехов. Оказывается, и Михаил где-то может чуть сбиться с дороги, дать крен, заблудить. Не говоря уж обо мне...

Машина уже спустилась с хребта, и мы, щадя ночной покой села, тихо катили по его улицам. Тунгир проснулся, зевнул широко и сладко лизнул мою щеку шершавым языком.

— Знаешь, — сказал Михаил, — на свадьбу я твою не приеду.

— Почему?

— Некогда будет. Дела.

Михаил обманывал меня. Просто он не хотел в мир чужой радости прийти со своей неустроенностью. Это все из-за Алки. Надо написать ей письмо. Она дура, эта Алка. Говорит, что у Михаила слабый характер, а сама же нанесла ему крепкий удар. Сильному всегда достается больше ударов. Просто такие люди, как Михаил, умеют прятать боль, страдание, а не носиться с ними напоказ.

Машина останавливается у дома.

— Тунгир, — зову я, — пошли.

Собака выныгивает из кабинки, потягивается, а Михаил спрашивает:

— Кому шапку будешь отдавать шить?

— Мать говорила: отнеси к Завьялову. Вот ему и отдам.

Днем я сбился с ног, разыскивая мерку. Голова у моей невесты маленькая. Размер пятьдесят четвертый, наверное. Перетряхнул весь портфель, пока наконец обнаружил снуюющую нитку. Это и была мерка.

Я отнес шкурки и нитку, отдал задаток, после чего Завьялов сказал:

— Через неделю все будет шито-крыто.

А вечером, уже в который раз, я напоминал матери, чтобы она не забыла прихватить с собой на свадьбу шапку. Так ходил я по комнате, что-то перекладывал с места на место, торопил время и намеревался с первым рейсом следующего дня улететь в город.

Потом появилась на пороге бабка. Она долго и пристально, словно собираясь запомнить, вглядывалась в лицо мое, моргала красными, без единой реснички веками, вздыхала тайком, а затем робко окликнула:

— Иди, Коля, Михаил тебя зачем-то зовет.

Я толкнулся в дверь. Михаил сидел за столом, скрестив ноги, бросив на колени руки. И я сразу обратил внимание на его руки. Они нервничали, пальцы чуть подрагивали, шевелились, потирали колени, но лицо между тем оставалось спокойным.

— Вот тут распишишь, — ткнул он карандашом в какую-то ведомость.

— За что, Михаил? — спросил я, лишь смутно начиная догадываться, что происходит на самом деле.

— За двадцать добтыю тобою белок. Я их у Завьялова изъял.

Тяжко охала в углу бабка, бормотала что-то, за внука своего сердцем болела и костила, должно быть, почем зря сына своего.

А нам с Михаилом говорить больше не о чем. Вот она, дверь, вот порог — так и ушел я, не сказав ни слова.

Не получится беличья шапка... Ну да разве меньше веселья будет на моей свадьбе?

И никто на ней не вспомнит о Михаиле.

Альберт КРАВЦОВ,

лесоруб,
трасса БАМа, пос. Магистральный

В Магистральном

За пятьдесят — сибирская погода!
Февральский день, занедевелый лес...
Я в Магистральном, без меня два года
товарищи мои трудились здесь.
Больница, почта, баня, телемачта,
клуб, школа и, не верится глазам, —
хоккей! Афиша — объявление матча
среди команд на приз «Строитель БАМ»...
Вот насыпь, рельсы, через Окуихту —
пролет моста, вагоны, тепловоз.
На бережку разлапистую пихту
хотел найти — она пошла на снос.
В болотах помню первую лежневку,
свой помню первый выстроенный дом —
мы проявляли всю свою склонность,
мы в трудный день стояли на своем.
На том самом, что к делу нас призвало,
в необжитые бросило места.
Энтузиазм, расчет — совсем не мало
для тех парней, чья молодость чиста!
На улице XVII съезда
от глаз девичьих празднично, светло.
В поселке что ни девушка — невеста,
моим друзьям на семью повезло!

«Помолчи,
без дорог посчитайся в сугробах,
поживи без жилья
у таежных костров,
поработай
в жестяных застиранных робах,
разогрей на морозе
тяжелую кровь», —
мастер мне говорил.
Вас я понял, учитель!
Жил в медвежьих углах,
силой рук дорожил.
Позабыл о поэзии

Мы «шили» кувалдами звенья,
сочися из шпал креозот...
Но точкою нашего зреня
был факт, что нам крепко везет.
Мы делали нужное дело,
мы были, как воздух, нужны!
...Застывшее небо светлело,
не стало вокруг тишины,
когда мы возникли с платформой
и тормоз крутнул бригадир...
Справляясь со сменной нормой,

Будь рабочим в тайге

я, сочинитель,—
я с ружьем, топором
и пилою дружил.
И почувствовал запахи
трав незнакомых.
И увидел оттенки сибирских жарков.
Вздохи ветра услышал
в хвойных кедровых.
Кожей всей ощущил
свежесть березняков.
Я, старатель, нашел
богатейшую жилу —
полюбил я таежных

сибирских людей.
Здесь ключи ледяные
дарили мне силу,
пропускала тайга —
проходи и владей!
Всем владей, что найдешь,
что построишь на этом
для труда предназначенном
шаре земном...
Будь рабочим в тайге!
По народным заветам —
погибает от зла, кто
приходит со злом.

Монтеры пути

верхонки стирали до дыр.
О сталь обжигали ладони —
в мороз нас подстегивал план...
Трещала в рабочем вагоне
печурка, струился баян.
Мы пели «Гренаду» Светлова,
зубрили английский язык.
Я с вами, заочники, снова
к труду и учебе привык.
Студенты строительных вузов,
в работе — монтеры пути.

хозяева транспортных грузов
и трассы!
С восьми до пяти.
За день продвигалась дорога
на полкилометра вперед.
В масштабах России немного —
сто семь километров за год.
Романтика! Но не туманы,
не запахи трав и тайги...
Работа, горячие планы —
нет сил, чтоб стянуть сапоги!

Сибирские журналисты—
в «Смене»

В детстве она, росшая в семье учителей, мечтала стать врачом. Но потом, в старших классах, пришло увлечение немецким языком. И по окончании школы это увлечение привело к решению поступать на факультет иностранных языков Якутского госуниверситета.

Пять лет учебы—милые суматошные студенческие годы. Первая практика. Исталина Нохсарова проходила ее в школе № 29 города Якутска. Волновалась, когда шла на первый урок. Но вскоре волнение сменилось радостным удивлением, удовлетворением—неужели получилось?! Получилось...

...Мы сидим в учительской. Из окон видны снежные сопки, густо усыпанные елью и сосной, огромный школьный двор с тоненькими стройными березками, крепкие просторные дома односельчан. Когда идут уроки, в учительской тоже тихо: размеренно и негромко тикают стенные часы, разговор ведется вполголоса, на столах и стульях спокойно лежат портфели и стопки тетрадей. Слышишь, как за окном залаяли собачонки—это озорная стайка мальчишек и девчонок, нарушив спокойствие сельской улицы, стремглав понеслась к распадку. Вот и еще одна весна пришла. На маленьких березках набухли терпкие коричневые бугорки, в воздухе, насыщенный, как струна, стоит неповторимый запах пробуждения.

Исталина никогда не задумывалась над тем, какое же время года она любит больше всего.

В родной Амге все было красивым: и зима, и лето, и весна, и осень. Но эта среднеленская весна, так стремительно ворвавшаяся в их, казалось, бесконечную, нелегкую и необычную первую трудовую зиму, поразила подруг яркой своей красотой, поразительной способностью влиять на настроение, мысли, планы.

Татьяна ОВЧИННИКОВА, учитель немецкого языка:

— Только весной пришла к нам уверенность. Мы как бы заново родились, обрели веру в себя и поняли наконец, что поселок—наш родной дом, школа—наше призвание, а дети—это наша жизнь.

Сейчас смеемся, когда вспоминаем наш приезд в Пеледуй, первое знакомство с местом работы, с людьми. Первой мыслью было—бросить все и уехать. От этого нескончаемого и нудного осенне-го дождя, от непросыпающихся улиц, от этих людей, только и говорящих о школе, о делах... У нас ни одной минуты свободной не было: уроки, планы, собрания, заседания. Квартиры тоже не было, жили в интернате. И в этой довольно трудной ситуации я еще раз убедилась в том, какой замечательный человек живет рядом со мной, какая отличная у меня подруга. С ней любые невзгоды напоминяют. Бывало, придем домой усталые, злые от собственных неудач, и вдруг моя Исталина на глазах преображается: начинает пародировать прожитый день, какими мы бываем в школе, на улице, дома, и вот мы уже смеемся, нам весело и все печали позади. Исталина еще в студенческие годы участвовала в импровизированных спектаклях, и у нее это отлично получалось. Прибавьте сюда еще прекрасные музыкальные способности, игру на фортепиано, представляете, как это выглядело?

Вот уже восемь лет мы вместе. С Исталиной надежно и легко. Это она привила мне любовь к путешествиям. С ней мы каждое лето проводили в студенческих строительных отрядах, потом ездили по стране.

Такая она и в школе—непоседа, мечтатель, фантазер. И ребята ее любят. Они в спортзал—и она с ними, они в поход—она главный организатор, а какие прекрасные «Голубые огоньки» устраивают они всем классом!

...Но тогда, три года назад, не все получалось так гладко, как на практике в 29-й школе. Мучилась над составлением плана, с головой зарывалась в методики, внимательно прислушивалась к советам наставника—Галины Ивановны Сосниной. Постепенно приходило не то чтобы уверенность—уменье держаться. Но дома угнетало непонятное ощущение тревоги, растерянности. Она думала о прошедшем дне, о том, что предстоит завтра, и в каком-то девочечнем страхе спрашивала себя: и это каждый день?

Маленькие, случайные неудачи вели к новым сомнениям: а не ошибка ли это? Нужна ли школа мне, а я школе? Со школьных лет усвоила: учитель должен

Елена ГУСЕВА, Раиса КОРОБЦОВА, корреспонденты газеты «Молодежь Якутии».

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

быть непрекращенным авторитетом, предметом искреннего, глубокого уважения учеников. Не сможешь заслужить этого уважения—будь ты хоть семи пядей во лбу—учитель из тебя не вышел, в школе тебе делать нечего. Детей легко оттолкнуть от себя, а потом, когда они отвернутся, очень трудно, практически невозможно оказаться вновь к ним лицом, увидеть доверчивые глаза. Не найдя пути к ним, не сделала то, к чему обязывают назначение, долг учителя. Ушинский, Макаренко, Сухомлинский... Она благоговела перед ними, но их книги не дают готовых рецептов. Они мудро и строго вновь говорили о том, каким должен быть учитель, о том, какова его ответственность перед теми, кого он учит, и теми, кто будет жить рядом с его учениками, после них. «Учитель работает на будущее»,—сказал Сухомлинский. Иной раз казалось, что она физически ощущает тяжесть, которую возложила на себя, выбрав эту профессию.

Г. И. СОСНИНА, учитель английского языка, наставник:

— С первого дня работы в школе Исталина понравилась всем: и учителям, и школьникам, и родителям. Она так быстро втянулась в эту новую для нее жизнь, словно всегда жила ею. Общительность помогает ей быть удивительно нежной, обаятельной и жизнедеятельной. Кажется, она никогда не устает. Уроки в школе, депутатские дела, комсомольское собрание, беседы с учениками и родителями. Все это может происходить в один день—и ни тени усталости на лице. С ней очень интересно разговаривать просто так, для души, и не перестаешь удивляться ее эрудированности. И вздохнет порой кто-нибудь из учеников: «Мне бы столько знать!»

А сколько раз наша Исталина помогала ребятам не заметить ненастья, не испугаться трудной работы. Так было, например, во время уборки урожая в подешевшем созвозе.

Исталина живет по принципу: «Надо—значит надо». Нужен воспитатель в пионерский лагерь, и она едет, хотя отпуск планировала провести иначе. Надо работать с «трудными», и она находит возможность поговорить с каждым, со всеми найти общий язык, дает нужный совет. Помню, в прошлом году, во время дежурства в опорном пункте, я поскользнулась и сломала руку. Исталина и Татьяна пришли в больницу и, пока мне оказывалась медицинская помощь, терпеливо ждали, потом проводили домой. А был праздник, были танцы, и накануне подруги собирались провести вечер в Доме культуры...

Я ценю в Исталине ее огромную жажду знаний, умение достигать цели. Она без обид принимает мои замечания по уроку, прислушивается к советам и быстро устраняет ошибки...

Исталина знала, что через год эти четвероклассники придут к ней, она станет их классным руководителем. Иностранный язык в четвертом не учат, но к прослобе Нохсаровой передать ей класс сейчас, не дожидаясь следующего учебного года, отнеслись внимательно.

Пока она не могла быть у них преподавателем, но внеклассная работа должна была сблизить ее с ребятами, и постепенно они приняли Исталину Поликарповну как свою наставницу. Четвероклассники приглядывались к ней, она к ним. Насколько бы мог затянуться этот процесс узнавания, трудно сказать, не обладал молодой педагог качеством, столь необходимым в ее профессии,—добротой. Дети тянутся к добрым людям почти инстинктивно. Негромкий голос, добрые глаза молодой учительницы, ее стремление быть не только наставником, но и другом, все это привлекало ребятишек.

И в пятом классе Исталине впервые стало легко и свободно на уроке. Предмет новый, звуки незнакомого языка возбуждают интерес. Сыграть на любопытстве, сделать так, чтобы любопытство не исчезло!

Лена ГОРБУНОВА, председатель совета отряда 6-го «А» класса:

— Недавно у нас в школе проходил смотр песни и строя. Обидно, но наш отряд не стал победителем. А думаете, почему? Не было с нами нашей Исталины Поликарповны, она в это время в Якутске была на конференции. Мы так привыкли видеть ее рядом, чувствовать ее поддержку. Но

вы не думайте, что мы такие беспомощные. Наш класс—самый дружный и боевой—включился в общешкольное соревнование, и мы, вот увидите, не подведем больше нашу Исталину Поликарповну, все равно победим.

Есть у нас, конечно, в отряде и такие ребята, которые тянут нас назад, плохо учатся, ленятся готовить уроки. Мы требуем от них хорошей учебы и, конечно, помогаем им. Правда, у нас не всегда хватает терпения, как у Исталины Поликарповны. Она, например, целый час сидела с одной ученицей, пока та не поняла трудную задачу.

Я вот как-то читала книгу. Автора забыла, а называется книга «Это надо запомнить», там есть такие слова: «Если ты дал слово, то надо умереть, но сдержать его». Вот и Исталина Поликарповна учит нас добросовестно выполнять свои обязанности, уметь не только давать обещания, но и подкреплять их конкретными делами. Так родился девиз отряда: «Больше дела, меньше слов. Будь готов—всегда готов!»

...Нельзя назвать ее класс лучшим в школе. К тому же в этом учебном году сюда пришли не только те, кого она «вела» с четвертого: объединились ребята из двух классов.

Класс как класс. Одним учителям в нем приходится проще, другим труднее. Дети—максималисты, а в этом возрасте—особенно. Если они кого-то не любят, так не станут скрывать свою неприязнь. Старшеклассники—те более снисходительны. Они могут зевать на уроках, но обязательно прикроют рот рукой. Они не станут стучать крышками парт и поворачиваться спиной к преподавателю, хотя мысли их нередко уже за порогом школы. Школу они оценят позже, а в десятом их, кого неосознанно, кого вполне сознательно, тянет во взрослую жизнь. Так считает Исталина и признается, что ее привлекает именно средний школьный возраст.

Класс—это не безликая масса, это разные, непохожие характеры. И каждый из ребят требует от педагога пристального внимания, интереса к своей жизни, «неравнодушия» к себе. И Исталина понимает это. Сегодняшний неугомонный, но дружный класс—это ее заслуга.

А. И. НАГАЕВА, директор Пеледуйской средней школы:

— Уверена: Исталина Поликарповна станет настоящим учителем. Помните, у Сухомлинского: «...если ты видишь ученика только из-за своего стола в классе, если он идет к тебе только по вызову, если весь его разговор с тобой—только ответы на твои вопросы, никакие знания тебе не помогут. Надо встречаться с ребенком как с другом, единомышленником, пережить с ним радость победы и горечь утраты». Исталина Поликарповна стала и другом и единомышленником для всех, даже для тех называемых «трудных», над которыми она шефствует. И как секретарь комсомольской организации, и как председатель комиссии по работе с несовершеннолетними при поселковом Совете, и как народный депутат она успела побывать на квартире каждого своего подопечного, поговорила с родителями, установила связи с шефами.

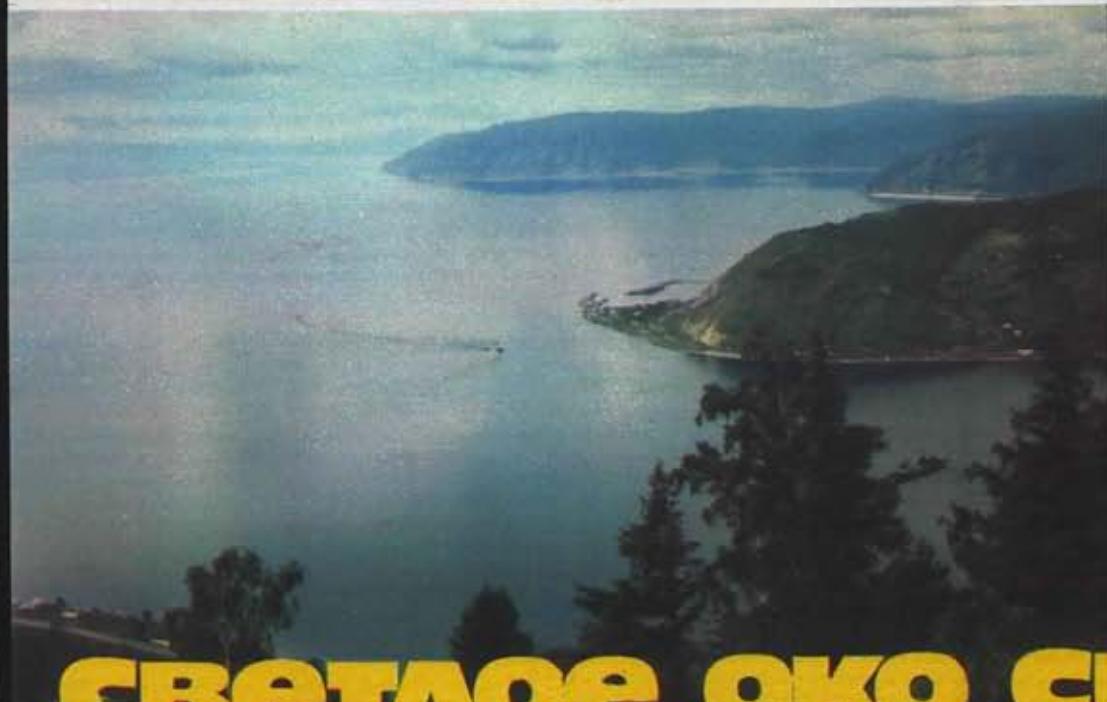
...Исталине очень нравятся ребята из школьного комитета ВЛКСМ. Она всегда бывает на всех их заседаниях и, наблюдая за ними, искренне радуется, что они такие горячие и рассудительные, самостоятельные и искренние. Ей всерьез не приходилось вмешиваться в их действия. Решения, которые они принимают, всегда обдуманны и справедливы.

Все школьные мероприятия они готовят вместе. Ребячья смекалка и энтузиазм учителей, горячее желание одних сделать все с блеском и умение других правильно оценивать силы и возможности дают хороший эффект. Взять хотя бы вечер встречи с ветеранами труда. Как увлекла школьников искренняя беседа со знатным работником Алексеем Александровичем Воробьевым, как взволнованно разговаривали с ветеранами Лена Кайкина и Вера Черемных...

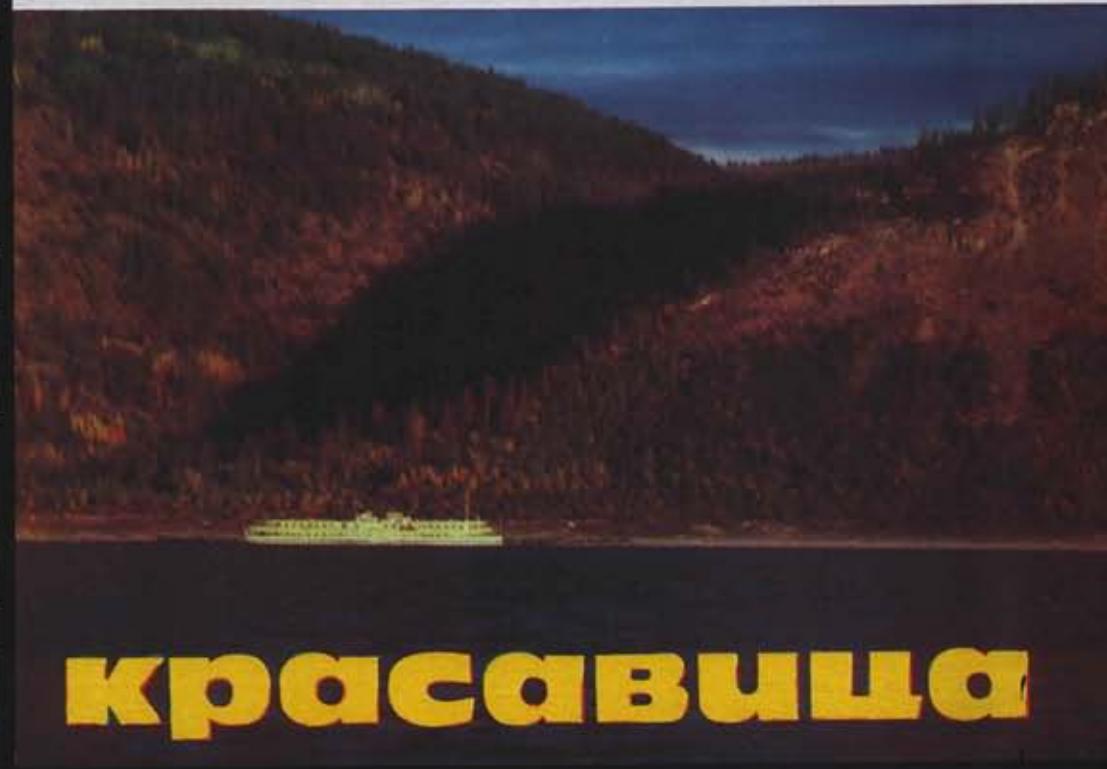
Сейчас, кажется, все есть у Исталины Нохсаровой, делегата XVIII съезда комсомола: и привязанность учеников, и авторитет в школе, и уважение в РК ВЛКСМ. Но, помня о том, к чему обязывает звание учителя, педагога, она не может быть спокойной. Она постоянно находится в поиске. В становлении. И верится—становление состоится.

БОГАТЫРЬ ЕНИСЕЙ

СВЕТЛОЕ ОКО СИБИРИ

красавица лена

Георгий КУБЛИЦКИЙ

а

весь Чехов не знал Енисея ни в бешеном буйстве порогов, ни там, где от берега до берега — полсотни верст.

Чехов видел Енисей лишь в Красноярске. Здесь у реки вроде бы ни шире, ни — особенно — мокши. Енисей разделен надвое зеленым островом с зарослями тальника, дальний проток не виден с бульвара. Горы, дымчатые и ментательные, с вулканоподобной вершиной Черной сопки не накисают над водами, они отошли в сторону, чтобы не схватываться с рекой.

Но Чехов чутьем художника ощущал упругую стальную силу струй, крутящих воронки водоворотов у городской паромной переправы. Енисей предста-

Франц ТАУРИН

р

одина: одна для всех нас, но у каждого она своя. И в каждой живой душе бережно хранится память о кусочке родной земли, подарившем первыми ощущениями бытия, и неизменно звучит запавший с детства голос родной природы. Для каждого свой, иной.

И белое безмолвие заполярной тундры, и ласковый шелест подмосковных перелесков, и задумчивая тишина цветущей весенней степи, и стонущая под напором бури вековая тайга, и грозный рев горного потока, падающего с каменных круч, — все это голоса родной природы, безмерно щедрой в своем великолепном разнообразии.

Вячеслав ШУГАЕВ

а

о сих пор хранятся у меня две громоздкие, переплетенные в мягкие картонные книги, две части ломанской карты реки Лены. Подарил их мне одной поздней, холодной осенью Василий Иванович Антюхин, капитан теплохода «Лена».

По улицам Усть-Кута тянулся сырой, резкий ветер, пробрасывало снежной крупой, налубы закончивших навигацию судов были так пустыны и ледяные, что не прихоты, что уже на берегу хотелось поеживаться.

Василий Иванович, невысокий мужчина с тяжелыми донскими складами, пока мы искали, на чем добраться до «Лены», все поглядывал на нее, щури-

вился ему могучим, неистовым богатырем, который не знает, куда девать свои силы и молодость.

Позднее писатель нашел, что только с Енисеем начинается та оригинальная, величавая и прекрасная природа, которую боготворят народы Сибири, уважают беглые, пробирающиеся с мест каторги и ссылки, и которая будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов.

Редко кто из пишущих удержится, чтобы не привести чеховские строки, рожденные при встрече с Енисеем:

«Я стоял и думал: какая полна, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

И ведь не поистерлись веши строки, нет! Год от года Сибирь придает им все большую наполненность и верность.

В Красноярск Чехов приехал по Сибирскому тракту. Это, по его словам, была «самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете», где повозка увязала в черной жирной грязи. Город? Ну что же, обыкновенный сибирский губернский город, хотя, быть может, красивее и интеллигентнее других.

Так не родились ли мысли о смелой,

умной жизни прежде всего как предвидение будущей гармонии человека и дивной, сильной природы? Природы, сгустком характера которой виделся Енисей?

Я прожил на Енисее половину жизни. Знаю его от истока до океана. Зачарованный Енисеем, две навигации ходил в команде бухсирного теплохода. Излазил берега и как геодезист-изыскатель. А потом сменил теодолит на блокнот — и снова редкое лето без Енисея.

Да, молодая мощь неистового богатыря теперь трезвыми умами оценена в тридцать с лишним миллионов километров. Это не сухая цифра, это одухотворенные миллионы — им работать во имя полной и смелой жизни. За ними скакоч таежной глухомани из быта землепроходцев в преддверие XXI века и бег электрички там, где с ледникового времени до первых пятилеток не ступала нога человека. За ними сибирская электросталь и сибирский алюминий, электровозы, машины тяжелые составы по магистралям, сменившим безобразную, рябую полосу тракта, некогда соединявшую Европу с Сибирью.

У каждого своя Родина, у каждого свои три березы...

Но есть в нашем необъятном Отечестве места, которые близки сердцу каждого советского человека. Одно из таких мест — славное море. Вряд ли съездится в нашей стране человек, которому неведомо было бы звучное слово «Байкал».

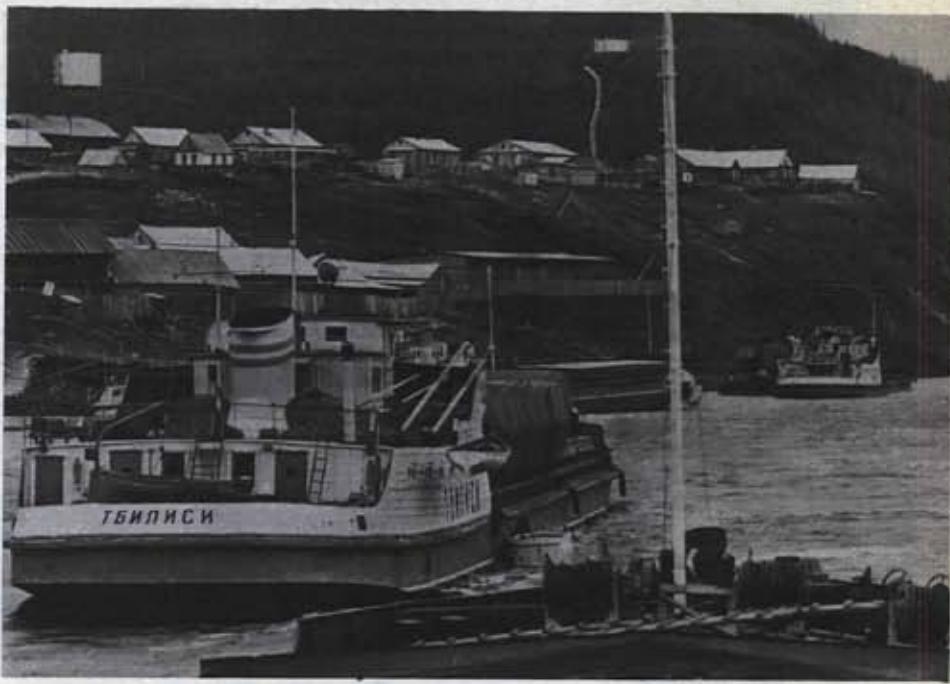
Байкал — уникальное чудо природы. Миллионы лет назад по неведомой причине разверзлась земля, огромная рана на теле планеты заполнилась водой, и возникло самое глубокое озеро мира. Глубина его почти два километра, и воды в Байкале больше, чем в Балтийском море со всеми его заливами. В Байкале сосредоточено пятнадцать процентов пресной воды всей планеты. И какой воды!.. На двадцатиметровой глубине можно разглядеть брошенный на дно грифеник.

Уникальная чистота воды обусловлена гигантскими ее запасами. В Байкале впадают триста тридцать шесть рек и речек. Вытекает из Байкала одна Ангара. Вытекает сразу могучей рекой, почти километровой ширины. И такая могучая река выносит из озера

за год только одну пятисотую часть содержащейся в нем воды. Иначе говоря, каждая капля воды, попавшая в Байкал, вытекает из него только через пятьсот лет. Как же ей не быть чистой, есть время отстояться...

Создав такую жемчужину, природа позабыла и о достойной оправе для нее. Странствуя по байкальским берегам, невозможно отрешиться от мыслей, что природа словно бы задалась целью показать, на что она способна. Западные берега Байкала обрывисты и суровы. Бурные, черные, фиолетовые скалы отвесно уходят в воду, и густые волны бьют по гладкому камню, расшибаясь в пену. Каменное ожерелье то и дело рассекается распадками и долинами впадающими в озеро речек и ручьев, берега которых густо заросли черной смородиной, и если вы угодите в такой распадок в конце лета, то сможете полакомиться гроздьями сочной, пахучей ягоды. Местами же скалы отступают в глубь берега, образуя бухты с отличными, прямо-таки черноморскими песчаными пляжами (одна из бухт так и называется Песчаная) и... теплой, вполне пригодной для купания водой. А поверх бурных и

РАБОТАЕТ РЕКА. НИ НА МИНУТУ НЕ УТИХАЕТ НА НЕЙ ЖИЗНЬ.

представляется ее ширь. Свинцово-потемневлая и затененная кромка озера, а вся ширь его, куда достигают еще лучи солнца, радостно искрится, отливая бирюзой и лазурью...

Кто был на Байкале хоть раз, никогда его не забудет. Но любят его и радеют о нем миллионы людей, никогда и не бывавших на Байкале, а только лишь знающих о нем из книг, кинофильмов, устных рассказов.

Не могу не вспомнить, как горячо и взволнованно отзывались советские люди, когда (десятилетия тому назад) нависла беда над Байкалом и всерьез разрабатывался варварский (иного слова не подберу) проект: уничтожить в истоке Ангары грандиозный взрыв, с тем чтобы сбросить из Байкала несколько миллиардов кубометров воды и понизить его уровень.

Проект разрабатывался вроде бы учеными людьми. Говорю «вроде бы учеными», потому что истинные учёные резко и аргументировано выступили против бредового проекта.

После того, как в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы иркутских учёных и писателей, в редакцию хлынули поток писем

цепкие, серо-рыжие глаза, словно давно они не виделись и вот теперь он заново привыкал к родным чертам. И спросил:

— Что это ты? Наглядеться не можешь?

Антипин вздохнул:

— Да вот смотрю: устала сильно. Поработала нынче, слава Богу! Завтра ремонт начинаем.

На «Лене» был банный день, команда съехала на берег, парилась сейчас, хлесталась вениками из витимской бересклети. На борту остался вахтенный моряк, он вышел из рубки, лениво помахал капитану, постоял, покурил, поплавал в темную, уже с малой шугой воду. Выскочила на палубу радиостанция, в сарафане, в тапочках на босу ногу, румяно-распаренная девчонка. Видимо, стирала белье. Тоже помахала капитану.

— А она почему не на берегу?

— Дом пока не завела, в общежитии скучно. Тут у нее тоже дом. Между прочим, тоже Леной зовут.

На соседних буксирах, теплоходах, баржах шла работа: гремело железо, вспыхивала сварка, веселые, азартные «Давай, давай!» разносилось,

рвало холодным ветром. На берегу грузчики подметали пустые склады, готовили их к зимнему завозу. С железной дороги, кончавшейся в Усть-Куте, на станции Лена, грузы попадали в речной порт Осетрово и шли дальше водой на север, в Якутию, к морю Лаптевых.

Василий Иванович сказал, даря ложию:

— Посмотришь, когда нас вспомнишь. Может, снова к нашему берегу потянет.

И в самом деле, как-то зимой я раскрыл лоцио и долго рассматривал ее бело-голубые листы, вслух произносила названия перекатов: Утичий разбой, Закобенинский, Хрипун, Подъельник, Желтенький, Кривая лопатка, Приказывай, — и хорошо представлял, какая жаркая работа совершилась у какого-нибудь Хрипуна или Приказывай в разгар навигации.

А в первый раз мы плыли с товарищем по Лене летом 1963 года. Намеревались пройти ее от истока до устья, но под Качугом она совсем уже обмелела.

Автобусом добрались до Жигалова, старинного таежного села, и там сели

ПОЧТОВЫЕ КАТЕРА УХОДЯТ В РЕЙС.

Из своих тридцати миллионов Енисей отдал шесть с лишним Красноярской ГЭС, величайшей гидростанции планеты, и отдаст еще больше Саяно-Шушенской, от которой Сибирь ждет ток уже в нынешнем году.

Плотины отнимают у диких плесов их первозданность. Подпор Саяно-Шушенской сомкнет спокойные воды над знаменитым Большим порогом, что буйлит напоследок в каньоне Саянских хребтов. Жаль его людям дерзкой отваги, проверявшим себя спуском через стремнину. Не пугал их ни победный рев вод, когда кричали человек превращался в немотно шевелящего губами, ни темный крест на скользкой от брызг скале, поставленный в память жертв Большого.

Навечно исчезли на Днепре пороги, их под Запорожьем усмирил Днепроэс. А что касается Енисея... Так ведь на его притоках пороги почище былых днепровских! И думают некоторые оставить заповедными, чтобы было где испытывать волю и мускулы.

В верховых великой сибирской реки — она назана также среди пятнадцати главнейших рек земного шара

— притягательный знак «Центр Азии», уходящая в синее небо игла обелиска. Подле нее можно увидеть меланхоличного верблюда.

Ниже по течению — снегоголовые Саяны с ниточкой высокогорного тракта, то карабкающегося на перевалы, то стелущегося по лугам.

Навоевавшиеся с Саянами, пробив себе дорогу в тесных ущельях, Енисей смиряет бег в раздолье «Сибирской Италии». Так прозвали широкую плодородную котловину еще ссылочные декабристы.

Нет, конечно, вовсе это не Италия. Зимы здесь довольно жесткие. Вот разве знойные летние ветры, напоминающие сирокко. И все же, взвешивая «за» и «против» при размещении вокруг Саяно-Шушенской ГЭС предприятий мощнейшего Саянского террито-риально-производственного комплекса, особо учитывали относительную мягкость климата: она поможет превращению многих новоселов в старожилов.

В котловине — село Шушенское, место сибирской ссылки Владимира Ильича Ленина. «Сибирская Италия» упоминается и в его письмах.

У Владимира Ильича не было ничего похожего на отчужденность от сибирской природы. Дальние прогулки стали для него лучшим отдыхом. Надежда Константиновна писала из Шушенского, что может «с большим увлечением говорить об Енисее, островах, лесе и т. п.», добавляя: «А за Енисеем чудо как хорошо».

...И снова Енисей — в горном kraю. На мой взгляд, плес между «Сибирской Италией» и Красноярском — красавец на реке. Теперь здесь Красноярское море. Скалы не дают ему воли. Его узкие, длинные заливы напоминают норвежские фьорды.

Плотина Красноярской ГЭС и Дивногорск рассказывают многократно. Упомяну лишь одну дорогую мне «мелочь»: у самого края утеса, обрывавшегося к машинному залу гидростанции, шумит в вышине непротивоженная тайга — сосенка к сосенке, березка к березке. Сберегли. Вот если бы везде так! Но есть на морских берегах и «мертвый лес» и неоправданые порубки. Поубавило море богатырскую красоту.

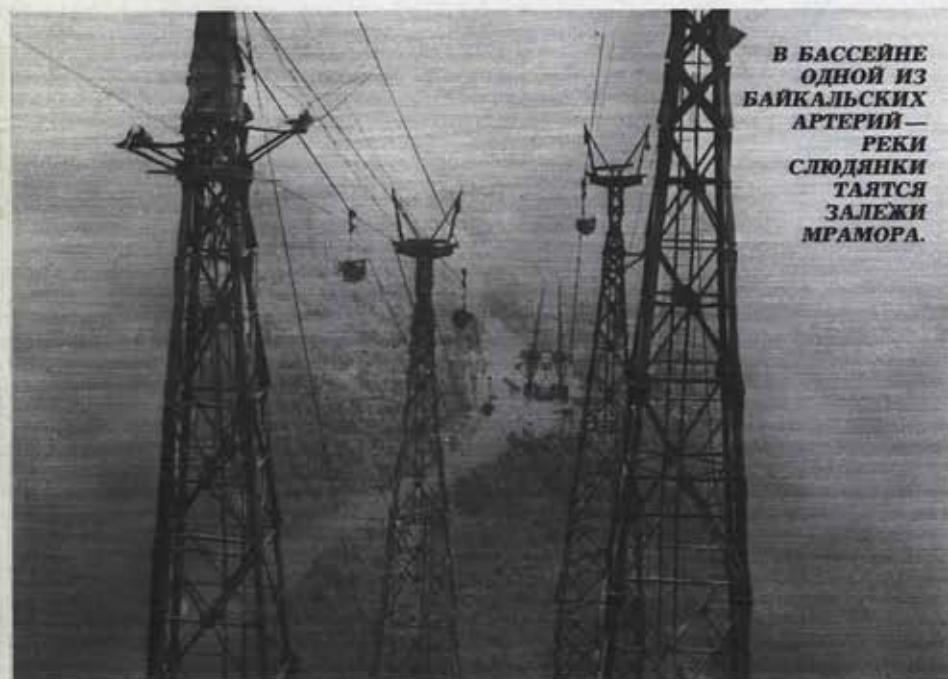
В нынешнем году Красноярску три-

ста пятьдесят. Для сибирского города возраст почтеннейший.

Я был школьником, когда родной мой город отмечал трехсотлетие. Было тогда во граде Красноярске 80 тысяч жителей, из них рабочих — всего около 8 тысяч; церковных куполов красноярцы насчитывали не меньше, чем заводских труб. Ни одного высшего учебного заведения, из научных учреждений — музей и отделение Географического общества...

Трехсотпятидесятилетний Красноярск — кандидат в «миллионеры», обладатель ядра индустриальных предприятий мирового класса, университетский город со своим Академгородком, где, в частности, заняты и такими проблемами, как жизнеобеспечение при длительных полетах космических кораблей и пребывании человека на других планетах.

От Красноярска Енисей — стародавняя дорога в Арктику. По пути к океану через северную тайгу он и набирает полную силу, черпая ее у Ангары, у Подкаменной Тунгуски, на конец, у Нижней Тунгуски, о которой не всякий наслышан, хотя этот енисейский приток длиннее Днепра, почти

В БАССЕЙНЕ
ОДНОЙ ИЗ
БАЙКАЛЬСКИХ
АРТЕРИЙ —
РЕКИ
СЛЮДЯНКИ
ТАЯТСЯ
ЗАЛЕЖИ
МРАМОРА.

на маленький, старенький теплоход «Нахимов».

Бежал «Нахимов» по Лене, шлепал крыльями-плицами по теплой июльской воде, тянул за собой на тросах вожжами баржу с грузом. Четыреста перекатов одолели, пока дошли до Осетрова. Стутился за штурвалом наш молчаливый капитан Иван Кузьмич Рудых, а мимо плыли плессы с серебристыми взрывами ивняка, зеленые покосы, рыбакские лодки с невозмутимо-каменными рыбаками на них.

И так хотелось одновременно быть и в этих лодках, и в прибрежных деревушках, и среди косцов на зеленых луговинах, и на горячей палубе «Нахимова» — раствориться бы во всей этой работе! Да и сейчас бы неплохо вернуться в те дни...

В Осетрове пересели на паротеплоход «Зею», потянувший четыре тяжеленные баржи с продуктами и механизмами для жителей витимской тайги, Пеледуя, Бодайбо... И опять, как сказано в одной песне, «все перекаты да перекаты — послать бы их по адресу». У «Чертовой дорожки» семафор горел красным.

— Самый малый! — нагнулся к пе-

реговорной трубе капитан «Зеи» Петр Пименович Третьяков. Караван начал разворачиваться против течения, чтобы, уцепившись якорными лапами за грунт, переждать, пока идущий на встречу пароход не освободит перекат.

— Еще тише!

Внизу стоял Толик Анкудинов, паренек, начавший первую свою навигацию.

Чал ослаб, баржи постепенно притерлись к берегу.

«Зея» неожиданно вырвала из зажимов трос. И, освобожденная, мгновенно ушла от беспомощных барж. Хорошо, не дремали шкиперы. Бух! Бух! — прогремели якоря.

— В чем дело?

Выяснять некогда, нужно снова обувь баржи. Утром на камбузе Толик Анкудинов виновато краснел, кусок в горло не шел — оказывается, при ночном развороте он вместо среднего хода рванул регистр, и цилиндры съели двойную, полную хода, дозу пара.

Поздним вечером проходили «Ленские щеки». Луч прожектора скользил по их морщинистой, каменной коже. На самом верху «щеки»

— заброшенная избушка семафорщика. Один из ее хозяев был веселым малым. Выходил встречать караулы с гармошкой. Пел и плясал. И махал капитанам рукой.

...Километрах в ста пятидесяти от Мухтуя (мы уже шли на теплоходе «Первая пятилетка») в Лену неслышно впадает из широкогорного распадка речушка Ура. В этом месте нас вызвал на мостики загадочно улыбающийся второй штурман Володя Мельников. Мы поднимались по железному гулкому трапу, и, когда головы наши показались из люка, сверху обрушился тепловатый поток воды. Вахта хохотала, а мы, ничего не понимая, мокрые и жалкие, топтались на мостики.

Так был пройден ленский «экватор», так крестьян водой всех, кто впервые проплыл мимо Уры...

В то лето, пересаживаясь с борта на борт, встречались мы с разным народом: с охотниками, геологами, лесорубами, с ихтиологами из МГУ. Они добывали икринки ленского осетра и самолетами, в специальных контейнерах, отправляли их в Рыбинское, Учинское, Селигерское водохранилища, чтобы проверить: согласится ли на

европейскую прописку осетр-сибиряк?

В первых опытах он показал себя неприхотливым, уживчивым новоселом. Встречались с научными сотрудниками Новосибирского института инженеров водного транспорта. Они изучали перекаты, судовые хода, отмели, чтобы деловыми предложениями помочь бурному развитию транспортного движения на Лене.

...В последний раз я был на Лене зимой, когда строился мост для Байкало-Амурской магистрали. Запороженный красной глиной лед, растиущий из него опалубка ферм, извины труб со сжатым воздухом, позвучавшие сосновые боры на берегах — хранили эха машинных и человеческих голосов. Первый мост через Лену, как бы соединивший теперь, повенчавший бег реки с бегом поездов, сливший их в одно движение к новым дням.

Мы ходили по крепкому, желтому льду со знакомым монтажником-верхолазом, здешним усть-кутским парнем, и он говорил:

— Странно все-таки сердце устроено. Врежется однажды в него какой-нибудь берег, да с такою силой, что никуда от него не денешься. Не уйти,

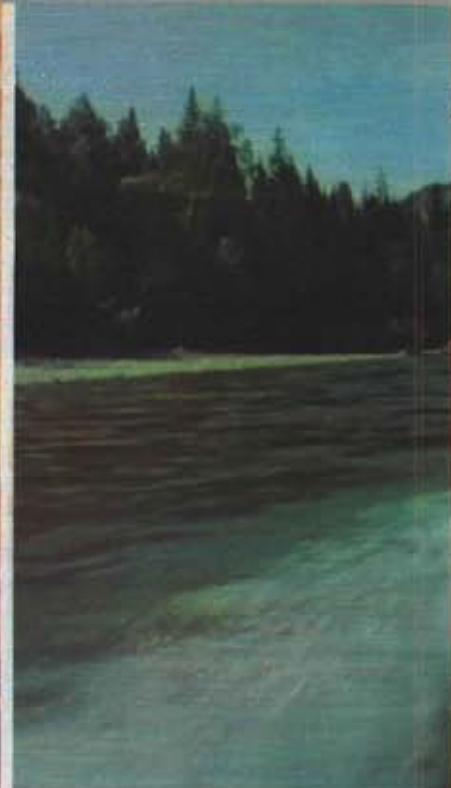
вдвое превосходит Рейн и лишь немногим уступает Дунаю.

Тут в крутом замесе многое: крупнейшие лесопромышленные комплексы и поиски разгадки Тунгусского метеорита; проекты супергидростанций и сенсационные геологические открытия, заставляющие менять эти проекты; фактории, куда охотники-следопыты приносят связки белых шкурок, и «золотая тайга», где вахта электрической драги слушает старые байки о старательях, осчастливленных самородками и по сему случаю появивших лошадей исключительно шампанским.

И в тех же северных плесах — водопады, летящие со скал возле Осиновского порога. Енисей, уже отвыкший от преград, ломит в узкое ущелье, тщетно пытаясь снести гранитный утес на самом быстротоке.

Фритьоф Нансен — его ли можно было удивить после полной полярной одиссеи силой стихии! — вот что записал об Осиновском пороге: «Пароход дрожал под напором течения... Неудержимо неслась масса воды. И душа невольно проникалась чувством

ЕНИСЕЙ, РЕКА-ТРУЖЕНИЦА, ВРАЩАЕТ ГИГАНТСКИЕ ТУРБИНЫ.

было недобро, сочинили неумный проект, а завершение самое разумное.

— Это вы меня, простите, не поняли, — сказал старик. — Вы назад оглядываетесь, на то, что было, а я норовлю вперед заглянуть — И, раскурив свою трубочку-носогрейку, продолжил: — Я здесь всю жизнь прожил, и все мне тут родное, и много обо всем этом я думал. И вот есть у меня такая... как бы сказать...

— Мечта? — подсказал я.

— Мечта. Верное слово. Такая, стало быть, мечта, чтобы Байкал, то есть, самое озеро и все, что вокруг него, сохранить как было. Пущай сто лет пройдет, пущай двести, чтобы все вот так и было. И чтобы лес не рубили, и чтобы никаких заводов, а чтобы море славное и вокруг все на много верст сохранить в чистоте... Очень это важно, чтобы было такое нетронутое место...

Разговор этот со старым рыбаком запал мне в душу. Не один раз возвращался я к нему в своих размышлениях и с каждым разом все более утверждался в мысли, что старый рыбак прав.

Да, очень это важно, чтобы неудержимый поток цивилизации, преобразуя все на своем пути, оставил бы все же хотя бы островки нетронутой природы. Очень это нужно и для отдельного человека и для всего народа.

Очень нужно, чтобы были такие

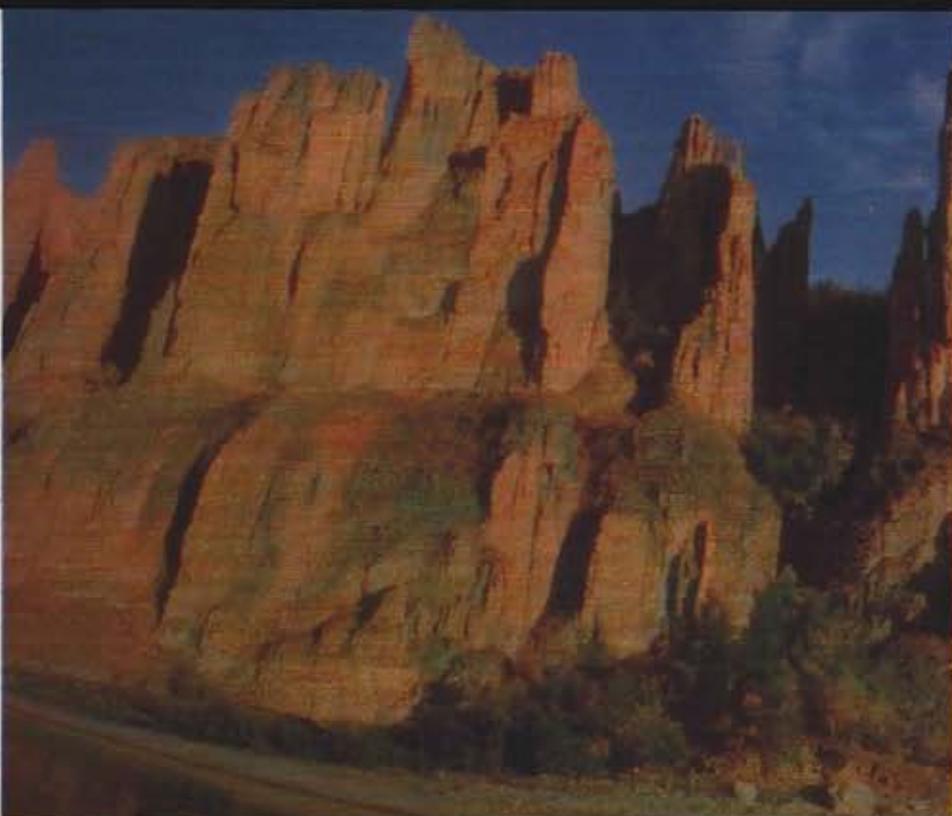
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В БАЙКАЛЕ ВОССТАНОВЛЕНО СТАДО ЗНАМЕНITОГО ОМУЛЯ.

места, где можно прикоснуться душой к природе. Потому что всякое общение с природой — соприкосновение, самое малое участие в созидательной ее деятельности (хоть одну ямку выкопать и посадить деревце!), наконец, даже простое лицезрение нетронутой природы — облагораживает душу человеческую.

И я позволил себе помечтать вместе со старым рыбаком, радетелем Байкала. И, взглянув на славное море глазами правнука своего, увидел Байкальский заповедник, а еще лучше «Национальный парк Байкал» во всей его первозданной, нетронутой красоте. Не дымили заводские трубы на берегах озера, не стучали топоры и не визжали мотопилы в прибайкальских лесах, не плыли по хрустальной байкальской воде многоцветные нефтяные разводы.

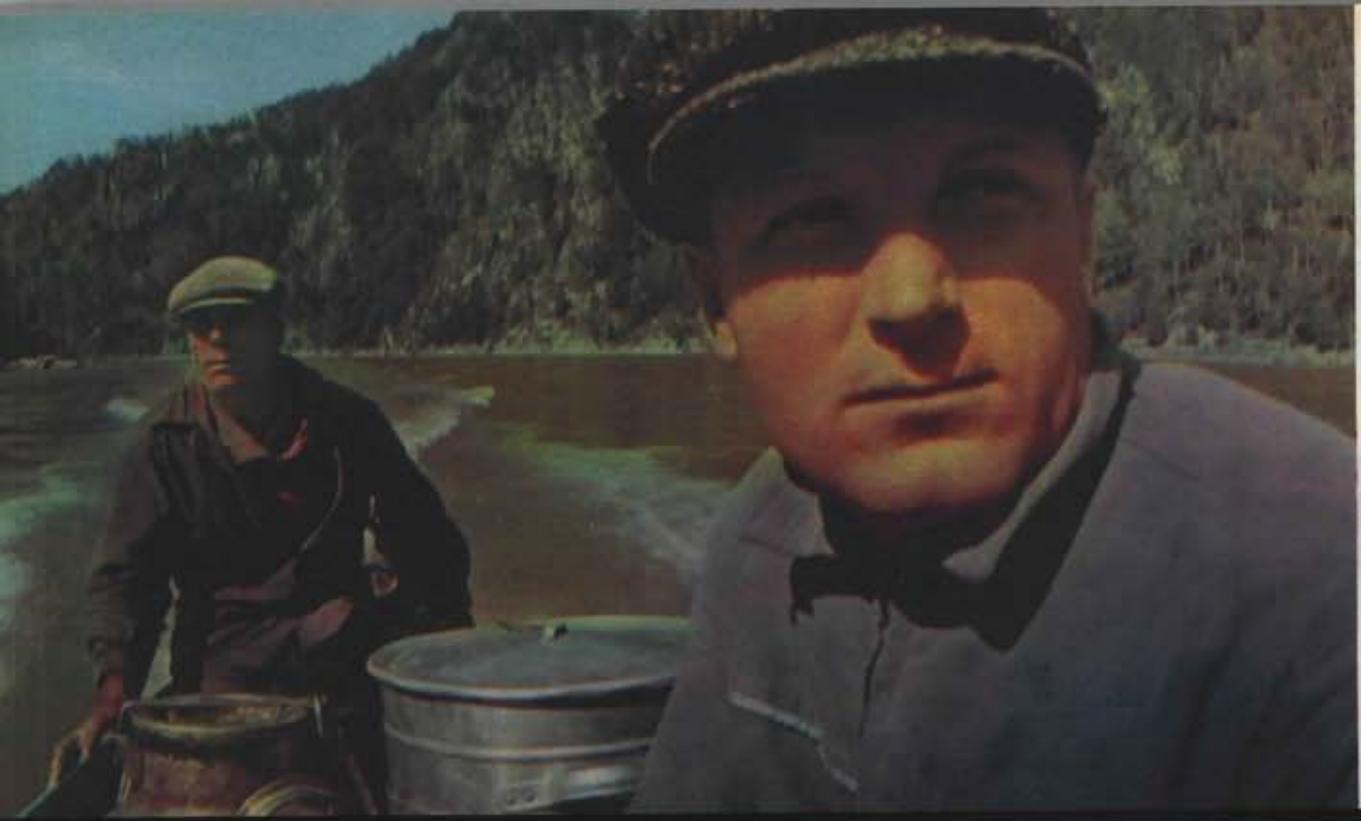
Мечта?.. Ну что ж. Советские люди умеют мечтать. И умеют воплощать в жизнь свои мечты.

Страна наша могучая и богата, и ей вполне по силам превратить славное море во всесоюзную здравницу духа человеческого.

ПО БЕРЕГАМ НЕКОГДА ПУСТЫННОЙ РЕКИ ВЫРОСЛИ ГОРОДА.

ЭТИ МЕСТА НАЗЫВАЮТ
«СИБИРСКОЙ ИТАЛИЕЙ».

полной зависимости от могучей силы природы...»

До устя еще чуть не семисот километров, а на Енисее — морские корабли. Глубина для них в самый раз: зовут же Енисей братом океана.

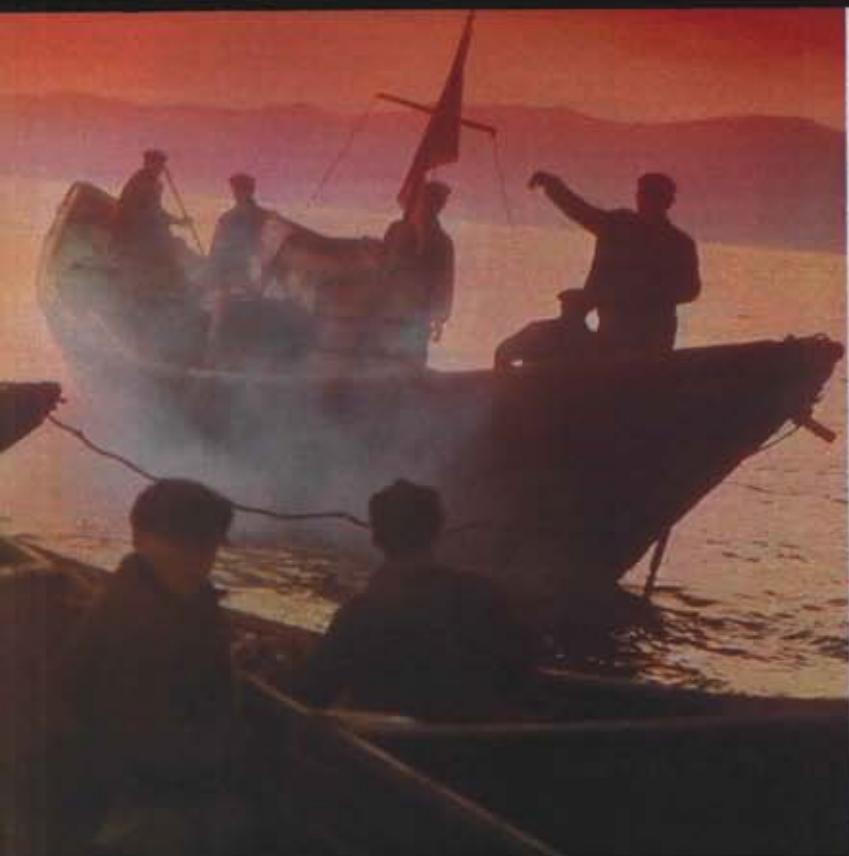
Речной и морской порт Дудинка — это Таймыр, Заполярье, редколесье тундры, северные олени и собачьи упряжки. И вот диво дивное: через «ледяной погреб» Карского моря в нынешнем году за ледоколом «Сибирь» в студеную пору пробились к Дудинке корабли. Так, значит, круглогодовая трасса Мурманск — Енисей становится реальностью?

Она нужна Норильску. Дудинка — его ворота на воду. Без Енисея мы не подняли бы на вечной мерзлоте этот всемирно известный индустриальный гигант.

«...В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея».

Пусть не все разделяли и разделяют это суждение Чехова.

Но никто, кроме Чехова, не определил еще на исходе прошлого века будущее берегов сибирской реки так смело и верно!

ПРИРОДА ПОЗАБОТИЛАСЬ И О ДОСТОЯНОЙ ОПРАВЕ
БАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ.

НЕ МНОГО НАЙДЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ
УГОЛКОВ, СВОЕЮ КРАСОТОЙ
СПОСОБНЫХ ПОСПОРТИТЬ
С ЛЕНСКИМИ БЕРЕГАМИ.

не убежать, не уплыть. Назначено тебе жить на одном берегу. Странно все устроено, но хорошо.

Вечером у него дома я слушал, как он читал стихи, легонько помахивая маленькой книжкой и бесшумно прохаживаясь по чистому, вымытому крашеному полу.

— Вот послушай, послушай. Про тот же берег, о котором я днем говорил. Только лучше сказано.

Хорошо под вечер в лодке,
Обгоняя острова,
Плыть по Лене, по середке —
Чтобы кругом голова,
Чтобы сердцем не касаться
Отзвеневшего денька,
Неподвижно распластаться
На вязанке тальника.
Под расскат далекий грома
Синеву глазами пить
И нарочно жимо дома
В море Лаптевых проплыть.

В номере использованы
фотографии
Олега ГУСЕВА,
Геннадия КОПОСОВА,
Альберта ЛЕХМУСА,
Алексея ЛИДОВА,
Алексея МАСЛОВА,
Василия МИШИНА,
Сергея ПЕТРУХИНА,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

«Наша страна располагает колоссальными природными богатствами,— говорил на XVIII съезде ВЛКСМ Леонид Ильин Брежнев.—...важно умело, разумно, по-хозяйски использовать эти богатейшие ресурсы, поставить их как следует на службу народу, извлечь из них максимальную пользу».

Мы уже рассказывали об открытии геологами оловоносных песков на шельфе моря Лаптевых (см. «Смену № 20, 1969 г.»). Сейчас на этом месторождении действует первое в мире морское разведочно-эксплуатационное предприятие по добыче олова. О работе московских ученых, геологов и горняков, создавших уникальный морской рудник, рассказывается в этом очерке.

Восточная Сибирь: эксперимент

Летом, когда сибирские реки окончательно очистились от ледяного покрова, из Якутска вниз по Лене вышло необычного вида судно. Даже бывалые капитаны сухогрузов, возвращавшиеся с алданским каменным углем, озабоченные «экипировкой» встречного судна, недоуменно пожимали плечами. «Это, однако, с чем же едят?» А в сущности, это был старый плоскодонный лихтер, который, отстояв положенный срок на Жатайском судоремонтном заводе, вновь появился на плаву в совершенно преображенном виде. На его палубе поднимались громоздкие десятиметровые металлические конструкции. Над палубой нависал «клов» подъемного крана. Экс-лихтер сопровождало несколько вспомогательных суденышек. Плыть всей флотилией предстояло до самого Ледовитого океана.

В дальней дороге время словно замедляет свой ход. Но как ни томительны были речные километры для судовой команды необычного лихтера, еще длинее они казались сотрудникам лаборатории горного института, которые, находясь в Москве, питались скучными сведениями о плавании по Лене.

Как ни странно, но первыми у нас всерьез заинтересовались морскими россыпями полезных минералов не поисковики и не геологоразведчики, а горняки, то есть те, кому вроде бы по штату положено приходить «на готовое». Быть может, захваченные общегеологическим интересом к шельфу, они вознамерились загодя побеспокоиться о горной технике будущего. Но так или иначе, а десять лет назад в Московском горном институте, в лаборатории гидромеханизации, которой руководил профессор Григорий Аркадьевич Нурок, появилась инициативная группа «подводников». В ее входили сам профессор и несколько молодых сотрудников, увлеченных новым делом: Юрий Бубис, Юрий Брулякин, Анатолий Меньшиков и способные конструкторы Лев Молочников и Владимир Шильковский. Они-то и составили ядро будущей проблемной лаборатории, занявшейся разработкой технологии подводной добычи полезных ископаемых и необходимой для этого техники.

Первым делом встал вопрос о «полигоне»: где проверять свои разработки? Для этого нужны были условия, наиболее близкие к реальным, лучше всего — настоящее месторождение. Увы, в то время сведения наших геологов о морских россыпях были крайне скучны. В активе имелись только общие данные о курильских магнетитовых песках, о таком же месторождении на Черном море и о титановых россыпях у берегов Прибалтики. На последних и остановились «подводники» из Московского горного института, поддержаные Министерством цветной металлургии СССР.

Сотрудники «новорожденной» лаборатории собственными силами организовали и пробную добычу в море и обогащение извлеченной руды и выдали несколько десятков тонн концентрата.

На Балтике была проведена непродолжительная, но очень полезная проверка принципиальной схемы подводного «рудника». Нужно было заняться каким-то морским месторождением с прицелом на то, чтобы опытная его разработка в перспективе переросла в промышленную добычу. В лаборатории уже не только мечтали о создании настоящего разведочно-эксплуатационного предприятия (сокращенно здесь его называли «РЭП»), этим жили. Но желанного месторождения еще никто не открыл, а сидеть и ждать, когда это произойдет, было равнозначно бездействию лаборатории.

— Нам нужен свой геологический отдел, — решил профессор Нурок. — Будем искать месторождение.

(Тогда это еще представлялось делом более простым, чем оказалось в действительности.)

РУДНИК В О

Так в лаборатории появился геолог Климент Яблоков, причем пришел он не с пустыми руками — со своим «паем». Будучи в экспедициях близ моря Лаптевых, он узнал, что якутские геологи, выявив коренное проявление олова (произошло это лет двадцать назад), разведали также пляжевую россыпь на побережье, а позже, во время сноса воды ветром, взяли со дна моря пробы, в которых тоже обнаружился касситерит — минерал, содержащий окись олова. Яблоков снова отправился к берегам моря Лаптевых, тоже взял со льда, отойдя подальше от берега, донные пробы и привез их в Москву. Анализ подтвердил присутствие оловоносных песков. Но полной уверенности, что это именно то россыпь, которая их удовлетворит, у «горняков» еще не было.

А местному геологическому управлению требовалось время, чтобы направить сюда буровой отряд. Оно и понятно: оборудование надо тащить через тундру, из самого Тикели, а это более трехсот километров. Тогда «горняки» арендовали судно и обошли все побережье (включая окрестности) рекогносцировочным маршрутом.

Наконец, по зимнику прибыл тракторный поезд с буровыми станками и вагончиками для жилья.

К великой радости Яблокова, которого после его первых удачных проб тянуло в это бесприютное место, отряд, присланный Янскому геологоразведочной экспедиции, начал бурение со льда без промедления. Скважины заложили там, где глубина моря достигала двух-трех метров.

Пробы, пробы, пробы... Их набиралось все больше. Присутствие касситерита было несомненным, хотя общие размеры месторождения представлялись еще смутно. Но огромное впечатление произвело тот факт, что буровики, даже углубившись в дно на несколько десятков метров, так и не дошли до «плотика», то есть до нижней границы россыпи!

Залегала россыпь в рыхлой осадочной толще, что говорило в ее пользу, так как обещало облегчить само добывание.

— По-моему, мы попали в точку! — сказал профессор Нурок.

На следующий год сотрудники лаборатории выехали на север целой экспедицией. Со стороны, наверное, все это выглядело далеким от совершенства. Землесос держался на плаву с помощью пустых металлических бочек из-под солярки. Но в экспедиции не было сторонних наблюдателей: все понимали что и почему работали, как говорится, до седьмого пота.

Обогатительную установку раскинули прямо на берегу. Около нее похаживал распорядительный Бубис. Потирая от удовольствия руки, он, как обычно, пересыпал свою быструю речь ироническими стрелами по адресу скептиков, которые будто бы преследуют его всю жизнь. И вот реальный результат всех этих трудов: сорок мешков оловянного концентрата. А это значит, что их надежды оправдались.

Но если для всех геологов на свете открытие месторождения стало бы счастливым финалом многолетней работы, то для горняков это открытие было только началом главного: предстояло проверить горную технику на морском «полигоне». Теперь необходимы были технико-экономические обоснования или хотя бы расчеты элементарной практической выгоды добычи твердых полезных ископаемых с шельфа Арктики.

А какова вообще экономика разработок морских россыпей? Что на этот счет говорит мировой опыт?

Повышенный интерес к ним возник лишь после второй мировой войны, особенно в связи с тем, что были найдены области применения редких и редкоземельных элементов, содержащихся в минералах ряда россыпей.

Но прежде всего промышленность заинтересовалась оловянной рудой — касситеритом. И выяснилось, что для морских россыпей характерна высокая концентрация полезного компонента. Другое, не меньшее достоинство: в подавляющем большинстве случаев обогащенные слои залегают на поверхности дна моря или под незначительным слоем наносов, и, следовательно, для их добычи не требуются очень большие затраты на вскрышные работы.

Наконец, самое необычное и, разумеется, привлекательное (в наш век постоянных тревог об истощимости недр материков): во многих случаях морские россыпи после их отработки восстанавливаются в результате непрерывной энергичной работы течений и волн. Явление совершенно уникальное в природе. Невозможно даже себе представить, чтобы на суше месторождение какой-либо руды после полной его выработки когда-нибудь вернулось к своему первоначальному дородству. А на море это в порядке вещей. В иных случаях, закончив разработку подводной россыпи, можно начинать ее сначала — с другого края. (Впрочем, о такой регенерации морских россыпей пока существуют лишь довольно общие представления, подробно процесс еще не изучен.)

Ну, а данный участок? Присущи ли ему все эти полезные свойства или они являются исключением из общего правила? На это сотрудникам лаборатории и следовало дать четкий ответ.

...Необычный лихтер плынет по Лене все вниз и вниз. Кажется, нет этой реке конца и нет края размаха сибирской земли. Но чем дальше на север, тем больше меняется окружающий ландшафт. Верхоянский хребет плавно понижается, словно даже горы поеживаются и втягивают головы в плечи, чувствуя дыхание Ледовитого океана. Вершинная поверхность хребта становится все более плоской, напоминая столовые горы. Там, за ними, — одно из самых холодных мест на земле: Верхоянск. И чем бы человек ни занимался в этих местах, если его занятие имеет хоть малейшее касательство к земле, ему надлежит постоянно помнить о вечной мерзлоте. Ну, а если человек имеет отношение к морю?

Кандидат геолого-минералогических наук Лев Андреевич Жигарев в последние годы занимался берегами. Вообще-то он мерзлотовед и всегда работал в глубине материка. Но на суше начало мерзлых процессов часто протекает скрытно. Иное дело — некоторые морские берега. Там все на виду. На географическом факультете МГУ, в проблемной лаборатории по освоению севера, создали отдел шельфа, который возглавил Жигарев.

Сколько совершенно фантастических произведений, которые под силу было сотворить только Арктике, запечатлевось в памяти Жигарева! Он видел берега, рассеченные мощными ледяными клиньями, сравнимыми по высоте с крепостными башнями. Но столь же неотвратим был и процесс разрушения. Сначала волны и тепло вырабатывали в нижней части обрывов глубокие ниши. Нависшие над этими пещерами огромные блоки многолетнего льда и промерзшего грунта, не выдержав собственной тяжести, обваливались. Потом несколько лет они еще громоздились у линии прибоя. И наконец, разбитые, оплышившие, исчезали, поглощенные морем. Наверное, так же вот произошла загадочная «пропажа» в море Лаптевых островов Семеновского и Васильевского: одного не стало еще в прошлом веке, другой «расторвался» почти на наших глазах; вместо них остались только плоские песчаные банки. (Может, так же исчезла и легендарная Земля Санникова?) Вот она — современная мерзлотная «кухня», с ее непрерывным и одновременным самоврением и гибеллю.

Южную границу распространения вечной мерзлоты найдешь на любой почвенной карте СССР. А где же северная? Этого до последнего времени никто

Океане

Лев ЮДАСИН

точно не знал. Очевидным было только одно: мерзлотоведам тоже надо идти на шельф.

Одним из первых это сделал Николай Филиппович Григорьев из Института мерзлотоведения Сибирского отделения Академии наук СССР. В море Лаптевых он выяснил конфигурацию массива мерзлоты на шельфе. В материковой зоне она доходила, как известно, в среднем до глубины шестьсот метров. А за береговой полосой, под дном океана, резко сокращалась. «Походев» примерно до ста метров, она исчезала совсем. Иными словами, это был своеобразный «козырек», выдававшийся в сторону моря метров на двести. (Кстати, «козырек» в другом месте — в проливе Дмитрий Лаптева — простирался, как позже выяснилось, на пятнадцать километров.) Но почему именно «козырек»? По-видимому, мерзлота на шельфе очень медленно оттаивает снизу под действием тепловых потоков из земных недр.

Вот какой она оказалась — северная граница.

Так исследовательские интересы мерзлотоведов перепелись с практическими потребностями поисковиков-геологов. Жигарев с сотрудниками отдал шельфа отправился в район поисков. Благо, работники Янской геологоразведочной экспедиции сами попросили заняться «мерзлотной обстановкой».

Изучение температурного поля в районе открытой морской россыпи облегчалось тем, что там имелись готовые разведочные скважины, пробуренные со льда. Опущенные в них термометры и длинные «косы» датчиков рассказали массу интересных вещей.

Так впервые в мировой практике специально провели мерзлотное геологическое картирование прибрежного участка шельфа.

И что же? Зона вечной мерзлоты и здесь не обрывалась вдоль береговой полосы, а тем же «козырьком» уходила под дно океана. Еще одна неожиданность: на суше известны только мерзлые и оттаявшие породы, здесь же обнаружился и третий тип — они имели отрицательную температуру, но содержали в себе больше воды, чем льда. (Такое состояние ничуть не противоречило известным законам физики и объяснялось соленостью.) Им дали какое-то кулинарно расплывчатое название — «окладенные»; ничего лучше не придумалось.

Имел ли это практическое значение? Решающее. Морским «горнякам» необходимо было знать, с какими конкретными особенностями всей толщи пород, залегающих под дном Ледовитого океана, предстоит здесь встретиться. Теперь стало ясно, что начинать добычу можно только со стороны моря. Располагавшиеся там тальные и охлажденные породы достаточно рыхлы, чтобы взять их обычным земснарядом. Мерзлые же (поближе к берегу), известные своей твердостью, потребовали бы куда более сложной и дорогой техники.

Когда лихтер, преодолев дельту Лены, вышел в открытое море, в районе бухты Тикси к нему присоединилось еще три судна: две баржи и пассажирский лайнер «Петродворец», десятки лет обслуживавший туристические линии Европы. Теперь лайнер шел в новый и, может быть, последний рейс: ему предстояло превратиться в плавучую гостиницу.

Тем, кто обжил каюты теплохода, ни внешний вид громоздкого лихтера, ни тем более его сухопутное название «Горняк» никак не казались странными. Они отлично знали, что это будущая обогатительная фабрика, предназначенная для получения концентрата из оловоносных песков, что высокий зал, укрытый уже здесь, в Тикси, огромным металлическим коробом, — ее главный цех, а все оборудование приведут в действие с помощью уже размещенных на лихтере дизелей. После долгого обсуждения в разных инстанциях из нескольких вариан-

БЕРЕГ МОРСКОГО «РУДНИКА».

тов будущего морского разведывательного предприятия был выбран «плавучий», и всему комплексу судов, а главное, тем, кто на них будет работать, еще предстояло практически доказать предпочтительность именно такого варианта.

Однако даже они — люди, непосредственно причастные к предстоящему производственному эксперименту в Ледовитом океане, — лишь понапрасну знали о земснаряде «Моллюск» и о том, сколь значительной может оказаться его роль в «плавучем варианте». А самому «Моллюску» еще не приходилось работать в таких серьезных местах, как подводный рудник за Полярным кругом. Но «Моллюск», несомненно, отличался такими необычными качествами, что о нем следует рассказать подробнее.

Начав разработку подводного земснаряда, в лаборатории горного института очень скоро поняли, что в данном случае не подходит ни один из известных в практике принципов добычи. Работа режущего инструмента типа фрезы требует приложения усилий в пять — десять тонн. Такие усилия трудно создать, когда снаряд подвешен к кораблю или даже опирается в дно (там всегда неудобно опираться). Обычный грейфер (ковш наподобие смыкающихся челюстей, который можно спускать на тросе с борта судна) — это низкая производительность, поднятая со дна муть, которую несет течением, и, следовательно, бесконечные конфликты с рыбоохраной. Последнее обстоятельство заставляет отказаться и от известных типов землечерпалок. Что же остается? Простое всасывающее устройство? Но здесь из-за низкой концентрации пульпы (в ней будет слишком мало породы) большая часть энергии уйдет на пустое перекачивание воды (все равно что гонять по железной дороге полузагруженные вагоны). В общем, ни рыхлить, ни черпать, ни размывать, ни всасывать общепринятыми способами невозможно. А как же? Получалось, что фактически работать нечем.

В лаборатории попытались четко ответить на вопрос: что нужно в принципе? И решили: нужно такое устройство, которое выбирало бы породу, хорошо упираясь в забой в любом положении, и при этом подавало бы пульпу необходимой концентрации. Недостижимая мечта? Идеал? Не скажите. Помогла бионика. В частности, очень интересным оказался способ добывания пищи некоторыми червями, которые питаются илом. У них пища подается к ротовому отверстию по длинному желобку с ресничками. Желобок накрывает довольно большую площадь с илом, реснички гонят его, уплотняя его ртуть, пища становится гуще (в переводе на горняцкий язык повышается концентрация пульпы) — именно то, что нужно. Этот механизм был взят за основу: патрубок-желоб длиной в несколько метров сворнули в плоскую спираль. Проходя по желобу, пульпа (чем ближе к «ротовому отверстию», тем больше) насыщается песком, поскольку каждая твердая частичка вытесняет соответству-

ющий объем воды. Значит, воды этой меньше будет перекачано на обогатительную установку, а породы — больше. Но патрубок надо как-то прижимать к забою. А во что упираться, когда в воде почти как в невесомости? Оказалось, давление машины на грунт можно заменить присасыванием. Когда провели испытания, то убедились, что одновременно с втягиванием пульпы в «ротовое отверстие» под желобом создается большое разрежение, и он начинает вдавливаться в породу. Хорошо. Но это годится только для малосвязанного грунта — для песка, ила. Правда, россыпи часто именно в таком и находятся. Ну, а если все-таки встретятся глина, суглинок? Как их брать? И вот по бокам присоски появились две подвижные зубастые челюсти, приводимые в движение гидроцилиндрами. Одна рыхлит породу перед желобом-присоской, другая, как нога, служит для перемещения всего устройства вдоль фронта забоя. Вот в принципе и весь «Моллюск».

На различные узлы и устройства, применяемые в нем, получено пятнадцать авторских свидетельств. Больше двух лет он проверялся в работе на рыхле подводных траншей в Ижевске, Ярославле, Волжске. Его производительность — 1300 кубометров пульпы в час. Берет даже гальку, не говоря о глине, а тем более о песке.

Короткое арктическое лето было уже на исходе, когда лихтер «Горняк» со всей своей «эскадрой» достиг наконец цели и расположился в отведенном ему месте. Его соединили переходным мостиком с кормой теплохода-гостиницы. Дел предстояло много, а до ледостава оставались считанные недели. Но люди работали с полной отдачей и с таким воодушевлением, что еще до наступления насточящих морозов на обогатительную фабрику все-таки были поданы первые тонны горной массы, поднятой со дна моря.

Так пришел день, когда разведочно-эксплуатационное предприятие, тот самый «РЭП», о котором в лаборатории Московского горного института мечтали еще десять лет назад, начал работать. Пусть это была пока лишь проба сил. Факт остался фактом: начался крупный промышленный эксперимент. Начато большое дело, не опробованное еще в столь высоких широтах никем в мире.

Но рассказ наш будет не полным, если не упомянуть еще об одном полезном начинании профессора Нурока и сотрудников его проблемной лаборатории. В Московском горном институте наряду с разработкой основ теории подводного разрушения пород введено преподавание совершенно новой дисциплины — морского горного дела: вуз готовится к выпуску первой группы морских горняков.

А уникальное плавучее предприятие продолжает нелегкую жизнь в условиях скованной льдом, то жестоко штурмующей Арктику. Впереди у эрзовцев многолетние испытания техники, методов добычи, скрытых особенностей необычного месторождения и, конечно, испытание самих себя.

возраст прекрасного

ДОНДУК ДОЙБУ-ХАА,
художник, резчик по камню,
лауреат премии комсомола
Тувы.

Фото Альберта ЛЕХМУСА.

По вечерам, когда косые закатные лучи линяют небо всеми красками спектра, а окрестные горы наливаются плотной синевой на берегу Енисея, куда выбегает своей окраиной Кызыл, тебя властно забирает красота. Она надвигается постепенно, меняя свои лики по мере того, как вступают в игру света и тени летучие, зыбкие очертания облаков.

Солнце садится. Но и скрытое уже грядою гор, оно не хочет отпускать мир. Его невидимо бьющие из-за хребта лучи неудержимо напоминают о себе, когда на враз потухшем небе сплохами начинают играть облака. Краски их переливаются одна в другую, загораются вновь, рождая все новые и новые оттенки, новые грани красоты. И эта изменчивая, мимолетная красота так же вечна, как и застывшие в немой дремоте горы — безмолвные свидетели бурь истории, пролетевших над этой землей.

Смеркается. Глубинным холодом тянет от резвой енисейской воды. Последние отблески света скользят по металлу высиявшегося на берегу белышика, чей шпиль, сверкающим клином воткнутый в символический земной шар, знаменует собой центр Азии. Надпись на трех языках — тувинском, русском и английском — говорит о том, что мы стоим в срединной точке азиатского материка. Здесь, в самом сердце Азии, рождается великая сибирская река — Енисей. Отсюда, где тихие заводи Малого Енисея сливаются с бурливым потоком Большого Енисея, начинает она свой многокилометровый путь к океану. И в его неудержимом беге словно пульсируют ритмы нового дня тувинской земли.

1. На расстоянии истории

Самолет летит на запад. Горы, горы — нескончаемая грядой тянутся они внизу. Глядя в иллюминатор на горные цепи, так похожие сейчас на макет рельефа Тувы в краеведческом музее, вспоминается висящая там же карта республики, на которой одна за другой загораются огньки лампочек — места залегания полезных ископаемых. На территории Тувы, чья плоскость свободно разместит Швейцарию, Бельгию, Голландию, Данию, встречаются почти все элементы таблицы Менделеева. Многие из них, такие, как каменный уголь и соль, можно добывать открытым способом. В юго-восточных районах Тувы встречаются цельные горы, сложенные из соли. В древности ее так и добывали: отколом порядочный кусок, просверлят в нем отверстие, приторочат к седлу и таким манером перевозят соль на большие расстояния.

Наш путь туда, где у богатейшего Кара-дашского месторождения асбеста раскинулся самый молодой город Тувы — Ак-Довурак, город рабочих и строителей детища современной индустрии республики — комбината «Тувасбест».

Семь сортов асбеста выпускает ежегодно комбинат, и в числе их так называемый «текстильный» — ценнейший сорт длинноволокнистого асбеста. Первую продукцию комбинат дал четырнадцать лет назад. Срок не большой, но он неизвестно изменил облик горы Кара-Даш, у подножия которой раскинулся комбинат. Она со всех сторон обросла заводскими корпусами, временные рабочие общежития поднялись в многоэтажные современные жилые массивы.

Сегодняшний облик Тувы... Его невозможно представить ныне без корпусов и башен современных промышленных предприятий. Без новых городов, выросших там, где раньше молчали безлюдные степи. Десять минут лята от Ак-Довурака — и вы возле еще одного молодого города — Нового Шагонара. А ведь стоит задуматься, сколько историй вобрал в себя этот отрезок земли, уместившийся в несколько минут современных скоростей... Вступающая в строй на полную мощность Саяно-Шушенская ГЭС на Енисее изменит уровень воды в его бассейне, и поднявшиеся енисейские воды затопят обширное пространство. Сейчас в зоне затопления кипит работа. Из зоны переносятся многочисленные исторические памятники: старый Шагонар, которому предстоит уступить место водам Енисейского моря, возрождается заново неподалеку — там, где уже взметнулись ввысь новостройки молодого Шагонара. Так и будут они стоять рядом — старый и молодой. На расстоянии истории.

Именно это расстояние характерно для карты современной Тувы.

2. Два времени — одна судьба

Английский путешественник Карретерс, посетивший Туву в прошлом веке, замогильно предрек: «Этот народ в ближайшие сто лет обречен на вымирание». Скажете, скептицизм? Пожалуй, что так. Однако было и отчего предаваться самым мрачным прогнозам заезжему путешественнику: среди народа, давшего образцы древней енисейской письменности, царила почти сплошная неграмотность. Болезни, эпидемии, смертность были ужасающими.

Родители мои не имели даже собственных юрты, батрачили на богачей, — вспоминает народный артист РСФСР Максим Мунзук, один из знателей тувинской театральной культуры. — Мать умерла, когда мне было четырнадцать лет. А через четыре года умер и отец...

Быть бы и ему батраком и мыкать горькую бедицкую долю, если бы его судьбу не пересекла «главная линия жизни» — революция.

Более 40 спектаклей поставил на сцене Тувинского республиканского театра лауреат республиканской пре-

СЕКРЕТЫ ИСКУССТВА ОТЦОВ И ДЕДОВ ПЕРЕДАЮТСЯ ДЕТЬЯМ.

мии Максим Мунзук. Роли в театре, среди которых любимая — Ленин в пьесе Погодина «Человек с ружьем», насыщенная концертная деятельность, педагогическая работа. Максим Мунзук — автор двух пьес, с успехом идущих на сцене театра. Много делает он и как фольклорист. Им впервые собран и издан сборник тувинских народных песен. И не эта ли многосторонность и незаурядность личности, актерское мастерство и человеческое обаяние Максима Мунзука покорили жюри Московского международного кинофестиваля: ему была вручена премия за лучшее исполнение мужской роли в фильме Акиры Кurosавы «Дерсу Узала». Недавно Максиму Мунзуку исполнилось 66 лет. Но, кажется, целая эпоха отделяет его теперешнюю дату от дня рождения. Да, впрочем, так оно и есть. Две эпохи, два времени, а судьба одна. Судьба, преображенная Октябрьем.

Под этой биографией мог бы подпрыгнуть не один деятель тувинской культуры, кто шагнул из темноты и невежества к высотам знаний и искусства. «Путь арата» назвал свой роман о судьбе тувинского крестьянина лауреат Государственной премии Салчак Тока. И это путь всего тувинского народа, пройденный в исторически кратчайшие сроки.

Если говорить языком цифр, то времена, знаменующее собой начало и этапы становления тувинской советской культуры, также исторически кратко. В 1930 году специальным указом введена национальная письменность; в 1942-м — открыта первая художественная мастерская; в 1947-м — первая тувинская музыкальная школа; в 1952-м — степень кандидата наук получила первый тувинец; в 1962-м — состоялась первая конференция тувинских композиторов и музыкантов... 20, 30, от силы 40 лет.

Нет, не произошло через сто лет вымирания нации, как то предрекал Карретерс. Даже напротив, в Туве на сегодня самая высокая рождаемость по стране. И болезни побеждать научились. Не так давно тувинский хирург Балчий-оол сделал срочную операцию на сердце туристу из ФРГ, которого настиг в тайге приступ. И сделал так, что западногерманские врачи, посмотрев снимок, в один голос признали: «Первоклассная операция! Не видно даже шва!»

Интересно, что бы сказал на это Карретерс?

3. Древнее и вечно юное

В маленьких народностях, столетия проводивших на задворках царской России, проблема культуры была прежде всего проблемой их духовного возрождения.

За годы Советской власти выросло совершенно незнакомое ранее Туве профессиональное искусство. Созданы своя филармония, республиканский музыкально-драматический театр, на сцене которого идут советская и зарубежная классика, пьесы тувинских драматургов. Развивается профессиональная музыка, получили признание первые национальные произведения — опера «Чечен и Белекма», симфоническая поэма «Алдан Маадыр». На зональных и всероссийских выставках экспонируются полотна тувинских живописцев. С успехом гастролирует по стране тувинский ансамбль песни и танца «Саяны». Книги тувинских прозаиков и поэтов известны читателям всех союзных республик и за рубежом...

Эта тоненькая и хрупкая девочка танцует в ансамбле песни и танца «Саяны». Галина Ондар — выпускница Кызыльского училища искусств. Ей 20 лет. Нынешний гастрольный сезон для нее первый. В училище Галия пришла, осуществляя свою заветную мечту, — с детства любила танцевать. Выросла в семье чабанов. Родители ее до сих пор пасут отары овец, уезжая с ними на лето за многие километры от колхозного центра. Но это не помешало Галине увлечению. Танцевала она в школьной самодеятельности, танцевала на народных праздниках народом, ежегодно проводимых колхозом. И когда узнала, что в Кызыле открылось училище, уговорила отца отвезти: а вдруг посчастливится поступить? Ей посчастливилось. И сейчас она на первых в своей жизни гастролях вышла на ту самую колхозную сцену, с которой когда-то начинала свой путь в искусство.

Тувинское горловое пение «сыгыт» и «хомей» уникально. Услышав его впервые, трудно поверить, что это человеческий голос. Он звучит как инструмент, ведь основную мелодию и расцвечивает ее унисоном подголосков. Звук этот похож скорее на жужжение струны — и все же это пение. Пение, дождевшее из седой древности и бережно сохранимое по сей день.

Окончание на IV обложке.

ДО ОТПРАВЛЕНИЯ ПОЕЗДА

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА.
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Судьба моя, мечта моя, далекие пути,
Да вечное движение, да ветры впереди.
Глаза пристанционные зеленые сверкнут—
До отправления поезда осталось пять минут.

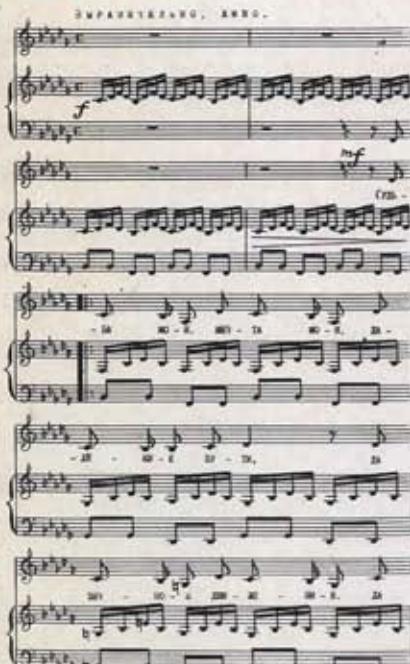
Припев:
Старый мотив железных дорог,
Вечная молодость рельсовых строк...
Кажется, будто вся жизнь впереди.
Не ошибись, выбирая пути!

За окнами вагонными гитары говорят,
Как будто вся страна моя—строительный отряд.
Друзья мои надежные с дороги не свернут.
До отправления поезда осталось пять минут.

Припев.

И пусть уже распахнута космическая даль,
Идет-грядет великая земная магистраль.
Проложим за Байкалом мы невиданный маршрут.
До отправления поезда осталось пять минут.

Припев:
Старый мотив железных дорог,
Вечная молодость рельсовых строк...
Кажется, будто вся жизнь впереди.
Не ошибись, выбирая пути!

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

21 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

пятый тур

I

Ход белых.
Кооперативный мат в три хода.
(4 очка).

Обратный мат в четыре хода.
(6 очков).

III

Ход черных. Как должна завершиться борьба при наилучших действиях обеих сторон? (4 очка).
Открытый с ответами на пятый, заключительный тур конкурса (решение каждой позиции посыпается на отдельной почтовой карточке) нужно отправлять в адрес нашей редакции с 26 сентября по 10 октября 1978 года.

КОНКУРС: СИБИРСКАЯ ТЕМА

Дорогие читатели!

Для «Смены» Сибирь и Дальний Восток—традиционно близкие и дорогие места. Два специальных номера, посвященных БАМу, дальневосточный номер, общесибирский номер, многолетнее шефство над районами западносибирских газовых и нефтяных месторождений, многочисленные публикации на самые разные темы из этих благодатных, истинно замечательных мест—такова практика «Смены» последних лет. Теперь мы вновь сосредоточиваем внимание на Востоке нашей страны, выпуская специальные номера, посвященные Западной (№ 16), Восточной Сибири (№ 17) и Дальнему Востоку (№ 18). Сибирские и дальневосточные адреса и впредь будут зоной нашего особого внимания. Вот почему мы обращаемся с предложением к сибирякам и дальневосточникам, ко всем, чья жизнь так или иначе связана с жизнью этой части нашей Родины: присыпайте нам письма с рассказами об интересных людях, очерки, стихи, зарисовки, семейную переписку—все это послужит материалом для создания новых выступлений «Смены». Ждем ваших писем с пометкой: «Сибирская тема».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

1. Достижение. 8. Мельбурн. 9. Несторов. 10. Трипод. 11. Смирнов. 12. Капелла. 13. «Волга». 15. Ушаков. 18. Адзуки. 20. Аллигатор. 21. Стирол. 22. Донник. 23. Короленко. 25. Плюта. 27. Натрий. 29. Кобза. 30. История. 31. Кисегач. 32. Биешу. 34. Авогadro. 35. Тиснение. 36. Товстоногов.
1. Дыбенко. 2. Тент. 3. Ихтиолог. 4. Сандин. 5. Ортопед. 6. Немешательство. 7. Коллективизация. 13. «Валерик». 14. Антенна. 16. Карат. 17. Валка. 18. Ардон. 19. «Зенит». 24. Либретто. 26. Вариант. 28. Аксенов. 32. Бокс. 33. «Утро». 35. Тиснение. 36. Товстоногов.

По вертикали:

возраст прекрасного

Начало на 32-й стр.

Без национальной борьбы хуреш не обходится ни один праздник в Туве. Она требует от борцов не только силы, ловкости, умения осилить противника. Каждый борец должен исполнить перед боем символический танец орла. Медленно кружится в танце борец. Руки его, распластанные, как крылья, то резкими взмахами встрихиваются, то вновь застыгают — как бы в парящем полете. Силу орла, его быстроту и могущество должен по древнему поверью передать этот танец борцу перед боем.

— Наш фольклор — это еще, по сути, целина, — делится размышлениями балетмейстер-постановщик тувинского ансамбля песни и танца «Саяны» Х. Аминов. — Изучен он еще сравнительно мало, но, собирая материал для танцевальных композиций, мы не раз убеждались, что старинные танцы, песни, игра на народных музыкальных инструментах знакомы не только старицам, но и молодежи. А знаменитым горловым пением владеет почти каждый тувинец. Достаточно побывать на народных фольклорных праздниках, проводимых ежегодно, чтобы

БЕРЕЖНО СОХРАНЯЕТ ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЦЕНЕ АНСАМБЛЬ «САЯНЫ».

убедиться: древнее искусство, возрожденное и оберегаемое народом, — это его живая память, его нравственный мир, его понятия о добре и красоте.

4. О чём говорит камень

Резной камень Тувы... Из глубин веков, от знаменитых каменных изваяний идут традиции самобытного искусства тувинских камнерезов. И если мы попытаемся рассказать об искусстве, ставшем своего рода визитной карточкой Тувы, то, пожалуй, следует остановиться на резбе по агальматолиту.

Мотор надсадно гудит, с трудом одолевая перевал. Но вот, наконец, самая верхняя точка перевала взята, и «газик», облегченно глуша рев двигателя, споро покатил вниз. Дорога лежит среди унылого однообразия холмов, лишь у самой кромки горизонта

НА КАРТИНАХ ВЛАДИМИРА ХОВАЛЫГА — МОЛОДОСТЬ ЕГО РОДНОГО КРАЯ.

вскинувшихся грядами гор. Солнце рассвирепело не на шутку. Насквозь нагретый воздух прозрачен, ясен. Лишь изредка проплы়т встречный грузовик, и вновь разливается по степи предельная, почти осияемая ясность.

Камень всюду. Небогатый верхний слой почвы местами от своей тонкости, словно бы прорвавшись, выводит наружу горную породу. Косо дыбятся в лопнувших разрезах плиты сланца. Камень скатывается с вершин холмов, устилая скучные пастбища, бугрится вдоль дороги. Бесхитростно-диковатая природа разбросала его везде, где только можно. И как ни старательно глядишь по сторонам, все же упускаешь момент, когда на горизонте показывается гора Кызыл-Даг. Она сразу же заполняет собой пространство, возникшая неожиданно близко, и надвигается на тебя — огромная и красноватая. «Кызыл-Даг» по-тувински «Красная гора». Она-то и дала название поселку. В этом селении, зажатом между горными грядами, живут знаменитые тувинские резчики по камню. Сейчас в поселке работают четырехчлены Союза художников РСФСР. В гостях у одного из них, старейшего камнереза Тувы, народного художника ТувАССР, лауреата Государственной премии имени Репина Хертека Тойбу-хаа, мы сейчас и побываем.

В поселке в эту пору безлюдно. Лишь ошелевшие от зноя псы, на минуту приподняв голову, сонно провожают машину глазами. Останавливаемся у раскидистого тополя, подпирающего покосившийся побеленный сруб избушки. Мастерской как таковой у Тойбу-хаа, как и других резчиков, нет. Работает он дома, когда тепло — прямо во дворе, приладив нехит-

НОВОСТРОЙКИ — ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА КЫЗЫЛА.

СЕРГЕЙ КУУЛАР МАСТЕРСКИ ВЛАДЕЕТ ТЕХНИКОЙ ГОРЛОВОГО ПЕНИЯ. ОН ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ПЕВЦОВ В БУДАПЕШТЕ.

дореволюционной России. Неоновые огни, вспыхивающие по вечерам, просторные квадраты площадей, уходящий в даль асфальт набережной Енисея, куда так любят выходить в этот час жители тувинской столицы... Реактивные лайнеры за несколько часов доставят вас сегодня из Кызыла в

рые инструменты на широченном срубе старого пня, служащего рабочим столом.

Мягкий камень агальматолит, по которому работают тувинские камнерезы, встречается только в Туве, более того, только здесь, в этом поселке.

В агальматолите нет привычной холлодной жесткости камня. Едва подержав его в руке, ощущаешь мягкую, чуть мылую на ощупь теплоту. Он даже не оставляет осколков при ударе резца, сразу же крошится мелким порошком. Но легкость его обработки обманчива. Резьба по агальматолиту требует большого терпения, а простые на вид движения — многолетнего наработки. Камень встречается различных оттенков, от розовых до темносерых. Обрабатывая его, мастер подчас не знает, как камень поведет себя, какой оттенок даст на срезе.

Незаметно, чтобы не нарушить состояния творчества, приглядимся к мастеру. Немногословный, скрупулезный на жесты, он, пожалуй, и неприметен внешне. Графическая резкость морщин. Узловатые руки. Работает он на первый взгляд неспешно, даже медленно, изредка останавливающаяся, чтобы приладить в уголке рта папирусу. И лишь потом понимаешь, что за этой неторопливостью — артистическая слаженность движений, когда удары резца непрерывной чередой следуют один за другим, создавая четко отложенный долголетней практикой ритм работы.

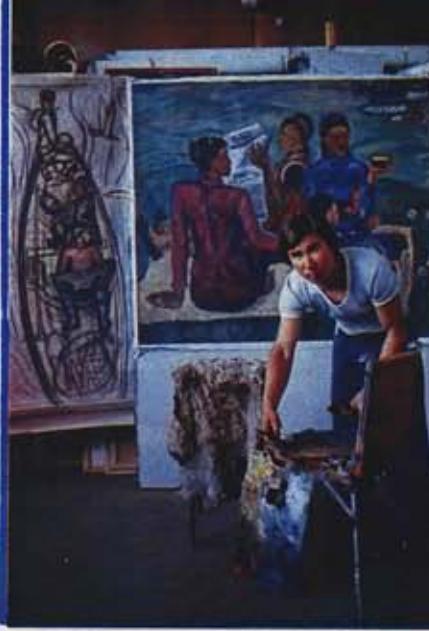
Фигурки животных, мифическая собака Арзылан, шахматы... Камень несет на себе печать мироощущения художника, его умения понимать и чувствовать жизнь основательно, цельно, прочно — печать мироощущения труженика и хозяина своей земли.

Это рассказ о еще одном древнем искусстве. Впрочем, на возрасте не настаиваем. Оно по-прежнему молодо. Оно живет, органично вписываясь в облик сегодняшнего дня.

Мы снова в Кызыле. Сегодня ничего не осталось от бывшего Белоцарска, богом и людьми забытого задворка

ЧЕЙ НАРЯД ЛУЧШЕ? (СЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПРАЗДНИК.)

любой конец страны. Не так уж далеко сегодня Тува и от Москвы. Звон часов на Спасской башне отсчитывает новое время и для древней Тувы — это время смещает расстояния, делая возможным то, что вчера казалось недоступным.

Молодой Кызыл белеет кварталами новостроек, слепит бликами окон, утопает в зелени, обилие которой поражает тем более, что разбит этот зеленый остров в центре одной из крупнейших суш Азии, где солнце уже с серединой июня выжигает почти всю растительность. Но советскому человеку свойственно менять от века заведенный порядок. Менять, чтобы создавать новую красоту.